

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
ФИЛОСОФИЯ, САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНОСАЯСАТ ЖӘНЕ БІРЕГЕЙЛІК

ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану
институтында өткен халықаралық ғылыми-практикалық
конференцияның еңбектер жинағы
2 бөлім

ЭТНОПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ

Сборник трудов международной научно-практической
конференции Института философии, политологии
и религиоведения КН МНВО РК
Часть 2

Алматы
2025

УДК 1/14
ББК 87.3
Қ 18

*Рекомендовано к печати Ученым Советом Института философии,
политологии и религиоведения КН МНВО РК, протокол №5 от 13.11.2025 г.*

Ответственный редактор:

Шайкемелев М.С.-А. – главный научный сотрудник
Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК,
доктор философских наук, ассоциированный профессор

Редакционная коллегия:

Алияров Е.К. – доктор политических наук, профессор
Курганская В.Д. – доктор философских наук, профессор
Шаймерденова М.Д. – кандидат исторических наук, профессор

Қазақстандағы этносыясаат және бірегейлік. ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтында өткен халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның еңбектер жинағы. 2 бөлім. **Этнополитика и идентичность в Казахстане.** Сборник трудов международной научно-практической конференции Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК. / Под общ. ред. Шайкемелева М.С.-А. – Алматы: ИФПР КН МНВО РК, 2025. Часть 2. – 220 с.

ISBN – 978-601-311-388-3

В сборник трудов международной научно-практической конференции Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК включены доклады и статьи ведущих казахстанских и зарубежных ученых - политологов, историков, социологов и философов. Авторы сборника посвятили свои доклады и статьи исследованию проблем межкультурного взаимодействия, становления и изменения этнических стереотипов, формирования казахской и казахстанской идентичности, миграции, мультикультурализма, интеграции этнических и субэтнических групп в казахстанское общество, и другим аспектам нациестроительства и межэтнического взаимодействия в Казахстане и различных странах мира.

Сборник предназначен для казахстанских ученых, преподавателей, студентов, докторантов и магистрантов, а также адресован широкой общественности, интересующейся проблемами этнополитики, межэтнических отношений, формирования национальной идентичности и национального строительства.

*Сборник научных трудов подготовлен и опубликован в рамках научного проекта АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

УДК 1/14
ББК 87.3

ISBN – 978-601-311-388-3

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МНВО РК, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национальное строительство и формирование единой национальной идентичности Казахстана неизменно входило в число самых главных задач, стоящих перед нашим молодым государством. Необходимость формирования общенациональной идентичности определяется тем, что, как и большая часть государств современного мира, Казахстан относится к числу мультиэтнических стран, в которых кроме коренного народа проживает множество других этнических групп. Как известно, одной из главных проблем мультиэтнических и поликультурных обществ является поддержание стабильности отношений и взаимопонимания между различными этносами, недопущение конфликтов между ними и их мирное и справедливое разрешение в случае их возникновения. Поддержание межэтнической стабильности всегда относится к числу важнейших задач государственной этнополитики в Казахстане. В условиях нашей страны – это понимание всегда было аксиомой не только для руководства страны, но и для его граждан, которым принадлежит главная заслуга в том, что в Казахстане на протяжении почти 35 лет независимости, в целом сохраняется внутриэтнический мир и стабильность

За годы независимости произошли стремительные и очень заметные изменения в этническом составе населения: за рубежи исторической родины выехала значительная часть русскоязычных и европейских этносов

– русские, украинцы, немцы, белорусы, греки, поляки и другие, в то же время на свою историческую родину возвращаются кандасы – казахские этнические репатрианты. За счет более высоких темпов рождаемости по сравнению с европейским населением и в контексте современных миграционных трендов казахи стали этническим большинством в Казахстане. В результате резкого скачка в численном преобладании казахского населения, в структуре которого появилась заметная прослойка кандасов, были запущены, одновременно и стихийно иницилируемые отдельными группами населения и планируемые государством – управляемые процессы казахизации общественно-политического и социокультурного пространств с выстраиванием новых межкультурных границ, определяющих межкультурную и межязыковую дистанции между казахоязычными и русскоязычными сообществами страны.

Формирование межкультурных границ и усиление тенденций разделения и увеличения межэтнических дистанций во многом мотивируется и стимулируется скрытым влиянием примордиалистских, этнонациональных и этнократических ценностей. Проблема языкового деления общества обнажает проблематику более глубоких ценностных и межкультурных противоречий, которые существуют в любом мультиэтничном обществе. В Казахстане социолингвистическая идентификация также требует своего дальнейшего изучения и разрешения в контексте би-, три- и поли-лингвальности групп населения и их связи с ценностными, идеологическими установками. Государство, как известно, проводит курс,

направленный на объединение всех этнических групп казахстанского общества вокруг казахского языка, которая на практике сталкивается с определенными сложностями. В связи с чем, становится очень важным не упрощать и тем более не скрывать сложную мозаику взаимодействия различных языковых групп населения в социальном пространстве и соответственно, возможностей потенциальных конфликтов, возникающих на этой почве.

Наш научный проект «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.) направлен на изучение межэтнических отношений в южном регионе Казахстана в режиме этносоциального мониторинга. В фокусе исследования – процессы взаимодействия и интеграции/деинтеграции этнических групп четырех южных областей Казахстана – Алматинской, Жамбылской, Жетысуской и Туркестанской. Изучение социально-экономических, политических и этнокультурных стратегий этнических групп Юга Казахстана будет направлено на поиск зон и факторов наибольшего межэтнического напряжения и путей их наиболее эффективной нейтрализации в контексте совершенствования государственной этнополитики на местах. Южный регион Казахстана выбран для углубленного исследования и мониторинга по причине того, что за последние 20 лет именно в этом регионе страны фиксировалось подавляющее большинство межэтнических конфликтов, носящих смешанный характер.

Несмотря на то, что Казахстан является государством с высоким уровнем этнического разнообразия, многие направления влияния этого разнообразия на те или иные

сферы общественного развития до настоящего времени не нашли научного осмысления. Одним из таких направлений являются экономические аспекты этнического разнообразия и, в частности, наличия или отсутствия взаимосвязи между уровнем этнического разнообразия и показателями социально-экономического характера. В этой связи, исследование взаимосвязи между уровнем этнического разнообразия Казахстана и неравенством доходов, которое будет проведено впервые в отечественной науке, можно характеризовать как имеющее высокую научную новизну, в том числе, на международном уровне, так как зарубежные исследования проблем этнической фракционализации концентрируются в основном на социальных, а не экономических аспектах ее влияния. Большой интерес вопросов взаимосвязи уровня экономического благосостояния и конфликтности, возникающей на этой почве, вызван тем, что на протяжении многих лет нами в режиме мониторинговых исследований фиксируется социально-экономическое неравенство как главная причина возникающих конфликтов, в том числе, и с межэтнической составляющей.

Новой является и задача исследования социально-психологического самочувствия казахских этнических репатриантов – кандасов и их интеграции в казахстанское общество, которая порождает проблемы как внутриэтнического, так и межэтнического характера. Тема значительных трудностей интеграции кандасов в казахстанское общество до последнего времени была в основном в эпицентре внимания казахоязычных журналистов, редко попадая в поле зрения казахстанских исследовате-

лей и русскоязычных СМИ. Научные статьи с анализом данной проблемы носили, как правило, характер социально-экономического, статистического и демографического анализа. Зарубежные ученые также не оставляли без внимания проблематику интеграции казахских репатриантов, делая основной упор в своих исследованиях на вопросах политики правительства РК в отношении кандасов, психологических и культурологических аспектах их социального самочувствия.

Сотрудники проекта и ранее подготовили и издали ряд публикаций по социокультурному самочувствию кандасов, тем не менее, пока остаются нераскрытыми такие социально-психологические аспекты их интеграции в казахстанское общество как – структура потребностей, динамика поведенческих установок, межэтнические и внутриэтнические стереотипы, система их мотиваций и ценностных ориентаций.

С одной стороны, данный научно-исследовательский проект отражает преемственность мониторинговых исследований, осуществляемых ИФПР КН МНВО РК на протяжении многих лет. С другой стороны, новейшим методологическим драйвером анализа межэтнических отношений на данном этапе должно стать перенаправление научных стратегий на исследование «народной социологии», отдельных повседневных кейсов межэтнического взаимодействия южного региона Казахстана, для которого характерны межэтнические конфликты последних двух десятилетий.

Основная задача планируемого проекта – своевременно выявлять все деструктивные тенденции в сфере

межэтнических взаимодействий, разрабатывать прогнозы развития межэтнических отношений, доводить проектные рекомендации до руководящих органов, предлагая пути решения наиболее важных проблем.

Одной из важнейших задач 2025 года в наших исследованиях стало выявление межэтнических стереотипов и выстраивание на их основе межкультурных границ в процессах межэтнического взаимодействия этнических групп региона. Другой важнейшей задачей стало исследование структуры потребностей, динамики поведенческих установок, системы мотиваций и ценностных ориентаций казахских этнических репатриантов – кандасов; определение факторов интеграции/дезинтеграции кандасов, влияющих на формирование национальной идентичности как результата группового взаимодействия в локальных социумах.

Апелляция к примордиалистским понятиям у кандасов очень сильна, но готовность воспринять эти ценности местными старожилками в социумах Юга страны находится под большим вопросом и требует своего дальнейшего исследования. По-прежнему важным остается дальнейшее изучение структуры идентификационных стратегий этнических меньшинств, таких например, как пределы гибкости и возможностей ситуационистской составляющей этих подходов. Наиболее важным предметом исследований в контексте дальнейшего изучения вопросов интеграции/размежевания в местных сообществах становятся проблемы формирования условных групп влияния, их ценностей, роли этнических стереотипов, мифологии и исторической памяти в создании межэтнических границ и дистанций.

Истории жизни кандасов в Казахстане, рассказанные в интервью и фокус-группах, подчеркивают сложную природу идентификации, интеграции и социальной справедливости. Несмотря на трудности и вызовы, с которыми они сталкиваются, их стремление сохранить свою культуру и язык, а также интегрироваться в новое общество, демонстрирует стойкость и целеустремленность. Это опыт, который обогащает мультикультурный ландшафт Казахстана и подчеркивает важность социальной поддержки и взаимопонимания в развитии межэтнических отношений.

При этом необходимо подчеркнуть, что южный регион остается одним из наиболее чувствительных к вопросам межэтнических отношений в стране. Это связано как с историей региона, где разные этнические группы веками жили рядом друг с другом, так и с более недавними событиями, которые оставили след в коллективной памяти. Важно отметить, что даже при внешней стабильности здесь сохраняется скрытая настороженность и недоверие, проявляющееся в общении с представителями разных этносов и в отношении к сотрудничеству с учеными в проведении социологических опросов. Это говорит о том, что межэтническая сфера воспринимается населением как потенциально рискованная и требующая максимальной осторожности.

Анкетные опросы, фокус-групповые исследования и интервью этого года показали, что ключевую роль в формировании восприятия межэтнических отношений, по-прежнему, играют социально-экономические факторы: уровень занятости, доступ к ресурсам, доверие и обрат-

ная связь с властями в решении наиболее сложных социальных вопросов и качество местной инфраструктуры. Жители разных областей Юга указывают, что именно неравномерность развития и социально-ресурсного обеспечения в этих сферах нередко становится источником напряженности, которая затем может приобретать межэтническую окраску. Состояние межэтнических отношений в южном регионе РК нельзя рассматривать отдельно от вопросов социальной справедливости, доверия к государственным институтам и вовлеченности населения в политический диалог и совместные с властью инициативы, укрепляющие атмосферу доверия.

Проведенные в 2025 году опросы продемонстрировали, что проблемы межэтнических отношений остаются актуальными, особенно в районах, где ранее происходили конфликты. Главной трудностью и ключевым вызовом при работе ученых из нашей проектно-исследовательской группы и работников социологического агентства, проводивших анкетный опрос по заказу ИФПР КН МНВО РК, стали – закрытость населения и его недоверие к целям исследования и соответственно, к исследователям. Особенно в аулах, селах и городе Туркестан респонденты часто выражали опасения относительно возможного использования их персональной информации против них. В таких крупных городах как Тараз, Шымкент, Талдыкорган, Конаев, напротив, люди более открыты, но здесь этнические вопросы более перекрываются социально-экономическими и на первый взгляд не настолько актуальны как в селах и аулах, где этнический фактор имеет более весомое значение и

прошлые конфликты до сих пор влияют на восприятие ситуации.

Для дальнейшей успешной работы важно учитывать, что население нуждается не только в изучении их настроений, но и в постоянной практической работе со стороны местных властей и Ассамблеи народа Казахстана по укреплению доверия, вовлечению молодежи в совместные проекты, а также в информационной открытости со стороны властных структур. Без системно выстроенной работы в этом направлении любые инициативы со стороны власти будут восприниматься с недоверием.

Особое внимание следует обратить на то, что в сельских районах Юга страны сохраняется высокая роль неформальных лидеров – аксакалов, представителей этнокультурных объединений и местных гражданских активистов. Именно они во многом определяют, насколько жители будут готовы идти на контакт и участвовать в диалоге с властью или как в нашем случае – активно участвовать в социологических исследованиях. Это говорит о необходимости при разработке программ по укреплению межэтнического согласия учитывать традиционные механизмы влияния местных авторитетов и обязательно включения этих лидеров мнений в процесс совместной с властями работы.

Также опросы показали, что молодое поколение во многом дистанцируется от межэтнической проблематики, концентрируясь на экономических и социальных вопросах: трудоустройстве, миграции, доступе к жилью, образованию. С одной стороны, это снижает вероятность открытых этнических конфликтов, но с другой создает

риск, что при возникновении кризисной ситуации молодежь окажется недостаточно подготовленной к диалогу и примирению. В этом смысле работа с молодежью и формирование у них навыков межкультурного общения становится одной из ключевых задач.

Наконец, выяснилось, что недоверие к исследователям и опасения по поводу использования информации напрямую связаны с общим уровнем доверия к государственным институтам. Люди выражают готовность сотрудничать только тогда, когда видят поддержку со стороны местной власти и прозрачность в отношении целей исследования. Это подтверждает, что любые инициативы по улучшению межэтнических отношений должны быть системными и сопровождаться долгосрочной информационной политикой и открытостью местных властей, культивированием постоянной обратной связи, направленной на укрепление доверия и чувства безопасности у населения.

Обобщенные результаты наших исследований текущего 2025 года и рекомендации органам управления по решению актуальных вопросов политической и социально-экономической повестки дня южного региона Казахстана легли в основу статей данного сборника.

Научный руководитель проекта
доктор философских наук,
ассоциированный профессор
Шайкемелев М.С.-А.

ЭТНОСАРАЛЫҚ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАС АЯСЫНДАҒЫ ҚАНДАСТАРДЫ ҚОҒАМҒА ИНТЕГРАЦИЯЛАУ МӨСЕЛЕРІ

(Әлеуметтанулық зерттеулер нәтижелері негізінде)¹

Айтымбетов Нүркен Ысқақұлы

Түрлі этнос өкілдері мекен ететін Қазақстан үшін мемлекеттің тұрақты дамуы мен өркендеуі, сонымен қатар азаматтық бірегейлік негізінде тұтасқан саяси ұлт құру ұлттық саясаттың басты бағыты болып табылады. Сол себепті бірнеше жылдар бойы елде халықтардың өзіндік болмысын сақтау мен оларды біріктіру арқылы жағымды этносаралық қарым-қатынасты қамтамасыз етуге басты көңіл бөлініп келеді. Қазақстанда соңғы отыз жылда жүргізіліп отырған ұлттық саясат пен тұрақты этносаралық қарым-қатынас нәтижесінде татулық мен келісімнің қазақстандық моделі әлемге танымал модельге айналды.

Алайда, әлемде бүгінгі күні орын алып отырған жаһандану, геосаяси өзгерістер мен көші-қон үрдістерінің өзара шиеленісі жағдайында елімізде тұрақты этносаралық қарым-қатынасты қамтамасыз ету өзекті тақырыптардың бірі ретінде қалып отыр. Қазақстанда этносаралық қарым-қатынасты қамтамасыз ету мен тұрақтылықты сақтау саласында жүргізіліп

---

¹ Бұл мақала ҚР ҒЖБМ ҒК қаржыландыратын АР23489872 «Қазақстанның оңтүстік өңірлеріндегі этносаралық қатынастардың мониторингі» атты гранттық ғылыми зерттеу жобасы шеңберінде дайындалды.

отырған саясат азаматтық теңдікке негізделген. Алайда, осы уақытқа дейін қалыптасқан этносаралық қарым-қатынасты сақтай отырып, елге көшіп келген этникалық қазақтарды (қандастар) қазақстандық қоғамға интеграциялау мемлекеттің этносаясатының басты бағыттарының бірі болып табылады.

Қазақстан тәуелсіздік алған жылдары көршілес елдерден тарихи отанына оралған этникалық қазақтардың саны тұрақты түрде артып келеді. 2025 жылдың мәліметі бойынша 3203 этникалық қазақ тарихи отанына оралып, ресми түрде қандас мәртебесін алды. Жалпы, 1991 жылы тәуелсіздік алғаннан бері Қазақстанға 1,15 миллионнан астам этникалық қазақ тұрақты тұру үшін қоныстанды [1]. Этникалық қазақтарды бастапқы кезде «оралмандар» деп атаса, кейінірек тиістік органдар бұйрығымен «оралман» атауы ресми түрде «қандас» атауына өзгертілді. 2013 жылғы 15 сәуірдегі Қазақстан Республикасы Заңының 10-бабы 1 тармақшасына сәйкес «Қандастар – тарихи отанында тұрақты тұру мақсатында Қазақстан Республикасына келген және осы Заңда белгіленген тәртіппен тиісті мәртебе алған, Қазақстан Республикасы егемендік алған кезде оның шегінен тыс жерде тұрақты тұрған этникалық қазақтар және оның Қазақстан Республикасы егемендік алғаннан кейін оның шегінен тыс жерде туған және тұрақты тұрған ұлты қазақ балалары» – деп белгіленді [2].

Көптеген шетелдік ғалымдардың зерттеу еңбектерінің нәтижелері оңтайлы интеграция үрдісінің негізі ретінде азаматтар арасындағы өзара бір-біріне деген түсіністік деңгейінің маңызын баса көрсетеді [3, 4,

5]. Шын мәнінде этносаралық татулық пен келісімді нығайтуға бағытталған саясат өзара түсіністік болмаған жерде өз нәтижесін толыққанды бере алмайтындығы анық. Сондықтан мәдениет диалогы көпэтносты қоғамда толлеранттылықты қалыптастыруда ерекше маңызға ие.

Канадалық психолог Дж. Берри аккультурация теориясына сәйкес жеті түрлі ассимиляцияның түрін бөліп көрсетеді, олар: интеграция, ассимиляция, сегрегация және маргинализация. Осы теорияға сәйкес интеграция қабылдаушы қоғамның құндылықтарын, нормалары мен мінез-құлық модельдерін қабылдай отырып өз мәдениетін сақтап қалуды білдіреді [6]. Қабылдаушы қоғамның мәдениеті мен құндылықтарын қабылдамаған жағдайда маргиналды ортаның қалыптасуына ықпал етеді.

Американдық ғалым А. Динердің пайымдауынша Қазақстан тәуелсіздік алған бастапқы жылдары қандастардың азаматтық алуы күрделі үрдіс болды. Бұл олардың республикалық референдумға, сайлауға қатысу және тағы сол сияқты заңды құқықтарын шектеп, олардың интеграциялануына кедергі келтіріп маргинализациялануына себеп болды [7, б. 337]. Ал қазақстандық ғалымдар В.Д. Курганская, З.К. Шаукенова, В.Ю. Дунаев, Г.А. Абрахматова репатрианттарды табысты түрде қазақстандық қоғамға интеграциялау үшін мемлекеттік органдардың өзара келісілген жұмысы, кең таралған ақпараттық-түсіндіру жұмыстары қажет деген көзқарас ұстанады [8].

Елімізде қандастар мәселесі демографиялық ғана емес, сонымен бірге қазақтандыру саясатының бір бөлігі

ретінде де қарастырылуды. Соңғы отыз жылда этникалық қазақтарды елге көшірудің ауқымды саясаты жүргізілді. Бұл саясат ұлттық бірлікті нығайтуға, титулды ұлттың санын арттыруға бағытталған. Алайда, бүгінгі күні қандастарды қазақстандық қоғамға интеграциялау бірқатар қиындықтарға тап болып отыр. Осы орайда қандастардың әлеуметтік және мәдени интеграциясын қамтамасыз ету басты міндеттердің бірі болып табылады. Олардың қабылдаушы ортаға бейімделуі мәдени өзгешіліктерге толы күрделі үрдісті білдіреді. Бұл елдегі этносаралық қарым-қатынастың климатына тікелей ықпал етеді.

Қазақстанның барлық облыстары, аудандары мен елді-мекендерінде ұлтаралық және этносаралық қарым-қатынас саласындағы климат әрдайым қоғам өкілдері назарында. Қазіргі таңда әлеуметтік желілер мен тәуелсіз бұқаралық ақпарат құралдары кез-келген түкпірдегі наразылықтар мен кикілжіңдерді дер кезінде қоғам назарына жеткізіп отырады. Қоғам белсенділері мен зиялы қауым өкілдері кез-келген этносаралық қарым-қатынас саласындағы заңсыздықтар мен кемсітушіліктерді талқылап отыратындығын айтуға болады. Осы кезде қоғам наразылығын тудырған мәселеге мемлекеттік билік өкілдері бейжай қарай алмайтындығы тағы бар.

Этносаралық климаттық жағдайды терең түсіну үшін арнайы далалық зерттеулер жүргізуді талап ететін мәселе екені белгілі. Сондықтан еліміздегі көптеген мемлекеттік және мемлекеттік емес ғылыми зерттеу орталықтары жылсайын әлеуметтанулық зерттеулер жүргізіп отырады. Олар халық арасына барып этностар арасындағы проблемаларды әлеуметтік сауалнама,

фокус-топтар, интервью немесе сұрақ-жауап тәсілдері арқылы анықтауға тырысады. Сол арқылы этносаралық қарым-қатынас жағдайына мониторинг жасалынып, егер халықты, түрлі этнос өкілдерін мазалап жүрген сұрақтар болса, оны зерттеудің нәтижесі ретінде жоғары билікке талдау хаттары мен ұсыныстар арқылы жеткізуге тырысады. Нақты осы саламен айналысатын билік өкілдері зерттеу нәтижелеріне сәйкес алдағы уақытта тиісті шараларды қолданатындығы белгілі жайт.

Осы орайда елімізде қандастардың қазақстандық қоғамға интеграциялану мәселесін зерттеу үшін 2024-2025 жылдары «Қазақстанның оңтүстік өңірлеріндегі этносаралық қатынастардың мониторингі» атты гранттық қаржыландыру ғылыми жобасы шеңберінде әлеуметтанулық сапалы зерттеулер жүргізілді. Еліміздің оңтүстік өңірінде қандастар тығыз орналасқан Алматы облысы, Жамбыл облысы, Жетісу облыстарында арнайы фокус-топтар ұйымдастырылды. Алынған мәліметтер нәтижесінде қандастардың қазақ қоғамына бейімделуіне кедергі келтіретін бірнеше факторлар айқындалды. Осы мақалада қандастардың алдын ала дайындалған сұрақтарға берген жауаптарына тікелей сілтемелер берілетін болады.

Көшіп келген қандастардың басым бөлігі үшін тұрғын үйге қол жеткізу, тұрақты жұмысқа орналасу сияқты қажеттіліктерді қамтамасыз ету басты маңызға ие. Интеграциялық қиындықтар көбіне материалдық сипатта болады. Атап айтқанда жұмыс іздеуде қолдаудың жеткілікті болмауы, білім туралы құжаттардың жергілікті мекемелерде мойындалмауы, кәсіби стан-

дарттар мен дағдылардың сәйкес келмеуі және т.б. Оған қоса материалдық қиындықтармен қатар терең психологиялық мәселелермен байланысты қиындықтар тағы бар. Қандастар қай елден көшіп келсе, сол елдің мәдениетін бойына сіңірген және сол мәдениетті өзімен бірге алып келеді.

Қандастардың туған жеріне оралғанына қарамастан, олардың жаңа қоғамға бейімделу мен интеграциялану үрдісі мүлде басқа елге көшіп жүрген мигранттар сияқты проблемаларға тап болады. Өйткені, олардың басқа елдегі өмірі менталитет пен мәдениетте өшпес өзгерістер қалдырады [9, б.153]. Сол себепті олар өздерінің қазақ қоғамының бір бөлшегі ретінде сезіну үшін жергілікті тұрғындардың олардың қабылдауы маңызды. Алайда бұл үрдіс көп жағдайда олар ойлағандай бола бермейді.

Алғаш осында көшіп, қаладағы өзге қазақтармен араласа бастағанымызда жергілікті тұрғындар бізді жақын қабылдамады. Бізді «қытайлықтар», «оралмандар» деп атап, арақашықтықты сақтауға тырысты. Тіпті университетте де, дүкендерде де, басқа жерлерде де орысша білмегеніміз үшін күлетін. Олар бізге екінші сорттағы адамдар ретінде қарады. Бірақ біздің кінәміз не? Қытайда бізге орыс тілін емес, қытай тілін үйретті. Бізде орыс тілін үйренетін ешқашан мүмкіндік болған емес.

(Дүйсенбек, 35 жаста, 2005 ж. Құлжадан келген).

Қандастың елге оралудағы мотивациялық жүйесі жеке және ұжымдық факторлармен өзара байланысып жатады. Кейбір қандастар ертеректе келген туыстарының

шақыруымен келсе және олардың маңайына топтасуды жөн көрсе, енді біреулері өз бетімен көшіп келген. Ең маңызды мотивтердің арасында өзінің және артынан қалған ұрпағының ұлттық бірегейлігінің сақталуы, мәдени ассимиляцияға ұшырамау, өмір сапасын жақсарту және т.б. жатады. Солардың арасында ұрпақ алдында тарихи парызды орындау ретінде саналатын «ата-баба жеріне» оралудың рухани-адамгершілік рөлі жоғары екенін айтпасқа болмайды.

Мен Қытайдың Құлжа қаласынан 2003 жылы көшіп келдім. Бала кезімнен ата-бабамның жеріне оралуды армандадым. Менің атам Ақшабай Қазақстан туралы ылғи жылы еске алып, бізге талай әңгіме айтып отыратын. Мектептен кейін туған жерге оралып, осында университетке түсіп, диплом алуды мақсат етіп қойдым. Міне, осы арманның жолымен осында келдім.

(Өрісәлі, 37 жаста, 2003 ж. Құлжадан келген)

Бір жолы жолдасыммен Қытайдың ішкі ауданында тұратын туыстарымызға қонаққа бардық. Сонда көшеде ойнап жүрген қазақ баласын көрдім. Мен оған қазақша сөйлесем, ол маған қытайша жауап берді. Ол қазақ тілін білмейтін болып шықты. Осыны көрген жолдасым ақыры ата-бабасының жеріне көшуді жөн көрді. Қазақ баласының тілін ұмытқанын көрген сәт біз үшін ұлкен бетбұрыс болды.

(Сабира, 52 жаста, 2011 ж. Шыңжаң ұйғыр автономиялық ауданынан келген)

Әке-шешеміз ата-бабамыз мекендеген тарихи отанына оралғысы келді. Бұл таныс жерлер, адамдар, тіл және дәстүрлер еді. Олар балаларының өз тарихын, мәдениетін, тілін біліп өскенін, қайдан келгенін ұмытпауын қалады. Сондықтан олар туған жермен байланысты сезінуді және өз елінің арасында өмір сүруді ұйғарды.

(Балболар, 39 жаста, 90 жылдары Өзбекстаннан келген)

Алайда, осындай үлкен мақсаттармен келген көптеген қаңдастардың көзқарастары көп жағдайда қазақтандық шынайылықпен бетпе-бет келгенде өзгеріске ұшырайды. Әсіресе, бюрократиялық қиындықтармен, тіл мәселесімен, жергілікті қазақтар тарапынан кемсітушіліктерге немесе экономикалық қиындықтарға тап болғанда олардың әлеуметтік белсенділігі төмендеп, мемлекеттік институттарға сенімі азаятынын байқауға болады.

Біз келгенде бізді құшақ жая қарсы алатын өзіміз сияқты қазақ бауырларымызды көреміз деп ойладық. Бірақ Қазақстан даму жағынан Қытайдан әлдеқайда артта қалған, орыс мәдениетінің ықпалында жатқан мемлекет болып шықты. Көп естіген тәуелсіздік жай бос сөз екен. Ана тілінде сөйлеуге қорқатын, қазақ болудан ұялатын, тәуелділік пен бағыныштылық менталитетінен айырылмаған құлдық санадағы елді көргенде біздің көңіліміз түсті.

(Өрісәлі, 37 жаста, 2003 ж. Құлжадан келген)

2000 жылдары Қытайдан қаншама қазақ жастары мақтаншыпен ата-баба жеріне көшіп келді. Бірақ ол кезде

Қазақстандағы нақты жағдайды көпшілік біле бермейтін. Олар қазір телефонмен сөйлеседі, көреді, естиді, мұнда істің қалай жүріп жатқанын түсінеді. Менен олар сұраса, мен ештеме жасырмаймын. Мен оларға: «Келмегендерің дұрыс, бұл елдің болашағы бұлыңғыр» деп айтамын. Сыбайлас жемқорлық өршіп тұр. Бір қазақ екінші қазақты алдап, болашағын ұрлап жатыр. Қазір ол кезбен салыстырғанда көш азайды. Олардың көпшілігі Қытайда қалуды жөн көреді, тіпті қытайланса да. Өйткені ол жерде ең болмағанда тұрақтылық бар.

(Дүйсенбек, 35 жаста, 2005 ж. Құлжадан көшіп келген)

Шын мәнінде мемлекет тарапынан этносаралық қарым-қатынас саласын жақсарту, этностар арасындағы келісім мен татулықты күшейту, бірлік пен ынтымақтастықты нығайтуға байланысты ұлттық саясаттың қарқынды жүргізілуіне қарамастан, елде кей жағдайда наразылықтар мен келіспеушіліктер көрініп қалады. Әсіресе, бірнеше жылдар қатарынан бұқаралық ақпарат құралдары мен әлеуметтік желілерде қазақ тілінің қолданысы төменгі дәрежеде қалуы, елдегі әлеуметтік-экономикалық жағдай, шетел компанияларында жұмыс істейтін жергілікті қазақтардың құқығының шектелуі және т.б. мәселелер көтеріліп келеді. Осы туралы да қандастар өздерінің берген сұқбатына баса айтты.

«Қазақ қазақпен тек қазақша сөйлессін деген сөз бар. Алайда, қазақтар сыртқа шығып, бір-бірімен орысша сөйлесе бастайды. Кез келген ресми іс-шараны алайық, олар сәлемдесуді

қазақша бастан, бірден орысшаға ауысады. Мұның бәрі тек көзбояушылық».

(Дүйсенбек, 35 жаста, 2005 ж. Құлжадан көшіп келген).

«Жаңа жұмыс орындарын ашып, халықты жұмыспен қамтамасыз етуіміз керек. Біз сыбайлас жемқорлықпен күресуіміз керек. Мемлекеттік тілдің мәртебесін көтеругіміз керек».

(Дүйсенбек, 35 жаста, 2005 ж. Құлжадан көшіп келген)

Қандастардың қазақстандық қоғамға бейімделуіне жағымды және жағымсыз әсер ететін факторларды құрылымдық және әлеуметтік-мәдени деп екіге бөлуге болады. Құрылымдық факторларға ұлттық саясат, экономикалық жағдай, білім мен инфрақұрылымға қолжетімділік, жұмыспен қамту мәселелері жатады. Әлеуметтік-мәдени факторларға көбінесе жергілікті қазақтар мен қандастар арасындағы қарым-қатынасқа ықпал ететін тілдік, мәдениетаралық қарым-қатынас деңгейі, жергілікті тұрғындар арасындағы төзімділік пен түсіністік жатады. Қандастардың өмір сүру ортасына тиімді интеграциясы осы жағдайлардың барлығы ойдағыдай іске асқанда ғана мүмкін болмақ.

Мемлекет тарапынан қолдау көрсету интеграцияның маңызды бір бөлігі болып табылады. Көшіп келушілерге мемлекеттік репатриация бағдарламалары, азаматтық алуды жеңілдету шаралары, тұрғын үймен қамтамасыз ету, білім беру квоталарын бөлу, жұмыспен қамту сияқты қолдаулар басты рөл атқарады. Онымен қоса

қандастар арасында интеграция тез жүру үшін бейімдеу орталықтарын іске қосу, тіл курстарын, өзара көмек көрсету қауымдастығын және мәдени іс-шараларды ұйымдастыру қажет. Қандастар туралы БАҚ, білім беру орталықтары арқылы олардың елге көшіп келуін жағымды жағынан насихаттаса, бұл жергілікті халықтың оларға деген сенімін нығайтуға және стереотиптік көзқарастарды азайтуға көмектеседі.

Осы туралы Шығыс Қазақстан облысында «Нұрлы жол» бағдарламасы арқылы орналастырылған қандастардың арасында зерттеу жүргізген отандық тарихшылар Қалшабаева Б.К., Егізбаева М.Қ. мынандай қорытындыға келеді: «Елге қандастардың тезірек интеграциялануын қамтамасыз ету үшін мемлекеттік тіл – қазақ тілі мен ұлтаралық қарым-қатынас тілі – орыс тілін оқыту үшін арнайы курстарды ұйымдастыру қажет» [10, б. 911].

Елге көшіп келген қандастардың материалдық қажеттіліктерімен қатар құндылық бағдарларын зерттеудің практикалық маңызы бар екенін атап өтуге болады. Ол қоғамдық келісім мен ұлттық бірлікті нығайтуға бағытталған тиімді көші-қон саясатын дайындауға мүмкіндік береді. Қандастарды қоғамға табысты интеграциялау арқылы біртұтас азаматтық және рухани кеңістік аясында әртүрлі әлеуметтік және мәдени топтарды біріктіретін икемді, тұрақты қазақстандық бірегейлік қалыптастыруға қол жеткізуге болады.

Осы салада саясатты табысты жалғастыру үшін мемлекет қалыптасқан тұрақтылықты сақтай отырып және әрбір азаматтың конституциялық құқы мен еркіндігін одан әрі қамтамасыз ете отырып, қоғам мен мемлекет

арасындағы тиімді басқару жүйесін жетілдіруі қажет. Қандастардың қазақстандық қоғамға толыққанды бейімделуі Қазақстанның этносаяси тұрақтылығы мен мәдени тұтастығын нығайтудың маңызды тетігі болып табылады. Бұл топтардың әлеуеті мен шетелде бизнес және т.б. саладағы жинақтаған тәжірибесі елдің әлеуметтік-экономикалық және рухани өркендеуіне елеулі үлес қосатыны сөзсіз.

Қандастардың қазақстандық қоғамға табысты интеграциясы елдегі этносаралық тұрақтылық пен ұлттық бірегейлікті нығайтудың маңызды құрамдас бөлігі болып саналады. Фокус-топтар зертеу жұмысы барысында айқындалғандай қандастардың интеграциясы тек әлеуметтік-экономикалық жағдайлармен ғана емес, сонымен қатар мәдени және психологиялық факторлармен де тығыз байланысты. Сол себепті жергілікті тұрғындардың репатрианттарды қабылдаушы орта ретінде көзқарасы мен оларға қарым-қатынасы өзара сенімнің орнығуы мен қандастардың қазақстандық қоғамның толық мүшесі ретінде сезімінің қалыптасуында маңызды рөл атқарады. Осы орайда елдегі этносаралық қатынастарды нығайту және жалпыға ортақ азаматтық бірегейлікті қалыптастыру үшін қоғамда өзара түсіністік пен сенім мәдениетін арттыру аса маңызды. Бұл бағытта қоғам мүшелері арасында мәдениетаралық диалогты дамыту, жастарды толеранттылыққа тәрбиелеу және әлеуметтік интеграция тетіктерін жетілдіру қажет. Ғылыми және практикалық тұрғыдан осы тақырыпты одан әрі терең зерттеудің маңыздылығы мен алынатын нәтижелер болашақта этносаясат пен көші-қон

саласындағы мемлекеттік бағдарламаларды жетілдіруге негіз бола алады.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Kandas Resettlement Rises as Kazakhstan Boosts Integration Efforts. 24 сәуір 2025. <https://timesca.com/kandas-resettlement-rises-as-kazakhstan-boosts-integration-efforts/>

2. «Қазақстан Республикасының азаматтығына қабылдау және Қазақстан Республикасының азаматтығын қалпына келтіру, оның ішінде жеңілдетілген тәртіппен (тіркеу тәртібімен) азаматтықтан шығу, азаматтықты жоғалту мен одан айыру және Қазақстан Республикасының азаматтығына жататындығын айқындау мәселелері бойынша өтінішхаттарды (өтініштерді) ішкі істер органдарының қабылдау, ресімдеу және қарау қағидаларын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрінің 2016 жылғы 28 қаңтардағы № 85 бұйрығы. <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/145905/kaz>

3. Jisu Kim, Soazic Elise Wang Sonne, Kiran Garimella, André Grow, Ingmar Weber, Emilio Zaghani. Online social integration of migrants: Evidence from Twitter// *Migration Studies*, Volume 11, Issue 4, December 2023. – P. 544-571.

4. Müssig, S., Okrug, I. Discrimination and Civic Engagement of Immigrants in Western Societies. A Systematic Scoping Review. *Int. Migration & Integration* 25, 2143–2189 (2024). <https://doi.org/10.1007/s12134-024-01154-9>

5. Hammoud, M. Pathways to Integration and Language Acquisition: A Comparative Analysis of Refugee Children’s Social Integration and Foreign Language Difficulty in Lebanon and Australia. *Int. Migration & Integration* 26, 791–811 (2025). <https://doi.org/10.1007/s12134-024-01201-5>

6. Berry John, W., Ed. (2003) *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. 2nd Edition, University Press, Cambridge. 652 p.

7. Alexander C. Diener Kazakhstan's Kin State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma Source // *EuropeAsia Studies*, Vol. 57, No. 2 (Mar., 2005), pp. 327-348.

8. В.Д. Курганская, З.К. Шаукенова, В.Ю. Дунаев, Г.А. Абрахматова. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – № 4, 2024. – С. 67-90. [https:// doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2576](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2576)

9. Nguyen Thi Thanh Lan, Shakeyeva B., Bastaubayeva A. Problems of Integration of Kandas Into Kazakhstani Society Based on The Results Of Field Research// *Al-Farabi*. – № 3 (83) 2023. – P. 150-162

10. Қалшабаева Б.К., Егізбаева М.Қ. Қазақстанның шығысындағы қандастар: көші-қоны мен бейімделу мәселелері // *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2025. Т. 12. No 3. 900–915 бб.

ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ ПРОБЛЕМ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП И КАНДАСОВ ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Болганбаева Шолпан Дуйсенбековна

Введение

Казахстан, находясь на траектории устойчивого развития, активно совершенствует свою уникальную модель национального единства, акцентируя внимание на формировании общенациональной идентичности. В рамках данной модели первостепенное значение придается государственному языку, который выступает ключевым инструментом консолидации общества. Вследствие интенсификации миграционных процессов, включая иммиграцию этнических казахов, региональные языковые и социальные различия между коренным населением и кандасами стали одной из наиболее актуальных проблем.

Казахский язык становится доминирующим во всех сферах социума, оказывая позитивное влияние на формы межэтнического взаимодействия. В этом процессе актуализируются индивидуально-психологические характеристики представителей различных этнических групп, происходит интенсивный обмен информацией, а

---

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

также наблюдается интенсификация национального самосознания. Эти процессы, в свою очередь, способствуют формированию новых паттернов социальной интеграции и адаптации, а также оказывают существенное воздействие на культурную идентичность и межгрупповые отношения.

Независимость Казахстана является ключевой политической ценностью, а язык – доминирующей культурной составляющей и необходимым условием существования казахской нации. Играя ключевую роль в сохранении духовных ценностей и идентичности казахского народа, он выступает не только средством коммуникации, но и носителем глубоких символических смыслов. Казахский язык аккумулирует мудрость, традиции, обычаи и исторические знания, обеспечивая преемственность национальной культуры. Благодаря языку, люди сохраняют и углубляют понимание своего культурного наследия, ощущая свою принадлежность к многовековой исторической традиции.

Сохранение и развитие казахского языка приобретает особую значимость, так как он не только сохраняет уникальные культурные особенности, но и способствует укреплению самосознания и идентичности казахского народа на глобальном уровне. Являясь неотъемлемой частью культурного наследия этноса, казахский язык подчеркивает его уникальность в мировом контексте.

Развитие и укрепление позиций казахского языка представляет собой стратегически значимый аспект в контексте нивелирования региональных языковых и социальных диспропорций, которые особенно ярко про-

являются в южных регионах страны. Кандасы, проявляя глубокое уважение к своему родному языку, также вносят существенный вклад в расширение его сферы влияния и использования. Данный процесс можно рассматривать как важный элемент языковой политики, направленной на укрепление национальной идентичности и гармонизацию межэтнических отношений.

Результаты исследования¹

Идентичность и социальные проблемы кандасов в Казахстане

Кандасы представляют собой значимый феномен в контексте современного казахского социума, выступая катализатором трансформационных процессов в межэтнических отношениях. Их исторический опыт, характеризующийся драматизмом, борьбой за права и признание, а также стремлением к сохранению культурной идентичности и преодолению социальных барьеров, обладает высокой эвристической ценностью для анализа динамики этнических взаимодействий.

Следует отметить, что кандасы, как группа иммигрантов, интегрирующихся в казахстанское общество, демонстрируют сложные адаптационные стратегии, направленные на гармоничное сосуществование с до-

---

¹ Выводы автора и цитаты из стенограмм с мнениями респондентов базировались на материалах фокус-групповых исследований и интервью, проведенных им в Туркестанской области и гг. Шымкент и Сары-Ағаш в апреле-мае 2025 года в рамках Календарного плана НИП «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

минирующей этнической общностью. В этом контексте их роль не ограничивается лишь социально-экономическим вкладом, но и является важным фактором в формировании полиэтнического и поликультурного ландшафта страны.

Анализ феномена адаптации кандасов требует междисциплинарного подхода, включающего элементы социологии, культурологии, политологии и этнологии. Только комплексный подход позволяет адекватно оценить их влияние на демографическую, культурную и социальную структуру Казахстана, а также выявить перспективы дальнейшего развития межэтнических отношений в условиях глобализации и миграционных процессов.

Согласно результатам социологического исследования, кандасы ощущают свою принадлежность к казахскому народу и считают казахский язык средством передачи своей истории и культуры. В этом контексте казахский язык для них является не просто средством общения, но и символом идентичности. Как отметил один из респондентов, *«казахский язык — это язык своей истории и своего народа, без которого нет будущего»*. Однако, несмотря на усилия кандасов по интеграции в общество, многие из них все еще сталкиваются с лингвистическими трудностями, особенно в начале своей адаптации.

Одна из ключевых проблем, с которой сталкиваются кандасы в Казахстане – трудности с трудоустройством и доступом к образованию. Многие кандасы, особенно те, кто прибыл в последнее десятилетие, выражают недовольство по поводу слабой социальной поддержки. Например, кандас из Кыргызстана указывала на сложности

с трудоустройством и устройством детей в детские сады и университеты. Она подчеркнула необходимость ускорения получения квот и помощи от государства.

Жилищные условия также становятся предметом беспокойства. Кандас из Афганистана рассказала, что не могла получить квоту на жилье и жила в очень тяжелых условиях. Многие семьи испытывают трудности с документами и бюрократией, что затрудняет их адаптацию и интеграцию.

Несмотря на существующие проблемы адаптации, большинство кандасов отмечают доброжелательные отношения с местным населением. Они сообщают, что соседи проявляют уважение и поддержку, помогая в трудные времена. Эта сочетаемость культур и обычаев помогает кандасам чувствовать себя более комфортно на новой земле.

Некоторые кандасы делятся опытом организации встреч для общения и укрепления связей внутри своей общины. Эти встречи становятся местом, где кандасы могут делиться своими переживаниями, поддерживать друг друга и участвовать в культурной жизни.

Несмотря на вызовы, с которыми сталкиваются кандасы, большинство из них не планируют возвращаться в страну исхода и стремятся создать стабильную жизнь для себя и своих детей в Казахстане. Кандас из Пакистана выразила уверенность в том, что у них есть все необходимое для комфортной жизни: *«Главное, мы живем здесь хорошо. Что еще нам нужно?»*.

По результатам фокус-группового исследования, представители различных этнических групп, проживаю-

щие в Туркестанской области, единодушно указывают на несколько ключевых причин, по которым кандасы решают вернуться на свою историческую родину. Эти причины включают в себя трудную политическую обстановку в странах их рождения, тоску по родине, а также стремление сохранить родной язык, традиции и культуру.

Участник фокус-группы выразил мнение, что многие кандасы возвращаются на историческую родину из-за проблем, с которыми сталкиваются в своих странах проживания. Он отметил: *«Они там не могут учить свой язык, не могут разговаривать на своем языке. Возможно, их где-то притесняют, и их тянет к своим корням, к исторической родине, где они могут поддерживать свой язык, говорить на своем родном языке, сохранить свою культуру, историю, и скорее всего, поэтому они возвращаются»* (немец, 20 лет, самозанятый, г. Шымкент). Это наблюдение указывает на важность сохранения культурной идентичности и языка для большинства этнических групп, которые испытывают давление в странах исхода.

Другой участник фокус-группы рассказал о том, что ситуация с возвращением кандасов не ограничивается только условиями в их странах, но также включает в себя общую атмосферу доброжелательности в Казахстане. Он отметил, что многие иностранцы приезжают в Казахстан и хотят остаться: *«У нас считается, что Казахстан - одна из самых гостеприимных стран. Мы добродушные. У нас любой человек может почувствовать себя как дома. Вне зависимости от нации, от того, где он родился»* (курд, 22 года, экономист, г. Шымкент). Этот комментарий подчеркивает атмосферу дружелюбия, которую испытывают мигран-

ты, и то, как это влияет на их решение остаться в стране. Он также вспомнил историю массовых депортаций в Казахстан и как народ страны принимал переселенцев, даже в условиях недостатка ресурсов: *«Даже сами голодали, но делились последним куском хлеба. Это идет история испокон веков, эту историю нам рассказывают наши деды»* (курд, 22 года, экономист, г. Шымкент).

Возвращение кандасов на историческую родину обусловлено целым рядом факторов, включая политическую нестабильность и языковое давление в странах исхода, желание сохранить свою культурную идентичность и родной язык. Казахстан, со своей историей гостеприимства и доброты, предоставляет уникальную среду для таких переселенцев. Эти аспекты подчеркивают сложность и многогранность вопроса о возвращении и адаптации кандасов, а также роль, которую играет культурное наследие и историческая память в этом процессе.

Взаимоотношения местного населения с кандасами

Исследование отношений между местным населением и кандасами показало преимущественно позитивный характер взаимодействия между ними и местными жителями. Подавляющее большинство опрошенных отметили, что их отношения с кандасами можно охарактеризовать как доброжелательные, искренние и уважительные.

Молодежь, представленная студентами и молодыми специалистами, подчеркивает дружеский характер взаимоотношений и равные возможности в получении образования. При этом молодые люди отмечают некоторые

особенности поступления кандасов в учебные заведения, например, более низкие проходные баллы на определенные специальности.

Старшее поколение респондентов, включая госслужащих и предпринимателей, характеризует отношения как стабильные и спокойные, отмечая при этом некоторые культурные различия и особенности в речи кандасов.

Мнения о целесообразности государственной поддержки кандасов варьируются в широких пределах: одни респонденты считают несправедливым предоставление государством кандасам более значительных социальных преференций по сравнению с местным населением, другие отмечают равные возможности для всех категорий граждан в сфере образования, социального обеспечения и участия в государственных программах, а третьи подчеркивают необходимость равного отношения ко всем гражданам вне зависимости от их этнической принадлежности.

В ходе анализа данных, полученных в рамках казахской фокус-группы в г. Шымкент, было выявлено, что определенная часть респондентов воспринимает государственные льготы, предоставляемые кандасам, как легитимное явление. Одна из участниц фокус-группы выразила мнение, что такие меры поддержки не оказывают негативного влияния на межэтнические отношения и не представляют угрозы для интересов других социальных групп. Она отметила: *«Государство помогает кандасам, у них есть льготы. Например, при поступлении в университет им больше грантов дают. Некоторые университеты даже делают скидки на обучение. Но на наши отношения это*

не влияет» (казашка, 60 лет, безработная). Таким образом, участница фокус-группы демонстрирует понимание и принятие государственной политики, направленной на поддержку этнических репатриантов, при условии, что такие меры не нарушают баланс интересов различных социальных групп.

Другой участник фокус-группы высказал более критическое отношение к помощи кандасам, отметив: *«Пусть государство помогает им как хочет, главное, чтобы про нас тоже не забывали. А то у них привилегий больше, чем у нас. Им земли дают по низким процентам, жильем обеспечивают. Нам ведь тоже нужна помощь»* (казах, 59 лет, предприниматель). Такое мнение нашло поддержку у других участников фокус-группового исследования: *«Думаю, что надо ко всем относиться одинаково, я имею ввиду всех местных и всех кандасов. У них особые привилегии в нашей стране. Им помогают больше, чем нам»* (казах, 32 года, самозанятый). Это мнение акцентирует внимание на важности равного отношения ко всем людям.

Был высказан и более уравновешенный взгляд на ситуацию: *«Главное стабильность в обществе. Если государство помогает, значит так надо»* (казах, 40 лет, госслужащий). Эта точка зрения подчеркивает важность общего блага и стабильности, считая решение о помощи правильным с точки зрения государства.

Респонденты выделили ключевые факторы успешной интеграции кандасов в местное сообщество:

- развитие духовных ценностей и патриотизма;
- пропаганда единства многонационального народа;
- взаимное уважение традиций;

- информационная работа о статусе кандасов;
- адаптация к местным законам и обычаям.

Среди основных проблем интеграции были отмечены:

- культурные различия в традициях и обычаях;
- необходимость адаптации к местному законодательству;
- языковые особенности;
- потребность в разъяснении социального статуса кандасов.

В целом, несмотря на существующие различия мнений и отдельные проблемы у переселенцев, можно говорить о позитивной тенденции в развитии отношений между местным населением и кандасами. Успешная интеграция возможна при условии создания благоприятных условий для адаптации обеих сторон, развития взаимного уважения и понимания многонационального характера казахстанского общества.

Вопросы идентичности, стереотипов и единства народа Казахстана

В рамках проведенного исследования, направленного на изучение межэтнических отношений и предубеждений среди различных этнических групп населения Казахстана, были выявлены интересные и значимые результаты. Респонденты, представляющие курдскую, немецкую и турецкую этнические группы, делились своими мнениями и суждениями относительно вопросов этнической идентичности, стереотипов и сплоченности казахстанского народа.

В ходе опроса была проанализирована совокупность факторов, влияющих на формирование межэтнических отношений в полиэтничном обществе Казахстана. Особое внимание уделялось выявлению стереотипов и предрассудков, существующих в сознании представителей различных этнических групп, а также их представлениям о единстве и интеграции в рамках казахстанского социума.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что представители курдской, немецкой и турецкой этнических групп имеют свои уникальные взгляды на вопросы этнической идентичности и межэтнического взаимодействия. Эти взгляды формируются под воздействием исторических, культурных и социальных факторов, специфичных для каждой этнической группы.

В частности, курдские респонденты акцентировали внимание на сохранении культурной самобытности и необходимости интеграции в казахстанское общество при сохранении этнических особенностей, четко обозначив свою позицию по поводу предвзятости относительно этносов: *«Каждый человек — это индивидуальность. Нельзя приравнивать качества ко всему этносу. Мы единый народ, и нам не стоит делиться по национальному признаку»* (курд, 22 года, экономист).

Немецкие респонденты подчеркивали важность уважения к культурным традициям и ценностям всех этнических групп, проживающих в Казахстане. Один из них упомянул, что отсутствие критического мышления и недостоверные факты могут приводить к неправильному восприятию истории, отмечая необходимость информи-

рования о культурных и исторических особенностях различных этносов: *«Стереотипы о немцах как о фашистах не имеют оснований. Немцы жили и работали в Казахстане, и у нас не должно быть конфликтов на основе старых предвзятостей»* (немец, 20 лет, самозанятый).

Турецкие участники фокус-группы указывали на необходимость укрепления межэтнического диалога и сотрудничества для достижения социальной гармонии и стабильности. Один из них отметил позитивные аспекты сосуществования различных этносов в Казахстане и подчеркнул важность взаимопонимания и принятия культурного разнообразия: *«Не бывает плохой нации. Все народы живут в единстве и уважении. Мы как дети одной семьи»* (турок, 58 лет, предприниматель). Другой участник фокус-группы считает, что все этносы должны уважать друг друга, и это уважение является основой для процветания Казахстана: *«Мы сильны благодаря нашей дружбе и уважению. Из-за этого Казахстан процветает»* (турок, 61 год, самозанятый). Такое понимание единства помогает поддерживать гармонию в многонациональном обществе.

Участники фокус-групп также обсуждали, как внешние события могли повлиять на их отношение к другим национальностям. Было высказано мнение о том, что история сотрудничества и мирного сосуществования в Казахстане делает их отношение к другим народам стабильным: *«Мы живем в мире и согласии, и это важно для будущего»* (турок, 61 год, самозанятый). Этот комментарий отражает глубинные корни товарищества и взаимопонимания, которые существуют между этническими группами в стране.

Один из участников фокус-группы в ответ на вопрос о возможности культурных различий отметил, что культурное взаимодействие благоприятно сказывается на обществе: *«Единство в многообразии. Когда представители различных культур взаимодействуют, это ведет к доброжелательному восприятию»* (немец, 20 лет, самозанятый). Такое отношение подчеркивает важность мультикультурного обмена как фактора, способствующего укреплению межэтнических отношений.

Исследование показало, что, несмотря на существующие стереотипы и предвзятости, большинство респондентов в Казахстане придерживаются идеи единства и взаимоуважения. Понимание индивидуальности каждого человека, критическое восприятие истории и активное взаимодействие культур создают базу для дальнейшего развития гармоничных межэтнических отношений в стране. Важность уважения и дружбы становится ключевым моментом в построении многонационального общества, где каждый имеет право быть собой.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать выводы, что представители различных этнических групп и кандасы, в целом, уважительно относятся друг другу и одобряют происходящие в стране события.

Заключение

В современном Казахстане активно функционирует уникальная модель национального единства, основанная на развитии государственного языка и уважении культурного многообразия. Туркестанская область, как многона-

циональный регион, представляет особый интерес для изучения процессов интеграции различных этнических групп и кандасов, поскольку именно эта область приняла наибольшее количество переселенцев.

Правительство проводит сбалансированную языковую политику, обеспечивающую права всех этносов на использование родного языка при одновременном укреплении позиций государственного языка. Казахский язык становится не только средством общения, но и важным инструментом сохранения культурного наследия.

Однако процесс интеграции кандасов в сообщества Туркестанской области сопровождается рядом существенных вызовов. Первостепенное значение имеют языковые барьеры, с которыми сталкиваются переселенцы при адаптации. Многие кандасы отмечают трудности в общении, особенно в начальный период пребывания.

Социальные проблемы кандасов охватывают широкий спектр вопросов: сложности с трудоустройством; проблемы доступа к образованию для детей; бюрократические препятствия при оформлении документов; жилищный вопрос; адаптация в новом социальном окружении.

Результаты социологических исследований показывают, что большинство кандасов отмечают доброжелательное отношение местного населения. Формируются устойчивые социальные связи между представителями разных этносов, приезжими и местными казахами.

Кандасы стремятся сохранить собственную культурную идентичность при одновременном участии в общественной жизни региона. Они активно включаются в социальную жизнь, участвуют в межкультурном диалоге,

сохраняют свои традиции при уважении культуры принимающего общества.

Важную роль играет государственная поддержка, включающая помощь в оформлении документов; содействие в трудоустройстве; поддержку в вопросах жилья; образовательные программы. Необходимы дальнейшее упрощение бюрократических процедур; развитие программ языковой адаптации; создание дополнительных возможностей для трудоустройства; расширение мер социальной поддержки; развитие межкультурного диалога; расширение программ социальной поддержки; развитие центров адаптации; усиление работы с молодежью; создание условий для межкультурного обмена.

Анализ социально-политических процессов в Туркестанской области показывает эффективность казахстанской модели межэтнического взаимодействия. В данном регионе наблюдается позитивная динамика в развитии межэтнических отношений, и успешная интеграция кандасов в социум при сохранении их культурной идентичности. Это свидетельствует о формировании единого казахстанского общества, базирующегося на принципах уважения прав и интересов всех этносов.

Данный феномен является ключевым достижением региональной политики Казахстана, направленной на гармонизацию межэтнических отношений. В контексте глобализации и мультикультурализма успешная реализация данной модели приобретает особую значимость, демонстрируя возможность достижения социального консенсуса и стабильности в условиях этнического разнообразия.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что успешная социальная инкорпорация кандасов и динамичное развитие межэтнических процессов в сообществах Туркестанской области являются следствием целенаправленной государственной политики. Данная политика базируется на фундаментальных принципах толерантности и мультикультурализма, которые способствуют гармонизации этнических отношений и укреплению социальной сплоченности.

МИГРАЦИИ В ПОЛЬШУ – ВЫЗОВ СПЛОЧЕННОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВА

Анджей Вежбицки

Введение

Миграции – это очевидное явление современного мира. Они воздействуют на него как в глобальном, так и в локальном измерении. В данной статье сосредоточимся на анализе последствий миграций на локальном, т.е. национальном уровне посредством тематического исследования (*case study*) и попытки прогнозирования дальнейшей возможной ситуации.

В социальных науках доказано, что возможны три варианта присутствия иммигрантов в принимающем обществе – ассимиляция, интеграция или сепарация. Два первых по сути шага становятся следующим этапом нациестроительства, даже если отсутствует осознание того, что данный процесс происходит. Разница между ассимиляцией и интеграцией состоит в масштабе и характере участия принимающего и пришлого этнокультурного компонента. Тем не менее, иммигранты создают вызов сплоченности и идентичности титульной (государственной) нации.

Социокультурный контекст современных миграций

Массовые перемещения населения, порожденные экономическими проблемами, политической обстанов-

кой, вооруженными конфликтами или чрезвычайными ситуациями, способствуют переосмыслению национальной идентификации и уровня приобретения национальной культуры как самих мигрантов, так и принимающих обществ. Рождается новый «номадизм» как символ постмодернистского, глобалистского космополитизма, в котором отсутствует историчность и укоренение как в духовно-идентификационном, так и пространственно-территориальном смысле. В результате миграции возникают огромные скопления иммигрантского населения, которые с одной стороны, участвуют в местном нациестроительстве, но с другой стороны, создают культурное пограничье, в котором невозможно существование однородной национальной идентификации и приобретение единой национальной культуры.

Современное переформатирование нации вопреки повсеместно присутствующим опасениям не означает ее исчезновение, а только ослабление прежних оснований ее существования. Для постмодернизма характерен распад единства и поддержка множественности, что проявляется в радикальном плюрализме и усилении разнообразия. В отличие от модернизма, который способствовал консолидации и интеграции, или как отмечают его сторонники – возникновению нации, постмодернизм нарушает данную структуру. Постмодернистская нация, точно так же, как модернистская нация остается сформированной политически в государстве – основном субъекте международных отношений. Реальный суверенитет национального государства становится все более ограниченным из-за углубляющихся связей с транснациональными полити-

ческими и финансово-экономическими организациями международного и регионального масштаба. Его политическое устройство подвергается децентрализации, а доминирующая культура гетерогенизации. Вертикальные связи и чувство солидарности внутри нации становятся слабее, но все сильнее становятся горизонтальные связи на этнической, региональной и религиозной основе даже в условиях моноэтнической структуры населения¹. Появляется поиск новых форм идентичности (сексуальных, *gender*). Возникает стремление к субъективации не только самих групп, но и их культур в качестве субъекта мультикультурализма. Национальная или культурная идентичность (*national, cultural identity*) как прочная приверженность к определенным ценностям и идеям характерным для данной нации заменяется более свободной «принадлежностью», которая в отличие от «статической» идентичности является более «динамической», изменчивой, т.е. менее прочной. Однако данное предположение это только теоретическая матрица. Пока констатация, что постмодернистская нация стала реальной категорией социально-политической действительности, преждевременна. Ее верификация требует времени и принятия во внимание географического разнообразия интенсивности происходящих в мире процессов.

---

¹ В качестве примера может служить тенденция к признанию самостоятельной пока в культурном смысле силезской национальности и ее языка в Польше, что в привыкшем к моноэтничности обществе и особенно среди интеллектуальных элит вызывает дискуссию по поводу целесообразности и обоснованности данного явления, которое воспринимается как потенциальная угроза расчленения польского государства.

На данный момент, постмодернистская нация не является универсальной формой политического и культурного объединения людей. Его определенные симптомы можно заметить особенно в заморских, иммиграционных странах или в Западной Европе, куда массово прибывают мигранты и где испокон веков проживают этнические меньшинства. Во многих странах Центральной и Восточной Европы или Латинской Америки постмодернистская нация принадлежит к наиболее востребованным категориям. Многие народы Азии и Африки пока находятся на этапе домодернистских наций или более или менее эффективной постколониальной модернизации. Другими словами, переоценка нации в эпохе постмодернизма иногда может восприниматься как кризис его нынешней формы. В результате данного кризиса возможно увеличение космополитических тенденций [1, с. 70 и далее].

Для модернистской нации характерен был национализм в качестве стремления к созданию национального государства, в котором сходятся два процесса – государствообразующий и нациеобразующий. Современный мир состоит из национальных государств, если будем считать нацией территориальное сообщество, объединенное гражданством, и нет никаких указаний, что это изменится в обозримом будущем [2, с. 137 и далее]. Нации лишены до сих пор собственного государства будут предпринимать усилия для их создания. Прочность национальных государств не означает, что они не преобразуются. Национализм будет превращаться в постнационализм и транснационализм. Симптомом пост-

национализма является ослабление существующих до сих пор национальных государств, преобразования их территориального устройства и в то же время укрепление этнической и наднациональной идентичности. Это может проявиться в распаде существующих государств на более мелкие политические образования по этническому признаку (Каталония, Баскония, Шотландия, Валлония). Данные тенденции могут быть особенно сильны в постколониальных государствах – потенциальных национальных государствах в Африке, Азии, где искусственное территориальное деление может быть подвергнуто пересмотру по языковым, религиозным и даже трайбалистским (родоплеменным) критериям.

Под влиянием интеграционных тенденций и миграций могут приобретать все большее значение транснациональные (наднациональные) формы идентификации (транснационализм), составляя вызов для традиционного понимания нации, выходя за исторически выделенную территорию и способствуя детерриториализации культур и даже государств [3, с. 206] и народов. Мигранты в символическом смысле «переносят» с собой границы национальных государств, из которых они происходят в принимающие страны, где становятся не столько диаспорами, сколько «народами вне родной земли», как будто создавая новые провинции по образцу отдаленных национальных территорий [4, с. 159].

Транснационализм относится к мигрантам, которые проживают «над границами» одновременно в нескольких странах, и в каждой из них человек создает свой социальный мир, в котором совершается его укоренение.

Ассимиляция с принимающей страной не является для него целью, однако часть мигрантов подвергается натуральной ассимиляции одновременно поддерживая эмоциональную связь с родиной, родственниками и друзьями, которые там остались. Данное состояние может сохраняться на протяжении многих поколений. Сдержанность по отношению к ассимиляции может поддерживаться политической изоляцией как результат расизма или опасения, что мигранты занимают рабочие места, что укрепляет транснациональную солидарность этой группы. Таким образом совершается реконструкция нации и появляется своеобразная «транснация» [5, с. 149-150], которая в англосаксонской литературе определяется как сообщество *in betweenness* [6, с. 279]; [7, с. 135-154], т.е. группа людей данной национальности, идентичность которой находится между четко выраженной принадлежностью к конкретной нации – слишком чужая как для принимающего населения, так и для соотечественников в родной стране, «удивительно похожая и в то же время разная» [8, с. 54]. Формирование транснации возможно благодаря все более распространенным средствам общения и связи. Это создает возможность поддержания иммигрантом долгосрочно пребывающим за границей связи с соотечественниками на родине и сохранения национальной идентификации.

Транснации возникают как система связей и зависимости не только между мигрантами и страной происхождения, но и национальными меньшинствами в разных государствах и их т.н. исторической родиной, преимущественно организованной в суверенном госу-

дарстве, в котором данное меньшинство является обычно демографическим большинством и политически доминирующим сообществом. Данного типа привязанности последовательно становятся все теснее и подлежат институционализации в качестве двойного гражданства, содействию репатриации или периодических поездок на историческую родину, введения «национальных карт» [9, с. 15,16], (карта поляка, карта венгра) [10, с. 175, 237 и далее] попыток вмешательства в национальную политику других стран, и даже вооруженных интервенций для защиты национальных меньшинств.

Указанные выше процессы происходящие в мире, особенно в Европе, стали актуальными также для Польши, которая за последние более 30 лет превратилась в страну принимающую мигрантов.

Мигранты и беженцы в Польше

В 90-е гг. XX века Польша превратилась из типичной страны происхождения мигрантов в страну также принимающую. В половине второго десятилетия нынешнего столетия впервые в истории сальдо внешней миграции в Польше стало положительным, т.е. число прибывших в страну на постоянное место жительства превысило число выбывших. Здесь речь идет о разнице в несколько тысяч человек, что может показаться статистически незначительным явлением. Однако его суть заключается, во-первых, в масштабах временной, в основном трудовой миграции, размер которой достигает больше миллиона человек. Если учесть официальную статистику рынка

труда, в системе социального страхования, обязательно для легального труда в 2024 г. было зарегистрировано 1,2 млн. иностранцев¹ [11, с. 9]². Во-вторых, так как в других европейских странах существенной проблемой является нелегальная миграция, в т.ч. беженство.

Приток мигрантов в Польшу начался после распада СССР. Первая волна мигрантов прибыла в первой половине 90-х гг. и тогда это были в основном выходцы из бывших советских республик, а также других стран, в т.ч. Вьетнама. Вторая волна мигрантов связана с общеевропейским т.н. миграционным кризисом в половине второго десятилетия XXI века и событиями в Украине 2013-2014 гг. С этого момента в структуре мигрантов в Польше стало появляться все больше выходцев из других кроме Вьетнама азиатских стран. Третья волна миграции в Польшу появилась в начале 20-х годов нынешнего столетия. Большинство мигрантов составляют граждане Украины, в т.ч. бежавшие из своей страны после эскалации украинско-российского конфликта в феврале 2022 года. Отражением, хотя и не полным структуры происхождения мигрантов являются данные по поводу разрешения на работу в 2023-2024 гг. представленные в таблице 1.

---

¹ Все-таки указанные данные не показывают действительного числа иностранцев в Польше из-за большой численности граждан Украины, которые пребывают в Польше на основании специального законодательства принятого в 2022 г. в связи с украинско-российской войной. Часть из них живет на другие средства, чем только трудовой доход. По состоянию на конец 2024 года в Польше проживало около одного миллиона (978 099) граждан Украины получающих т.н. временную помощь от польского государства.

² От общего числа легально работающих иностранцев 2/3 составляли граждане Украины.

Таблица 1. Разрешения на работу в Польше в 2023-2024 гг. по гражданству¹

Гражданство	2023-2024
Индия	79 926
Филиппины	67 142
Непал	66 840
Узбекистан	53 969
Колумбия	49 932
Бангладеш	45 476
Турция	40 985
Индонезия	23 476
Казахстан	21 453
Туркменистан	18 952
Другие	175 357
Всего	643 571

Источник: *Informacja o zatrudnieniu cudzoziemców w Polsce - 2024 rok. Ministerstwo Rodziny, Pracy i Polityki Społecznej. Warszawa, marzec 2025. s. 6.*

Присутствие мигрантов на рынке труда обосновано экономическими и демографическими причинами. Как в любой иммигрантской стране иммигранты в основном работают в сегментах рынка с низкооплачиваемым и непрестижным с точки зрения местных жителей трудом. Демографические прогнозы неблагоприятны для Польши. Уже сейчас наблюдается снижение интенсивности рождаемости и всех зависимых от данного явления коэффициентов воспроизводства населения. Польша как и другие европейские страны нуждается в человеческих ресурсах в трудоспособном возрасте и поэтому обречена

¹ За исключением граждан Украины, по отношению к которым применялись другие законодательные меры.

на миграцию, которая быстро компенсирует недостаток рабочей силы. Конечно, не все иммигранты работают и заинтересованы в интеграции в польское общество. В основном это касается иммигрантов из Украины прибывших в связи с войной. Предполагается, что их пребывание в Польше закончится сразу после окончания войны.

Приток иммигрантов, даже если их пребывание имеет временный характер, рождает заботу о социокультурной сплоченности и идентичности общества. Мигранты преобразовывают национальные общности, также те, которые признаны давно сформированными. Данный процесс, даже если не затрагивает сферы совместного национально-культурного наследия, чувства солидарности и лояльности, и лишь преобразовывает этнокультурный, антропологический и демографический облик страны, по сути дела является следующим этапом нациестроительства. В будущем это может привести к изменениям коллективного сознания и трансформации национальной идентификации [12, с. 11].

На актуальность нациестроительства не только во «внеевропейских странах», хотя и не всеми признаваемой, было указано автором в других публикациях [13, с. 72]. Признаки данного процесса появились в Польше, а само явление стало предметом общенародной дискуссии. Миграционная политика стала существенной темой в политической борьбе на парламентских и в последнее время на президентских выборах.

В польском социополитическом дискурсе по поводу миграции царит терминологическая и методологическая путаница. Многие политики, общественные деятели и даже

ученые не различают мигрантов от беженцев. С одной стороны, считают мигрантами всех, кто пересекает польскую границу, хотя данное понятие должно быть ограничено для тех, целью которых является трудоустройство в нашей стране. Для того, чтобы получить статус беженца надо сразу после пересечения границы заявить о необходимости международной защиты, предусмотренной Конвенцией ООН о статусе беженцев с 1951 года. Она гласит, что беженец «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений» [14].

С другой стороны, в публичном дискурсе беженцами ошибочно считаются граждане Украины, прибывшие в Польшу после 24 февраля 2022 года в связи с войной. Но в 2024 году только примерно 7 тыс. граждан Украины официально подало заявку на признание международной защиты в соответствии с конвенцией ООН [15]. Однако польское государство предоставило им помощь (социальные пособия, доступ к рынку труда, здравоохранению и образованию) без статуса беженцев на основании отдельного закона. Признание статуса беженца – это долговременный процесс, когда у ожидающего человека есть ограничения свободы передвижения, появляется неопределенность, чувство временности пребывания, отсутствие стабильности в жизни. В результате данный человек функционирует вне принимающего общества и

на его периферии. Поэтому авторы такого решения по отношению к гражданам Украины хотели избежать ожидающих их препятствий.

В польском обществе и среди т.н. элит можно выделить три основные позиции по поводу мигрантов и беженцев¹. Сторонники первой, которую можем определить как лево-либеральную, это люди поддерживающие правящую ныне Польшей коалицию данной ориентации. Они исходят из общечеловеческих и универсальных ценностей, соответственно которым все люди равны и у всех есть право на свободу перемещения, право на свободу места жительства. Данный взгляд соответствует современному интернационализму, как левому так и либеральному, в котором национальная идентификация должна уступить место принадлежности общечеловеческому сообществу, в котором выбор место (страна) жительства не зависит от места рождения, а люди натуральным образом стремятся туда, где более комфортные условия жизни и труда. Кроме ценностного подхода, поддержка и защита миграции в Польшу имеет также более прагматичный характер. Сторонники лево-либеральной ориентации подчеркивают роль демографического и экономического факторов. Поддержка и защита миграции в Польшу осуществляется во имя сохранения трудового потенциала, который уменьшается в результате демографического старения общества.

Положительное отношение к трудовой миграции не означает безоговорочной поддержки всем пересекаю-

---

¹ Указанное социополитическое деление по поводу миграции имеет условный характер для целей данной публикации.

щим польскую границу. Сторонники лево-либеральной ориентации не поддерживают незаконную миграцию, в т.ч. беженцев из стран северной Африки и Азии. В данном аспекте они не возражают против предпринимаемых правительством мер для улучшения контроля польско-беларуской границы, где незаконные мигранты пытаются проникнуть на территорию Польши.

Сторонников право-либеральной ориентации представляет партия «Право и справедливость» («ПиС»), у которой более сложное отношение к миграции. В нем проявляется как политический популизм, так и своеобразный прагматизм. В популистской составляющей на первом плане появляется типичная для правых партий «защита» национально-культурной самобытности и единства страны на основании т.н. традиционных ценностей и принципов (человеческая жизнь, свобода, солидарность, равенство, справедливость, семья, нация, безопасность, государство) [16, с. 11-18], которым угрожают мигранты, особенно те из них, которые отличаются в культурно-антропологическом смысле от польского народа. Однако следует отметить, что еще в 2023 году накануне парламентских выборов, вопросы миграции не были выделены в отдельную главу в программе партии.

Данной ценностной основе противоречит практика и последствия правления партии «Пис» в 2015-2023 годах, когда Польша стала страной открытой для мигрантов. Речь идет не только о близких в культурном смысле украинцах, въезд которых на территорию Польши поддерживался с прагматичной (народ близкий полякам

в культурном смысле, хотя и со сложным прошлым в двусторонних отношениях) и геополитической точки зрения (война с Россией с 2022 г.) или грузинах, поддерживаемых, прежде всего в геополитических целях (противостояние с Россией). В упомянутый выше период власти массово выдавали визы гражданам мусульманских и африканских государств. Указанное явление легко доказать даже не ссылаясь на официальную статистику. Оно было заметно «невооруженным» глазом на улицах многих польских городов. Причем стоит подчеркнуть, что выдача виз, как утверждается в документах Верховной контрольной палаты, проводилась без соответствующей проверки [17].

Своеобразная переоценка позиции «ПиС» по поводу миграции произошла после потери партией власти в 2023 году. С этого момента, став оппозицией, деятели и сторонники партии начали кампанию против миграции, не только незаконной. Критике подверглась политика нового лево-либерального правительства, между прочим и в связи с отсутствием реакции на действия немецкой пограничной службы, отправляющей обратно в Польшу незаконных мигрантов, что противоречит миграционной политике в рамках ЕС¹. Новый подход к миграции со стороны «ПиС» был замечен также, в президентской избирательной кампании в 2025 году, когда кандидат в президенты поддерживаемый данной партией объявил о пересмотре специального законодательства и форм по-

---

¹ С целью противодействия данному явлению, сторонники «ПиС» создали неформальную структуру «Движение защиты границ», члены которой «охраняют границу от незаконных мигрантов, отправляемых в Польшу немецкими пограничниками».

мощи гражданам Украины, прибывшим в Польшу в связи с войной с Россией¹.

Наиболее бескомпромиссное отношение к миграции у сторонников право-консервативной ориентации, сосредоточенных вокруг коалиции политических группировок правого, консервативного и евроскептического характера, названной «Конфедерация». По их мнению, Польше нельзя повторять опыт западноевропейских стран, которые разрешили массовый приток мигрантов и беженцев. Несмотря на демографические условия, массовая миграция ведет к росту преступности, в основном уголовного характера (кражи, грабежи, изнасилования, убийства). Кроме того, мигранты, по мнению представителей право-консервативной ориентации, занимают рабочие места и вытесняют поляков с рынка труда. Поэтому, как утверждают они, необходимо ввести строгий контроль притока мигрантов и не соглашаться на решения миграционной политики Европейского союза [18].

От «Конфедерации» отделилась более радикальная фракция и создала самостоятельную партию «Конфедерация польской Короны». Ее председатель Гжегож Браун баллотировался на пост президента в 2025 году, достигнув четвертого результата на выборах (6,34% голосов). В своей программе Г. Браун подчеркивал необходимость остановить приток иммигрантов, организовать высылку из страны нелегалов и иностранцев совершающих преступления [19]. Он декларировал улучшение защиты польских границ и уменьшение угрозы появления в стра-

---

¹ После победы на выборах его предвыборная декларация была отражена в первых решениях в качестве вступившего в должность президента.

не насилия и преступности, совершаемой иммигрантами. Браун резко критиковал признание привилегий и льгот гражданам Украины, прибывшим в Польшу с февраля 2022 года. Всю политику польских властей по отношению к мигрантам он определил как «украинизацию» страны.

Стоит признать, что независимо от политических взглядов все большую озабоченность в польском обществе вызывает присутствие, именно, иммигрантов из Украины. Даже не разделяя идеи программы Г. Брауна, сложно не заметить, что на самом деле происходит очень спорное признание прав граждан Украины, прибывших после начала следующего этапа украинско-российской войны, что часто осуществляется ценой ущемления некоторых прав граждан Польши. Причем речь идет не о всех украинцах, а именно о тех, которых стали называть «военными беженцами». Данное явление показывает дифференцированный подход польского государства к гражданам одной и той же страны.

Граждане Украины как особый вызов для Польши

В данной части статьи мы постараемся ответить на вопрос, почему присутствие иммигрантов из Украины вызывает все большую озабоченность в польском обществе. По поводу отношения к гражданам Украины в Польше можно заметить эволюцию взглядов местных властей, экспертов и политиков. Еще до 2022 года в их высказываниях и даже в официальных документах царило мнение, что граждане Украины – желанные гости в Польше из-за

культурной и антропологической близости. В последнее время оказалось, что именно данная близость вызывает беспокойство, потому что в текущем масштабе миграции она облегчает проникновение и слияние украинского и польского народов. Суть проблемы с украинскими иммигрантами прибывшими в Польшу после 24 февраля 2022 года состоит в масштабах их присутствия на польской территории и их особом статусе признанном польским государством.

Очевидно, что иммигранты, благодаря своему часто растущему присутствию, этнически трансформируют принимающие общества. Однако они не всегда способны влиять на коллективное сознание принимающего населения, что придает новую динамику процессам формирования национальной идентификации.

Общественно-политические процессы, происходящие в Польше в связи с пребыванием граждан Украины, не укладываются в типичные, известные и признанные теоретические концепции ассимиляции или интеграции. И, если к ним можно применить какой-либо теоретический подход, то он основан на принципе замены некоторых явлений и зависимостей, характерных для страны миграции, где от иммигрантского меньшинства ожидается приспособление к местному большинству с точки зрения его ценностей, норм, символов и моделей поведения.

Решения, принимаемые польским государством в отношении граждан Украины, свидетельствуют о том, что его целью является интеграция, т.е. двустороннее взаимодействие принимающего общества и иммигрантского

населения. Однако следует добавить, что эта интеграция выходит за рамки типичных предположений, поскольку она не ограничивается созданием условий для сохранения иммигрантами своей идентичности. Допускается возможность верификации исторического наследия и культурной памяти польской нации как принимающей стороны с учетом версии и содержания одобренных сообществом иммигрантов, в частности прибывающих из западной Украины. Таким образом, происходит частичная и постепенная «украинизация» польской нации как культурной общности и как общности граждан Республики Польша. Она, по-прежнему, сохраняет свое демографическое и этнокультурное ядро, но с украинизированным общинным (коллективным) сознанием, которое понимается в духе Эмиля Дюркгейма, как чувство солидарности и принадлежности, а также общий образ нас самих, основанный на общей системе ценностей, идей, образов и чувств, присутствующих в «базовых» социальных явлениях, таких как религия, мораль, право, экономика и эстетика [20, с. 364, 380]. Ее основой Э. Дюркгейм считал религию. Таким образом, можно предположить «новой религией» своего рода «укаинофилию», особенно среди общественных элит Польши, даже если она скорее продумана и трактуется инструментально, исходя из геополитических соображений, что является результатом подлинной и спонтанной симпатии к Украине и украинцам.

Коллективное сознание Дюркгейма не следует отождествлять с более распространенной концепцией общественного сознания Карла Маркса. Подход Э. Дюркгейма

контрастирует с подходом Маркса, поскольку он подразумевал не конфликт и разделение, как в случае К. Маркса, а солидарность и то, что объединяет людей. Однако это созвучно подходу Мориса Хальбвакса к коллективной памяти, который считал, что память заключается в непрерывной реконструкции прошлого индивидом как помнящим субъектом [21, с. 26]. В интерпретации мысли М. Хальбвакса указывается, что он различает коллективную память и историю (историческую память). Коллективная память, относящаяся к определенной социальной группе, имеет, по мнению М. Хальбвакса, непрерывный и «внутренний» характер, т.е. она дает образ прошлого, в котором изначально все сохраняется, но со временем воспоминания размываются и перестают быть живыми в сознании данной группы, в то же время она игнорирует события, в которых не происходят никакие перемены. История (историческая память), напротив, воспринимает прошлое с внешней точки зрения, т.е. всего общества (нации), и для нее наиболее важны эпохи, в которых происходят перемены. Коллективная память отделяет группу от целого и подчеркивает различия. История устраняет различия, в которых видов коллективной памяти может быть несколько, но история только одна.

Реконструкция прошлого возможна благодаря принадлежности человека к социальной группе, которая определяет «рамки» запоминания фактов. Другими словами, человек помнит благодаря своей групповой принадлежности (к семье, церкви, классу), с которой он себя идентифицирует. Он использует социальное время, измеряемое важными для группы событиями, а изменение

групповой принадлежности вызывает «реконструкцию» его воспоминаний. Каждая социальная группа в силу своих особенностей придает коллективной памяти специфический характер. Хотя Э. Дюркгейм и М. Хальбвакс связывали понятие коллективного сознания с сегментом социальной реальности (религиозной, классовой и т. д.), мы можем рассматривать его целостно по отношению к нации как коллективу. Тогда различие между коллективной памятью и исторической памятью, проводимое М. Хальбваксом, станет размытым. Во избежание понятийной и терминологической путаницы отношение к прошлому наиболее целесообразно определить как ранее приведенную культурную память.

Стоит отметить, что когда мы говорим об «украинизации», мы не имеем в виду прямую и относительно быструю национальную конверсию, результатом которой является принятие украинской культуры и языка, а также связанных с ними социальных, культурных и языковых практик. Имеется в виду не типичная, этнокультурная этнизация, а «украинизация» скорее социокультурного, социополитического или даже геополитического характера.

В данном случае мы понимаем «украинизацию» как трансформацию коллективного сознания, при которой под влиянием украинской культурной памяти релятивизируется общее, сложное и трагическое прошлое и создается новая национальная мифология, в которой события и процессы, ранее зафиксированные в сознании поляков как «сложные проблемы» во взаимоотношениях, подвергаются маргинализации или полному забвению. «Ста-

рые», «традиционные» польские национальные мифы переосмысливаются и реконструируются посредством принятия украинской перспективы восприятия не только прошлого, но и, что крайне важно, современных вызовов и угроз для нашей страны.

Положительным явлением в данном случае является обращение к тому, что объединяет, а не к тому, что разъединяет, напоминание о реальных или мифологизированных фактах сотрудничества (например, польско-большевистская война) и маргинализация конфликтов. Амбивалентность к трагедии польско-украинской истории, терпимое и поддерживаемое польскими властями, выходит за рамки действий, типичных для политики ассимиляции или интеграции. Как указано выше, украинизация коллективного сознания касается не только истории. Она затрагивает также современное осмысление интересов Польши в международной политике и их реализацию. И на словах, и в решениях политиков интересы Польши отождествляются с интересами Украины. Излишне напоминать тот очевидный факт, что интересы даже самых верных союзников никогда не могут быть полностью идентичными. Подводя итог этой части рассуждений, можно сказать, что речь не идет о том, что поляки станут украинцами в результате притока иммигрантов из Украины, переняв их язык, культуру и историческое наследие. Поляки, нация, очень привязанная и чувствительная к своему культурному и политическому самоопределению, будет продолжать идентифицировать себя с польскостью, как в культурном, так и в политическом смысле. Суть представленной проблемы сводится

к тому, что польскость постепенно впитывает в себя элементы украинского сознания, усваивая украинский образ мышления, восприятия геополитической реальности и оценки конкретных событий и процессов – исторических и современных. Таким образом, как бы странно это ни звучало, «польскость становится все менее польской и все более украинской». Постепенно исчезает граница между тем, что до сих пор определяло польскость, и тем, что характерно для украинского сознания.

Принятые решения и повседневная практика показывают, что вместо типичной для иммиграции ассимиляции иммигрантского населения с местным, мы наблюдаем явление, при котором принимающая сторона как бы адаптируется к иммигрантскому населению. Процесс ассимиляции местного большинства с пришлым меньшинством происходит в колониях и завоеванных территориях. Цель ассимиляции в любых условиях — объединение и интеграция различных сообществ в единое сообщество, гармонизация систем ценностей и норм участвующих групп и их членов. Это создает идеологическое, политическое и субъективное единство [22, с. 71]. Как правило, ассимиляция связана с принуждением, являющимся результатом государственной политики, и именно это происходит в колониальных условиях, чтобы облегчить управление и господство на завоеванной территории. Однако даже в колониях ассимиляция может быть добровольной, когда некоторые люди, движимые желанием продвинуться по карьерной лестнице и улучшить свой социально-экономический статус, решают перенять черты пришлого меньшинства. Если сравнить

это с ситуацией, с которой мы имеем дело в Польше, то она – как это ни парадоксально – напоминает колониальные условия. Происходит постепенная гибридизация коллективного сознания поляков, его «размывание». Способствовать данному процессу могут польско-украинские браки или внебрачные отношения. Дети из таких отношений могут испытывать трудности с четким определением своей идентичности. Следовательно, они станут более легкими объектами пропаганды релятивизации сложного прошлого во имя «стратегического польско-украинского союза»¹.

Таким образом, польское национальное сообщество усваивает элементы украинского коллективного сознания, в том числе в значительной степени его западно-украинского варианта. Культурный и демографический потенциал польской нации станет гарантией сохранения части ее самобытности, но с чуждыми ей компонентами украинского сознания. Независимо от того, как мы понимаем польскость, она будет украинизирована, поскольку поляки будут воспринимать прошлое, настоящее и, вероятно, будущее схожим с украинской точкой зрения образом. Это ассимиляция сознания в сфере самообраза, усвоение образа мышления, поведения и восприятия окружающей действительности, включая международную среду. Этот процесс будет эволюционным. Мы не

---

¹ Новый президент Польши Кароль Навроцки избранный в июне 2025 года занимает более прагматичную позицию по отношению к гражданам Украины в Польше и к самой Украине, которая противоречит политике правительства представляющего другую политическую ориентацию. Несомненно отсутствие согласия на продолжение правительственной проукраинской политики является дополнительной темой политической борьбы в Польше. К каким решениям приведет данное соперничество, покажет время.

утверждаем, что он будет необратимым и возможно, на определенном этапе прекратится. Мы лишь пытаемся предугадать последствия этого процесса.

Это также может быть подготовительным этапом к более глубоким и далеко идущим изменениям. Миграционная политика в отношении граждан Украины основана на эмоциях, труднопонятном альтруизме, оторвана от сознания и исторических знаний [23, с. 186], но эти эмоции и альтруизм могли быть результатом сознательно, хотя и спонтанно, принятой стратегии [24, с. 47], пользуясь присутствием миллионов людей на своей территории. В новой миграционной стратегии Польши с 2024 года появилось заявление о том, что «именно иностранцы адаптируются к нормам и социальным правилам принимающей страны» [25, с. 28]. Будущее покажет, будет ли она реализована и каким образом.

Согласно ранее упомянутой концепции аффиляции, принадлежность к польской нации будет определяться, прежде всего, «чувством психологического единства, проявляющимся в разделении соответствующих взглядов, демонстрации схожих настроений или декларировании совпадающих мнений». При этом сами украинские иммигранты в Польше в это время будут трансформироваться в «транснацию», оказывая влияние на сознание поляков. Некоторые из них, находясь в Польше, неизбежно подвергнутся частичной, естественной ассимиляции, и в то же время будут стараться поддерживать эмоциональную связь со своей родиной и оставшимися там членами семьи и друзьями. Не исключено, что ассимиляция будет сопровождаться транснационализмом, который имеет совместимую природу.

Таким образом, украинцы окажутся в промежуточном положении – «то есть, они станут недостаточно польскими для поляков и недостаточно украинскими для украинцев». Большинство граждан Украины не ориентировано на колонизацию, чему способствует политика польских властей. Напротив, права и преимущества, предоставляемые гражданам Украины, ставят их в привилегированное положение по сравнению с гражданами Польши или, по крайней мере, за исключением институционализации проживания и рынка труда, не стимулируют их к осуществлению других мероприятий по ассимиляции и интеграции. Таким образом, иммигранты из Украины не получая гражданства становятся привилегированными членами польского *welfare state*, т.е. государства благосостояния. Получая различные социальные пособия от польского государства и имея доступ к государственным социальным услугам, и в то же время не имея гражданства, они не обременены многочисленными обязательствами. Благодаря такой политике, их статус почти автоматически приблизился к статусу *denizenship*, т. е. «полугражданства/местного гражданства», приобретение которого требует длительного проживания в странах иммиграции.

Заключение

Наблюдение за указанными явлениями позволяет сделать вывод, что «украинизация» польского коллективного сознания конструируется сверху. Ключевую роль в этом процессе играют государство, интеллектуальная элита и средства массовой информации. Стремление

государства заключается в достижении конкретной геополитической цели, т.е. в создании мощной польско-украинской державы с ранее неизвестными конституционными основами и неопределенными границами [26]. Оно могло бы эффективно «сдерживать потенциально-агрессора», под которым подразумевается Россия. В «украинизации» государство получает поддержку почти всех политических партий, за исключением упомянутых ранее двух правых партий, а также интеллектуалов и средств массовой информации. Открытым остается вопрос, было ли решение о безоговорочном открытии границ для граждан Украины и предоставлении им широкого спектра помощи стихийным или результатом продуманной стратегии. Время покажет в каком направлении пойдет этот процесс, но надо подчеркнуть две проблемы. Во-первых, внутренняя «украинизация», если она продолжится, останется независимой от внешних польско-украинских отношений. И во-вторых, она имеет сильный эмоциональный и инструментальный характер. Речь идет не столько об идентификации с украинцами и Украиной как таковой, а с Украиной как «жертвой российского империализма».

Список использованных источников:

1. Семенова В. Политическое в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну. Минск, 2022.
2. Bieleń S. Czas próby w stosunkach międzynarodowych. Miscellanea. Warszawa, 2017.
3. Lewellen T.C. Antropologia polityczna. Wprowadzenie (Political Anthropology: An Introduction). Przekł. A. Dąbrowska, T. Sieczkowski. Kraków, 2010.

4. Burszta W. *Antropologia kultury. Tematy, teorie, interpretacje*. Poznań, 1998.

5. Sadowski A. *Pochodzenie etniczne a tożsamości narodowe. Narody pluralistyczne na przykładzie Europy Środkowo-Wschodniej* // *Kultura i Społeczeństwo*. 2018. Nr 2.

6. Smith R. *Mexican New York: Transnational Worlds of New Immigrants*. California, 2006.

7. В качестве примера палестинские иммигранты в США описываются как «слишком американские для палестинцев и слишком палестинские для американцев» или «недостаточно арабские для арабов и недостаточно американские для американцев», т.е. такие, идентичность/принадлежность которых содержится «между этими двумя группами». Brocket T. *From “In-betweenness” to “Positioned belongings”*: Second-generation Palestinian-Americans Negotiate the Tensions of Assimilation and Transnationalism // *Ethnic and Racial Studies*. 2020. Nr 43(16).

8. Bhabha H.K. *Culture’s In-Between* // S. Hall, P. Du Gay (ed.). *Questions of Cultural Identity*. London–Thousands Oaks–New Delhi, 2000.

9. Документ, подтверждающий принадлежность к польскому народу в этнокультурном смысле (иногда в историкоромантическом смысле, так как его первая версия, которая признавала поляками не только лиц доказавших польское происхождение, но также тех, предки которых были в прошлом гражданами Польши, независимо от национальности) без признания гражданства. Как подчеркивает один из польских исследователей это своеобразная «политическая интерпретация этнической принадлежности» санкционирующая национальную идентификацию и вытекающий отсюда каталог прав предназначенных «своим» и соединяющий категории народа (нации) и гражданства без признания последнего. Ładykowski P. *Gra w karty. „Karta narodowa” jako stawka w państwowej polityce narodowościowej* // W. Dohnal, A. Posern-Zieliński (red.). *Antropologia i polityka. Szkice z badań nad kulturowymi wymiarami władzy*. Warszawa, 2011.

10. Как утверждает российский исследователь Н. Космарская «национальные карты» в качестве «доказательства этнической идентичности» являются своеобразными этническими паспортами и способствуют автохтонизации групп, которых касаются. Обладатели таких документов имеют на исторической родине статус «выше туристов, ниже граждан». Не отказываясь от сохранения связи со страной своего происхождения или происхождения предков и постоянно проживая за ее пределами, данный документ укрепляет лояльность к государству, полноценными гражданами которого являются, что становится даже важнее статуса диаспоры «в объятиях исторической родины». Космарская Н. Постсоветские диаспоры: история, политика, идентичность. Москва, 2022.

11. Informacja o zatrudnieniu cudzoziemców w Polsce - 2024 rok. Ministerstwo Rodziny, Pracy i Polityki Społecznej. Warszawa, marzec 2025.

12. Wierzbicki A. Między konstruktywizmem a antykonstruktywizmem. Mitologie we współczesnych procesach narodotwórczych. Warszawa, 2025.

13. Вежбицки А. Перспективы формирования гражданской нации в Казахстане // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сборник научных трудов / Под ред. М. Шайкемелева. Часть 4. Алматы, 2024.

14. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года – https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (26.08.2025).

15. Kto wnioskował o ochronę międzynarodową w 2024 r. – <https://www.prawo.pl/samorzad/wnioski-o-ochrone-miedzynarodowa-w-polsce,526655.html> (26.06.2025).

16. Bezpieczna przyszłość Polaków. KW Prawo i Sprawiedliwość.

17. Tak PiS wpuścił do Polski setki tysięcy imigrantów. Mocny raport NIK – <https://www.bankier.pl/wiadomosc/Tak-PiS-wpuscil-do-Polski-setki-tysiecy-imigrantow-Mocny-raport-NIK-8816635.html> (30.08.2025).

18. Konfederacja organizuje protesty w całym kraju. Partia szacuje, ile osób weźmie udział – <https://www.pap.pl/aktualnosci/konfederacja-organizuje-protesty-w-calym-kraju-tylu-uczestnikow-spodziewaja-sie> (31.08.2025).

19. Grzegorz Braun 2025. Program wyborczy – https://www.braun2025.pl/program-wyborczy/#elementor-toc__heading-anchor-11 (01.09.2025).

20. Durkheim E. Elementarne formy życia religijnego. System totemiczny w Australii. Przeł. i wstęp A. Zadrożyńska. Wstęp do wydania polskiego E. Tarkowska. Warszawa, 2020 (Durkheim É. Le formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie. Paris 1912).

21. Król M. Wstęp do wydania polskiego // M. Halbwachs, Społeczne ramy pamięci. Przeł. M. Król. Warszawa, 2022 (Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire).

22. Paleczny T. Procesy asymilacji, transkulturacji i uniwersalizacji kulturowej: przegląd problematyki // Krakowskie Studia Międzynarodowe. 2017. Nr 3(XIV).

23. Bieleń S. Pod prąd wołanie daremne. Warszawa, 2023.

24. Adamczyk A. Polska polityka migracyjna i jej paradoksy // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. 2023. Nr 1(187).

25. Odzyskać kontrolę. Zapewnić bezpieczeństwo. Kompleksowa i odpowiedzialna strategia migracyjna Polski na lata 2025–2030. 15 października 2024 roku.

26. «Украина, которая, я надеюсь, будет братским государством на десятилетия, а если Бог даст, на века для Республики Польша, между которой и нами, Польшей - как, надеюсь, пророчески сказал президент Владимир Зеленский - не будет границы; что этой границы на самом деле не будет; что мы будем жить вместе на этой земле, восстанавливая и строя

наше общее счастье и общую силу, которая позволит нам противостоять любой опасности (...)». Wystąpienie Prezydenta podczas uroczystości na Placu Zamkowym – www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/wystapienie-prezydenta-podczas-uroczystosci-na-placu-zamkowym,53158 (17.12.2022).

ДОХОДЫ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Додонов Вячеслав Юрьевич

Состояние межэтнических отношений – как их стабильность, так и переход в конфликтную фазу, – определяется множеством факторов, включая социально-экономические. Многие исследователи относят экономические факторы к основным причинам, либо триггерам возникновения межэтнических конфликтов, более того, к настоящему времени, под влиянием распространения межэтнических конфликтов в период распада ряда постсоциалистических федеративных государств (Югославии, Чехословакии), а также обострения конфликтов в ряде африканских стран в конце XX века начало формироваться такое специальное направление конфликтологии, как «экономика межэтнических конфликтов», в рамках которого вышел ряд соответствующих изданий (например, Янос, 1997 [1], Дафингер, 2013 [2]), рассматривающих широкий спектр проблем экономического и политико-экономического характера, связанных с дестабилизацией межэтнических отношений. Каселли и Коулман (2013) пошли еще дальше и постулировали в рамках разрабо-

---

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН AP23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

танной ими модели «конкретную экономическую интерпретацию этнической принадлежности» [3]. Таким образом, в настоящее время сформировался целый пласт теоретических воззрений в области экономики межэтнических отношений.

В целом, изучение различных социально-экономических аспектов этих отношений имеет достаточно длительную историю в современной науке. Еще в 70-е годы XX века Р. Бейтс сформулировал ряд базовых и достаточно универсальных причин для возникновения межэтнической напряженности, указав, что ее основой является конфликт за ограниченные ресурсы [4]. Учитывая, что ресурсы, за которые происходит конкуренция между отдельными этническими группами, разнообразны, данное направление исследования экономических предпосылок межэтнических отношений стало активно развиваться вширь, охватывая уже не только проблематику материальных ресурсов, но и нематериальных активов, прежде всего, контролирующих функций – «когда этническая группа получает контроль над государством, важные экономические активы вскоре переходят к ее членам» (Эсман, 1994 [5]). В то же время, изучение социально-экономических причин динамики межэтнических отношений также шло и в других направлениях, при этом во многих из них экономический фактор ставился во главу угла как в общетеоретических построениях (Браун, 1996 [6], Тавадов, 2002 [7], Мугалова, 2007 [8]), так и в исследованиях отдельных стран или конфликтов – от Африки (Ироби, 2005 [9]) до стран Кавказа (Мирбашир, 2008 [10]), России (Шахбанова, 2017 [11]) и США (Олзак, 1987 [12]).

Несмотря на обширное поле соответствующих исследований, можно выделить ряд ключевых экономических проблем, отмечаемых специалистами в качестве причин и условий дестабилизации межэтнических отношений. Многими учеными в качестве триггера такой дестабилизации называется резкое ухудшение экономической ситуации, вызванное кризисами (Тепфенхарт, 2013 [13], Карабаш, 2013[14], Биллиет и др., 2014 [15]). При этом общепризнанной причиной возрастания межэтнической напряженности считаются также стабильно неблагоприятные экономические условия и порождаемые ими бедность населения и социальная напряженность, которая постепенно перерастает в межэтническую (Арутюнян, Дробижева и др., 1998 [16]). Но наиболее важной, стержневой причиной возникновения межэтнических конфликтов многими исследователями справедливо, на наш взгляд, считается неравенство экономических возможностей и доходов (Стюарт, 2002 [17], Эстебан и Дебрай (2011) [18], Курганская и Шайкемелев, 2015 [19]).

Неравенство доходов в контексте межэтнических отношений достаточно широко исследуется в мировой науке, в том числе, с помощью инструментария количественного анализа. В данной области наиболее распространенными стали исследования с использованием Индекса этнолингвистической фракционализации (ЭЛФ), отражающего этническое разнообразие общества, и его сопоставления с различными социально-экономическими показателями, в том числе, с показателями, характеризующими неравенство доходов – индексом Джини и другими. Взаимосвязь этнической неоднородности на-

селения и распределения общественных благ исследовали Алесина и Ла Феррара [20], Десмет и др. [21], в том числе, неравенство доходов во взаимосвязи с этнической фракционализацией – Барро [22], Хотард [23], Штурм и Де Хаан [24], Кейси и Оуэн [25]. В Казахстане также проводились исследования этнической фракционализации и неравенств доходов на уровне регионов страны [26], которые подтвердили общемировые закономерности в этой сфере и наличие прямой взаимосвязи между этническим разнообразием населения регионов и величиной коэффициента Джини и коэффициента фондов.

В связи с тем, что наибольшее внимание в мировой практике исследования социально-экономических факторов межэтнических отношений уделяется проблемам уровня жизни и неравенства, основной акцент при изучении соответствующей проблематики на примере Казахстана также целесообразно сделать на исследовании уровня жизни, доходов и их дифференциации в южных регионах страны. Общая логика исследования экономических факторов межэтнических отношений базируется на гипотезе (подтвержденной существующими в этой области исследованиями зарубежных ученых) о том, что усилению межэтнической напряженности способствуют такие социально-экономические предпосылки, как несправедливость распределения общественных благ в сочетании с низким уровнем доходов населения, а триггером возникновения конфликтов на этнической почве зачастую являются экономические кризисы, во время которых уровень жизни значительно снижается. Исходя из указанных факторов экономического характера и с уче-

том наличия доступной статистики, позволяющей анализировать соответствующие параметры (неравенство, бедность, а также их динамику), исследование потенциала их влияния на межэтнические конфликты целесообразно проводить с использованием анализа основных показателей уровня жизни и показателей неравенства доходов в южных регионах Казахстана. При этом важным аспектом этого исследования должно быть сопоставление соответствующих показателей южных регионов с средним по стране уровнем, что позволит оценить их дифференциацию относительно казахстанского уровня и даст дополнительные возможности для осмысления ситуации с экономическими факторами межэтнических отношений на юге Казахстана.

Поскольку уровень жизни определяется преимущественно трудовыми доходами, которые, в свою очередь, являются производными от состояния рынка труда, анализ социально-экономического положения населения южных регионов целесообразно начать с показателей, характеризующих состояние этого рынка и занятости. В таблице 1 приведены основные показатели рынка труда и занятости в Алматинской, Жамбылской, Жетысуской, Кызылординской, Туркестанской областях, и городе Шымкенте в 2023 году, в сопоставлении с республиканским уровнем соответствующих показателей. Для иллюстрации отличий показателей южных регионов от казахстанского уровня были также рассчитаны их средний уровень и разница между средним и республиканским уровнями соответствующего индикатора.

Таблица 1. Основные показатели, характеризующие состояние рынка труда и занятости в южных регионах Казахстана в 2023 году¹.

	Среднемесячная заработная плата одного работника с учетом малых предприятий, тенге	Среднемесячная заработная плата по регионам Республики Казахстан	Уровень безработицы, %	Уровень молодежной безработицы (15-34 лет)	Доля неформально занятого населения, %
Республика Казахстан	329343	364295	4,7	3,5	12,8
Алматинская	276378	295130	4,7	3,1	19,2
Жамбылская	254428	269125	4,8	3,1	21,7

¹ Составлено и рассчитано автором по следующим источникам: Уровень молодежной безработицы (в возрасте 15-34 лет). Занятость и безработица. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 19.09.2024); Уровень безработицы. Занятость и безработица. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 19.09.2024); Численность неформально занятого населения в Республике Казахстан. Занятость и безработица. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-empt-unempl/> (дата обращения: 19.09.2024); Заработная плата наемных работников (с учетом малых предприятий, занимающихся предпринимательской деятельностью). Заработная плата и условия труда. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/> (дата обращения: 19.09.2024); Среднемесячная заработная плата по регионам Республики Казахстан. Заработная плата и условия труда. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-wags/> (дата обращения: 19.09.2024).

Жетысуская	250180	269378	4,9	3,8	17,3
Кызылординская	296757	313493	4,9	3,5	8,4
Туркестанская	261341	270660	5	2,8	17,5
г.Шымкент	237047	275659	4,9	3,7	4,6
Средний по южным регионам показатель	262688	282241	4,9	3,3	14,8
Разница среднего по южным регионам и республиканского показателей, %	-20,2	-22,5	3,5	-4,8	15,5

Все, за исключением уровня молодежной безработицы, показатели, характеризующие состояние рынка труда в южных регионах, оказались хуже средних по Казахстану значений. При этом два ключевых показателя этой сферы – средняя зарплата (в двух ее измерениях) и уровень безработицы оказались хуже среднего по стране уровня во всех шести южных регионах без исключения, даже в Шымкенте, несмотря на то, что в крупных городах, как правило, ситуация и с занятостью, и с оплатой труда гораздо благополучнее. Характерной особенностью рынка труда в южных регионах является приближенность средней зарплаты к минимальным значениям по Казахстану – четыре южных региона из шести (Жамбылская, Жетысуская, Туркестанская области и г. Шымкент) входят в число антилидеров с наименьшим уровнем этого показателя, кроме них, в этом ряду фигурирует только Северо-Казахстанская область. Другой и не менее важной особенностью можно назвать очень высокую долю неформальной занятости, которая в четырех из шести регионов (Алматинская, Жамбылская, Жетысуская и Туркестанская области) значительно превы-

шаает средний по Казахстану уровень и колеблется около одной пятой от общей численности занятого населения. Этот показатель представляется особенно важным в контексте фактора возникновения социальной напряженности, в том числе, на межэтнической почве, поскольку не инкорпорированные в устойчивые трудовые коллективы с определенными социальными гарантиями граждане имеют больше поводов для стресса и меньше сдержек для выплеска негативных эмоций.

Ситуация на рынке труда, в частности, уровень его оплаты, закладывает основы уровня жизни населения, прежде всего, его доходов и производных от них показателей, хотя эта зависимость определяется и другими факторами (например, количеством членов семьи, приходящихся на одного работающего). Ключевые, по нашему мнению, показатели, характеризующие уровень жизни населения, для южных регионов в сопоставлении со средним по Казахстану уровнем приведены в таблице 2 и, так же, как показатели рынка труда, фиксируют ситуацию с заметным их отставанием от показателей республиканского уровня.

Таблица 2. Основные показатели, характеризующие уровень жизни населения в южных регионах Казахстана в 2023 году.¹

	Домашние хозяйства, имеющие доходы ниже величины прожиточного минимума, доля, %	Глубина бедности, в процентах	Соотношение доходов, использованных на потребление, с величиной прожиточного минимума, в процентах	Среднедушевые номинальные денежные доходы населения, тенге
Республика Казахстан	5,2	0,9	186,8	181855
Алматинская	3,6	0,7	171,9	131219
Жамбылская	5,2	0,7	164,3	128843
Жетысуская	7,8	1,2	184,8	122190
Кызылординская	6,2	0,7	163,5	131052
Туркестанская	9	1,4	140,6	98497
г.Шымкент	6,4	1,4	146,2	108989
Средний по южным регионам показатель	6,4	1,0	161,9	120132
Разница среднего по южным регионам и республиканского показателей, %	22,4	13,0	-13,3	-33,9

¹ Составлено и рассчитано автором по следующим источникам: Среднедушевые номинальные денежные доходы населения по регионам (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024); Индикаторы уровня жизни населения (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024).

Так, среднедушевые номинальные доходы в южных регионах ниже среднего по Казахстану уровня более, чем на треть. Это отставание сильнее, чем по показателю средней зарплаты, что, очевидно, обусловлено упомянутым фактором большей численности семей на юге и большим количеством иждивенцев в расчете на одного работающего и получающего зарплату члена семьи. Меньший уровень доходов обуславливает и отставание других показателей уровня жизни, в частности, более высокую долю населения с доходами ниже прожиточного минимума, более высокий уровень глубины бедности, а также меньшее соотношение доходов, использованных на потребление, с величиной прожиточного минимума. По показателям уровня жизни имеется явно выраженный аутсайдер – Туркестанская область, имеющая худшие значения всех четырех рассмотренных индикаторов, причем зачастую с большим отрывом (например, по доле домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума, или по среднедушевым денежным доходам, которые почти вдвое ниже среднего уровня). В этом отношении ситуация с доходами и уровнем жизни отличается от рассмотренных выше показателей рынка труда, где худшие показатели были распределены среди трех-четырех южных регионов.

В контексте конфликтного потенциала социально-экономических показателей большое значение также имеет дифференциация доходов, которая в общественном сознании часто отождествляется со справедливостью, причем не только оплаты труда или уровня жизни, но и социально-экономической модели в целом. В этой связи

уместно отметить, что в последние годы как в академических исследованиях, так и в некоторых практических аспектах понятие справедливости все чаще находит свое приложение в сфере экономических отношений – как в целом, так и в связи с проблематикой доходов населения. Так, с недавнего времени в научный оборот было введено понятие «экономической справедливости», а ООН позиционирует экономическую справедливость «как компонент социальной справедливости» [27, с. iii] и определила ее как «наличие возможностей для полноценной работы и трудоустройства, а также справедливое вознаграждение за производительную деятельность» [27, с.14]. Различные подходы к оценке и реализации социальной справедливости широко представлены в современных экономических теориях. Одной из первых из числа наиболее признанных работ, связывающих справедливость и экономику, можно считать «Теорию справедливости» Дж. Роулза, в которой он заявил, что принципы справедливости должны служить частью доктрины политической экономии [28]. В последнее время отмечается рост интереса исследователей к данной проблематике, который обусловлен не только собственно вопросами социальной справедливости, но и ее влиянием на экономический рост, подтверждение которого фиксируют многие актуальные работы (Li, Wang [29], Balaceanu, Apostol, Penu [30], Vaccaro, Pontusson [31], Piketty [32]). Превалирующими же векторами научного осмысления справедливости в социально-экономической сфере остаются два основных направления – социальное обеспечение и неравенство доходов, хотя достаточно актуальными про-

блемами в этой области также являются и обеспечение справедливого доступа к ресурсам, равенство возможностей в процессах регистрации и ведения бизнеса, справедливость бюджетного процесса и многие другие [33, 34, 35, 36].

Учитывая превалирующий дискурс в актуальных исследованиях по экономической справедливости, связанный с неравенством доходов, целесообразно и необходимо рассмотреть соответствующие показатели южных регионов Казахстана с точки зрения того, насколько сильным является в них это неравенство и может ли оно выступать в роли катализатора конфликтов, включая межэтнические. Основными показателями неравенства доходов, доступными в казахстанской статистике, являются коэффициент Джини и коэффициент фондов. Данные по этим показателям в сопоставлении с их средними уровнями по Казахстану приведены в таблице 3.

Таблица 3. Основные показатели, характеризующие дифференциацию доходов населения в южных регионах Казахстана в 2023 году.¹

	Коэффициент Джини, по 10% группам населения	Соотношение 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов), раз
Республика Казахстан	0,290	5,96
Алматинская	0,243	4,33
Жамбылская	0,254	4,52
Жетысуская	0,299	6,16
Кызылординская	0,227	4,12
Туркестанская	0,220	3,97
г.Шымкент	0,204	3,82
Средний по южным регионам показатель	0,241	4,49
Разница среднего по южным регионам и республиканского показателей, %	-16,8	-24,7

В отличие от показателей рынка труда и доходов, рассмотренных выше, данные индикаторы демонстрируют лучшую, по сравнению с республиканским уровнем, ситуацию в южных регионах. И индекс Джини, и коэффициент фондов демонстрируют меньшие значения во

¹ Составлено и рассчитано автором по следующим источникам: Среднедушевые номинальные денежные доходы населения по регионам (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024); Индикаторы уровня жизни населения (годовые). Статистика уровня жизни. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Бюро национальной статистики. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/> (дата обращения: 19.09.2024).

всех, за исключением Жетысуской области, рассматриваемых регионах, отражая меньшее расслоение общества по уровню доходов. То есть, внутри данных регионов статистикой фиксируются меньшие разрывы по доходам и благосостоянию и, таким образом, дифференциация в уровне жизни не должна являться фактором повышения конфликтности, в том числе, межэтнической.

В целом, анализ текущей ситуации с основными показателями, характеризующими состояние рынка труда, его оплату, и доходы населения, демонстрирует существенное отставание южных регионов Казахстана от средних по стране уровней, что может рассматриваться как фактор усиления бедности и, как следствие, социальной напряженности, в том числе, в межэтнической сфере. С другой стороны, показатели неравенства доходов в этих регионах, напротив, отличаются меньшими уровнями, чем по Казахстану в целом, что ставит под вопрос проблематику социальной справедливости как фактора роста межэтнической напряженности.

Список использованных источников:

1. Janos, Andrew C. The Political Economy of Ethnic Conflict : The Dissolution [sic] of Czechoslovakia and Yugoslavia. Washington, D.C: National Council for Eurasian and East European Research, 1997.

2. Dafinger, A. (2013). The Economics of Ethnic Conflict: The Case of Burkina Faso. Boydell & Brewer. <http://www.jstor.org/stable/10.7722/j.ctt31nj68>

3. Francesco Caselli & Wilbur John Coleman II (2013). On The Theory Of Ethnic Conflict. Journal of the European Economic Association, vol. 11, pages 161-192, January.

4. Bates, Robert H. (1974). Ethnic Competition and Modernization in Contemporary Africa. *Comparative Political Studies* (January)
5. Esman, Milton (1994): *Ethnic Politics*, Cornell University Press.
6. Brown, Michael E. "The Causes of Internal Conflict: An Overview." In *Nationalism and Ethnic Conflict*, edited by Michael E. Brown, Owen R. Cote, Jr., Sean M. Lynn-Jones, and Steven E. Miller. Cambridge, MA: The MIT Press, 1996.
7. Тавадов Г.Т. *Этнология. Учебник для вузов* М.: Проект, 2002. с. 352
8. Мугалова Ж.А. (2007). Причины и факторы возникновения конфликтов на этнической почве. *Ярославский педагогический вестник*, (1), 61-64.
9. Emmy Godwin Irobi. *Ethnic Conflict Management in Africa: A Comparative Case Study of Nigeria and South Africa. Beyond Intractability*, May, 2005. <https://www.beyondintractability.org/casestudy/irobi-ethnic>
10. Мирбашир, Э. (2008). Особенности современных этнополитических конфликтов на Кавказе. *Кавказ и глобализация*, 2 (4), 36-44.
11. Шахбанова М.М. (2017). Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология. *История, археология и этнография Кавказа*, (1 (49)), 154-167.
12. Susan Olzak. Causes of ethnic conflict and protest in Urban America, 1877–1889. *Social Science Research*, Volume 16, Issue 2, 1987. Pages 185-210. [https://doi.org/10.1016/0049-089X\(87\)90016-0](https://doi.org/10.1016/0049-089X(87)90016-0).
13. Tepfenhart, Mariana (2013). The Causes of Ethnic Conflicts. *Comparative Civilizations Review: Vol. 68 : No. 68 , Article 8*.
14. Карабаш, И.В. (2013). Межэтническая напряженность и конфликты в современной России: основные теоретико-методологические концепции. *Теория и практика общественного развития*, (12), 33.

15. Jaak Billiet, Bart Meuleman, Hans De Witte, The relationship between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: Analysis of European Social Survey data, *Migration Studies*, Volume 2, Issue 2, July 2014, Pages 135–161, <https://doi.org/10.1093/migration/mnu023>

16. Арутюнян Ю.В., Дробижева А.М., Сусоколов А.А. Эт-нососоциология. М., 1998.

17. Stewart F. (2002). Root causes of violent conflict in developing countries. *BMJ (Clinical research ed.)*, 324(7333), 342–345. <https://doi.org/10.1136/bmj.324.7333.342>

18. Esteban, Joan and Debraj Ray (2011). A Model of Ethnic Conflict. *Journal of the European Economic Association*

19. Курганская В.Д., Шайкемелев М.С. (2015). Возможности нейтрализации вызовов и угроз в сфере межэтнических отношений (по итогам мониторинга межэтнических отношений в Республике Казахстан в 2015 г.). *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, (6), 90-111.

20. Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities. *Quarterly Journal of Economics*. 2000. No. 115. P. 847–904.

21. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. Linguistic Diversity and Redistribution. *Journal of the European Economic Association*. 2009. Vol. 7. Iss. 6. P. 1291–1318.

22. Barro R. Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol.5. Iss.1. P. 5–32.

23. Hotard M. Differences Lead to Differences: Diversity and Income Inequality Across Countries. *Master's Theses - Economics*. 2008. Available at: <https://ir.library.illinoisstate.edu/mte/13>

24. Sturm J., De Haan J. Income Inequality Capitalism and Ethno-Linguistic Fractionalization. *The American Economic Review*. 2015. Vol. 105. Iss. 5. P. 593–597.

25. Casey G. Owen A. Inequality and fractionalization. *World Development*. 2014. No.56. P. 32–50.

26. Додонов В.Ю. Этническая фракционализация и неравенство доходов: на примере Казахстана. *Проблемы пост-*

советского пространства. 2024;11(1):45–60. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-45-60>

27. The International Forum for Social Development «Social Justice in an Open World. The Role of the United Nations». United Nations. New York, 2006.

28. Rawls J. (1971). *A Theory of Justice: Original Edition*. Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9z6v>

29. Li S., Wang B. (2020). Is social justice the superior economic growth model? Comparative analysis on G20 countries, *Cogent Social Sciences*, 6:1, <https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1760413>

30. Balaceanu C., Apostol D., Penu, D. (2012). Sustainability and social justice. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 62(2012), 677–681. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.115>.

31. Baccaro L., Pontusson J. (2016). Rethinking comparative political economy: The growth model perspective. *Politics & Society*, 44(2), 175–207. <https://doi.org/10.1177/0032329216638053>

32. Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Belknap Press.

33. Ebert U. (1997). Social welfare when needs differ: An axiomatic approach. *Economica*, 64(254), 233–244. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.00075>.

34. Oldfield K. (2003). Social class and public administration: A closed question opens. *Administration & Society*, 35(4), 438–461. <https://doi.org/10.1177/0095399703254947>

35. Slesnick D. T. (1989). Specific egalitarianism and total welfare inequality: A decompositional analysis. *The Review of Economics and Statistics*, 71(1), 116–127. <https://doi.org/10.2307/1928058>

36. Maynard-Moody S., Musheno M. (2012). Social equities and inequities in practice: Street-level workers as agents and pragmatists. *Public Administration Review*, 72(S), 16–23. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2012.02633.x>

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ В КАЗАХСТАНЕ (по результатам социологических исследований и анализа статистических данных)¹

*Курганская Валентина Дмитриевна,
Дунаев Владимир Юрьевич,
Абрахматова Гульнара Абрайкуловна*

Введение

В Казахстане за последние 5 лет наблюдается стабильная динамика брачно-семейных отношений. Общее количество браков ежегодно составляет 120-140 тысяч союзов. Результаты социологического исследования 2025 г. и статистические данные свидетельствуют о том, что межэтнические браки становятся неотъемлемой частью комплексных процессов социальной интеграции и взаимодействия различных этнических групп в рамках казахстанского полиэтнического общества. Несмотря на определённые сложности, межэтнические браки в Казахстане демонстрируют значительный потенциал для своего распространения и укрепления, что создаёт основу для дальнейшего развития института семьи в многонациональном государстве.

Межэтнические браки, имеющие длительную историю в Казахстане, периодически становятся предметом

---

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

оживленных дискуссий в обществе. Как отмечали средства массовой информации, один из «блюстителей нравов» организовал в Алматы подобие «полиции нравов». Деятельность его заключалась в пристаивании к интернациональным парам, состоящим из казашки и представителя другого этноса, с последующим размещением порицающих видеоматериалов на платформе YouTube под лозунгом «Казашки только для казахов» [1].

Этот инцидент подчеркивает, что отношение некоторых представителей титульного этноса к межэтническим бракам является чувствительным индикатором межкультурных границ. Однако, согласно статистическим данным, межнациональные браки демонстрируют тенденцию к увеличению своей распространенности. В связи с этим негативная реакция некоторой части казахов на межэтнические союзы, обусловленная страхом утраты этнокультурных характеристик, постепенно ослабевает.

Процесс глобализации, как фундаментальная трансформация мировой системы, неизбежно ведет к постепенному стиранию культурных границ и, как следствие, к нивелированию антагонистических установок, связанных с межэтническими брачными союзами. В рамках этой интегративной парадигмы глобализация выступает в качестве мощного механизма гомогенизации культурных норм и ценностей, что способствует снижению этнокультурных различий. Как комплексный феномен, оказывающий влияние на все аспекты социальной жизни, глобализация способствует унификации культурных моделей, что, в свою очередь, приводит к снижению значимости этнических и культурных различий в межличностных отношениях. Это

явление проявляется в том числе в сфере межэтнических браков, где наблюдается тенденция к уменьшению сопротивления и предвзятости со стороны общества.

Процесс культурной гомогенизации, вызванный глобализацией, можно рассматривать как своего рода эволюционный сдвиг в восприятии культурных различий. В условиях глобализации культурные нормы и ценности становятся более гибкими и адаптивными, что позволяет индивидам и группам легче интегрироваться в мультикультурное пространство, где межэтнические браки воспринимаются как естественная и приемлемая форма социальных взаимодействий.

Таким образом, глобализация, как интегративный и трансформационный процесс, играет ключевую роль в изменении восприятия межэтнических браков. Она способствует не только снижению культурных барьеров, но и формированию более инклюзивного и толерантного общественного сознания.

Методология исследования

В рамках реализации проекта «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана», осуществляемого Институтом философии, политологии и религиоведения (ИФПР) Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, в июле-августе 2025 г. были проведены полевые исследования, представляющие значительный интерес с точки зрения анализа социокультурных аспектов межэтнических взаимодействий.

Методологическая база подготовки статьи включала следующие компоненты:

1. Организация и проведение шести фокус-групп, выполненных сотрудниками ИФПР на юге Казахстана (Алматинская, Жамбылская, Туркестанская, Жетысуская области). В фокус-группах приняли участие 42 представителя этнических групп от 20 до 60 лет, представляющих различные социальные группы и профессии.

2. Анализ статистических данных, представленных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Результаты

Количество межэтнических браков является важным и многогранным индикатором, отражающим глубокие процессы в обществе. Этот феномен тесно связан с миграционными потоками, демографическими изменениями, культурными и социальными взаимодействиями между различными этническими группами. Межэтнические браки свидетельствуют о готовности людей к интеграции, преодолению стереотипов и формированию более сплоченного и толерантного общества. Они являются важным элементом межэтнического диалога, способствуя созданию гармоничных и устойчивых отношений между представителями разных культур на макросоциальном уровне.

На основании данных, представленных в таблице 1 [2, с. 75], можно констатировать устойчивый тренд на рост числа межэтнических браков в динамике последних лет.

Этот факт свидетельствует о прогрессирующем характере межэтнического взаимодействия и постепенном нивелировании культурных и социальных барьеров между представителями различных этнических групп.

Таблица 1 – Численность межэтнических браков с 2020 по 2024 гг.

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего браков	128 839	140 256	128 359	120 851	123 626
Из них межэтнических браков	18 301	22 390	22 357	21 373	22 444
В %	14,2	16,0	17,4	17,7	18,2

Исследование динамики межэтнических браков демонстрирует их существенный рост за последние годы. Доля таких союзов увеличилась с 14,2% до 18,2%, что свидетельствует о значительном повышении уровня толерантности и готовности населения к межкультурным взаимодействиям. Данный тренд отражает процессы социальной интеграции и культурного обмена, способствующие формированию инклюзивного общества, где многообразие культурных традиций и идентичностей воспринимается как ценность.

Увеличение числа межэтнических браков можно рассматривать как индикатор позитивных изменений в социальной структуре и межгрупповых отношениях. Этот феномен указывает на успешную адаптацию и интеграцию различных этнических групп, что является важным аспектом в контексте глобализации и мультикультурализма. Кроме того, межэтнические браки способствуют укреплению социальных связей и развитию межгруппо-

вого доверия, что, в свою очередь, способствует созданию более гармоничного и устойчивого социума.

Анализ данных, представленных в таблице 2 [2, с. 79], выявляет устойчивую тенденцию к увеличению числа межэтнических браков у всех этносов. Данная динамика может свидетельствовать об интенсификации процессов межэтнической интеграции в обществе, возрастании уровня уважения к культурным и этническим различиям, трансформации традиционных культурных норм

Таблица 2 - Число вступивших в брак с представителями других этносов за 2020-2024 гг.

	Женихи					Невесты				
	2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	18 301	22 390	22 357	21 373	22 444	18 301	22 390	22 357	21 373	22 444
Казахи	4 058	5 458	5 478	5 437	5 894	3 498	4 728	4 586	4 555	4 849
Русские	4 497	6 154	5 904	5 592	5 721	5 450	7 319	7 320	6 886	7 117
Узбеки	523	726	645	667	769	597	895	738	781	857
Украинцы	1 517	1 996	1 950	1 742	1 831	1 493	1 985	1 891	1 736	1 760
Уйгуры	553	682	721	681	733	489	558	586	580	642
Татары	940	1 263	1 246	1 108	1 200	971	1 303	1 303	1 182	1 298
Немцы	1 286	1 610	1 518	1 438	1 460	1 404	1 683	1 730	1 603	1 708
Другие этносы	4 917	4 487	4 338	4 263	4 312	4 392	3 912	3 701	3 780	3 904

Следует отметить, что наибольшую долю среди вступающих в брак составляют представители титульной национальности и русские. Тем не менее, значительная часть браков заключается между представителями иных этнических групп, таких как узбеки, украинцы, уйгуры, татары, немцы и другие. Это свидетельствует о росте открытости к межнациональным контактам у всех этнических групп.

Таблица 3 [2, с. 77, 80], представляет динамику демографических показателей, касающихся института брака и семейных отношений в Республике Казахстан за период с 2020 по 2024 годы.

Таблица 3 – Общее число браков и разводов в Казахстане за 2020-2024 гг.

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего браков	128 839	140 256	128 359	120 851	123626
Всего разводов	48 002	48 239	44 517	40 227	40 569
Всего разводов в %	37,3	34,4	34,7	33,3	32,9

Как следует из таблицы 3, в 2020 году наблюдается пиковая активность заключения брачных союзов, когда было зарегистрировано 128 839 браков. В 2021 году фиксируется незначительный рост числа браков до 140 256, однако в 2022 году наблюдается существенное снижение до 128 359, что может быть обусловлено воздействием пандемии COVID-19 или трансформациями в социально-культурных установках общества. В 2023 году отмечается дальнейшее снижение до 120 851 брака, но уже в 2024 году начинается восстановление до уровня 123 626, что свидетельствует о тенденции к стабилизации динамики регистрации брачных союзов.

Параллельно с анализом брачных процессов, необходимо рассмотреть динамику разводов. В 2020 году было зарегистрировано 48 002 развода, что составило 37,3% от общего числа браков. В 2021 году наблюдается незначительный рост числа разводов – до 48 239 (34,4%), однако уже в 2022 году фиксируется снижение до 44 517 (34,7%).

В 2023 году этот показатель продолжил снижаться до 40 227 (33,3%), а в 2024 год происходит его дальнейшее уменьшение до 40 569 (32,9%).

Для более глубокого понимания происходящих процессов необходимо рассмотреть коэффициент разводимости, который представляет собой процент разводов от общего числа браков за определённый период. В 2020 году данный показатель составил 37,3%, что свидетельствует о высоком уровне расторжения браков. В 2021 году показатель снизился до 34,4%, что может быть связано с адаптацией общества к новым условиям. В 2022 году наблюдается незначительное повышение до 34,7%, однако уже в 2023 году коэффициент разводимости вновь снизился до 33,3%, а в 2024 год происходит его дальнейшее уменьшение до 32,9%.

Таким образом, несмотря на колебания в абсолютных числах браков и разводов, можно констатировать достаточно устойчивый тренд на снижение как общего числа разводов, так и отношения количества разводов к количеству браков. Это может свидетельствовать о повышении устойчивости браков, изменении социальных норм и адаптации экономических условий к новым реалиям.

Таблица 4 [2, с. 80, 82] демонстрирует динамику межэтнических и ординарных разводов за последние несколько лет. Примечательно, что процент межэтнических разводов демонстрирует относительную стабильность, колеблясь в пределах 22–23% от общего количества разводов. Это свидетельствует о том, что межэтнические браки обладают достаточной степенью устойчивости, несмотря на существующие вызовы и препятствия. Однако

высокий процент разводов в данной категории указывает на наличие системных проблем в межэтнических браках, требующих детального анализа.

Таблица 4 – Численность межэтнических разводов за 2020-2024 гг.

	2020	2021	2022	2023	2024
Всего разводов	48 002	48 239	44 517	40 227	40 569
Всего межэтнических разводов	10 581	11 051	10 351	8 893	9 036
В %	22,0	22,9	23,3	22,1	22,3

Для более глубокого понимания динамики межэтнических разводов необходимо учитывать комплекс факторов, включая социально-экономическую ситуацию, миграционные процессы, государственную политику в сфере межэтнических отношений и другие релевантные переменные. Важно отметить, что статистические данные о разводах не всегда могут адекватно отражать всю сложность и многообразие межэтнических взаимодействий, поскольку они не учитывают уникальные особенности каждой конкретной пары и контекстуальные аспекты их отношений.

Анализ данных, представленных в таблице 5 [2, с. 82], позволяет констатировать вариативность количества расторгнутых браков между представителями различных этнических групп в период с 2020 по 2024 годы. Этот феномен может быть интерпретирован как отражение динамики межэтнических взаимодействий в социуме.

Таблица 5 - Численность расторгнувших браки с представителями других этносов за 2020-2024 гг.

	Мужчины					Женщины				
	2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	10 581	11 051	10 351	8 893	9 036	10 581	11 051	10 351	8 893	9 036
Казахи	2 181	2 444	2 127	2 016	2 100	2 283	2 198	2 142	1 658	1 713
Русские	2 780	3 053	2 782	2 548	2 556	3 444	3 644	3 492	3 136	3 237
Узбеки	199	269	224	214	188	216	247	228	233	250
Украинцы	891	1 020	930	892	908	933	1 057	883	840	859
Уйгуры	218	229	256	234	214	207	199	207	189	172
Татары	553	633	558	569	567	599	657	651	615	551
Немцы	667	724	681	638	696	820	866	793	695	751
Другие этносы	1 520	1 745	1 934	1 563	1 604	1 506	1 553	1 585	1 400	1 405

Следует отметить, что, несмотря на достаточно большое общее число расторгнутых браков среди различных этнических групп, приведённые данные свидетельствует о сохранении межэтнических браков как социального института. В контексте сопоставления статистики разводов у наиболее многочисленных этнических групп и у этнических меньшинств, можно отметить, что количество расторгнутых браков у русских и казахов превышает аналогичные показатели у представителей других этносов. Это может быть обусловлено спецификой демографических и культурных характеристик данных групп в многонациональном социуме. Однако для проведения более глубокого и обоснованного анализа необходимо учитывать дополнительные факторы, включая возрастную структуру, уровень образования, место проживания и другие социально-демографические параметры.

На основе представленных данных можно сделать вывод, что браки между лицами одной национальности демонстрируют большую устойчивость по сравнению с межэтническими. Это подтверждается показателями, представленными в таблице 6, составленной на основе вышеприведённых статистических данных.

Таблица 6 - Разводы в межнациональных браках

Год	Межэтнические браки	Межэтнические разводы	% разводов (межэтнические)	Общий % разводов
2020	18 301	10 581	57,8%	37,3%
2021	22 390	11 051	49,4%	34,4%
2022	22 357	10 351	46,3%	34,7%
2023	21 373	8 893	41,6%	33,3%
2024	22 444	9 036	40,3%	32,9%

Как следует из таблицы 6, в Казахстане в период с 2020 г. по 2024 г. отмечается положительная тенденция к снижению общего уровня разводов – с 37,3% до 32,9% от общего числа браков. Сравнительный анализ показывает, что моноэтнические браки демонстрируют более высокую стабильность.

Межэтнические союзы характеризуются повышенным риском расторжения (40,3% против 32,9% в 2024 г. в среднем по стране). Однако отмечается положительная динамика снижения разводов и в межэтнических парах. Позитивные тенденции – уменьшение разводов с 57,8% (2020 г.) до 40,3% (2024 г.). Тем не менее, повышенная хрупкость таких союзов остаётся их отличительной чертой.

Специфика семейных отношений в межнациональных браках определяется комплексом факторов: различиями в культурных традициях и обычаях, отличными системами ценностей и религиозных взглядов, особой моделью принятия семейных решений, уникальным подходом к воспитанию детей, специфическими способами разрешения конфликтов.

Вопрос межэтнических браков затрагивает глубокие культурные, социальные и личные аспекты, что требует тщательного и всестороннего рассмотрения. Приведём спектр мнений относительно межнациональных браков, высказанных респондентами в ходе фокус-групповых исследований:

«Не знаю насчёт всех казахов. Но я не против других. У меня дочь, и я не против её любого выбора (казах, 51 год, детский тренер по футболу, г. Талдыкорган).

«Мне всё равно. Если дочка полюбит русского, да пожалуйста! Или за чеченца или уйгура выйдет, был бы парень хороший» (казашка, 53 года, ИП, г. Талдыкорган).

«Я не думаю, что статистика правильно отражает общественное мнение, что казахи в большинстве против таких браков. Я думаю, что на практике у всех приблизительно эти проценты одинаковы» (казашка, 52 года, юрист, г. Талдыкорган).

«Опять же в соцсетях очень много межнациональных браков обсуждают, показывают. Множество мнений в комментариях типа: Что не могли себе казаха (казашку) что ли найти!? Таких мнений больше, чем согласных с такими браками. Но мне кажется, что если бы в самом деле их дочери, сыновья женились бы на русских, например, они всё равно

бы смирились с этим. Я уверена, что все казахи согласятся с этим!» (казашка, 24 года, психолог, г. Талдықорган).

«Я в принципе к межэтническим бракам нормально отношусь, только не хочу, чтобы наши мальчики женились на девушках других. Девочки могут выходить хоть за кого замуж. А мальчики должны жениться только на казашках! Мальчики у казахов – это продолжатели рода, а девочки у казахов всегда уходят в чужую семью. Поэтому девочек пускай берут» (казашка, 73 года, пенсионер, г. Талдықорган).

«В нашем народе очень сильны семейные традиции. Иногда это переходит в закрытость. Например, я знаю семьи, где запрещают детям общаться или тем более жениться на представителях других этносов. Причина – страх, что “не поймут друг друга”, “будет другой менталитет”. Я не одобряю, но понимаю, откуда это идёт. Многие боятся потерять свою культуру (уйгурка, 58 лет, пенсионер и ИП, г. Тараз.).

«С казахами мы в мире и согласии. Но, думаю, стереотипы скорее у них, чем у нас. Так как мы не против межэтнических браков. А вот все мои знакомые казахи говорят, что надо стараться жениться на казашках. Особенно дочь не отдавать за другого. А вот мы как раз не против дочь за казаха отдать, а вот келинок в дом приводит стараемся из «своих» (таджик, 57 лет, предприниматель, руководитель крестьянского хозяйства, г. Тараз).

«Среди моих сверстников кто-то спокоен, но у многих всё равно есть предвзятость. Особенно у парней – боятся, что девушка выйдет замуж за представителя другой нации. Это идёт от давления семьи, страха “что скажут люди” и от желания “не смешивать кровь”. Но мы же в XXI веке – пора менять это мышление. Я пока не собираюсь жениться,

но если надумаю, только по любви. И только на мусульманке. Или превращу её в мусульманку. Это важно» (казах, 21 год, студент, г. Тараз).

«Я хочу сказать, у меня, например, муж башкир, живём почти 35 лет. Мне кажется, что семейные отношения никак не могут зависеть от национальности. Всё зависит от взаимопонимания и уважения в семье, а главное от воспитания. Казахи тоже с казахами разводятся, русские с русскими разводятся» (казашка, 60 лет, безработная, г. Шымкент).

«Смешанные браки сейчас не новость, всегда были такие случаи. Например, в советские времена многие политические деятели, деятели культуры, писатели создавали семьи с другими, но это никак не повлияло на их дальнейшую судьбу. Разводы не зависят от национальности. Главное понимание и уважение друг к другу» (казашка, 60 лет, безработная, г. Шымкент).

«Мне кажется, что на причины разводов никак не влияет национальность супругов. Среди казахов много разводов. Это зависит не от нации, религии и языка, это зависит от социальных, экономических проблем и от воспитания. Уровень жизни очень влияет на качество жизни. Всё это глупости, что из-за религии, нации, языка, традиций происходят разводы. Всё-таки, я думаю, не надо заставлять детей идти против своей воли. Ведь может случиться большая любовь» (казах, 32 года, самозанятый, г. Шымкент).

«Когда-то для немцев было важно, чтобы только за немцев выходили замуж. А сейчас уже конечно, отошли от этой традиции. Возможно, для казахов это тоже важно. Они хотят сохранить свою идентичность. Скорее всего, это старшее поколение так думает, молодёжь больше ориентируется на свои чувства» (немец, 20 лет, самозанятый, г. Шымкент).

«Сейчас многое меняется. Молодёжь уже по-другому смотрит. Для них самое главное, чтобы была любовь, уважение, чтобы человек был хороший. В городах особенно видно, что люди спокойно создают семьи разных наций и живут нормально, дружно» (казах, 48 лет, экс-работник администрации, с. Чунджа Уйгурского района Алматинской области).

«Я думаю, наверное, всё-таки надо создавать семьи с представителями своей нации. Это удобно не только в плане языка, главное в плане религии. У меня, например, есть сосед-казах, который хотел сделать сундет/обрезание сыну, но так как у него жена украинка, она не согласилась. В это время вмешались старшие члены семьи и еле уговорили женщину. А вообще, она хотела крестить сына в церкви, но опять родственники не разрешили, сказали, что это «харам» для мусульман и так далее. Да и традиции мусульман не позволяют многое делать по православным обычаям. После этого случая родственники с двух сторон обиделись друг на друга и теперь не общаются, а жена-украинка не знает как себя вести после такого инцидента» (казах, 40 лет, госслужащий, г. Шымкент).

Анализ отношения к межэтническим бракам в современном казахстанском обществе, высказанного участниками фокус-групп, демонстрирует сложную и многогранную картину.

Часть респондентов выражает толерантное отношение к межэтническим бракам, подчёркивая, что национальная принадлежность не должна быть препятствием для создания семьи. Они акцентируют внимание на таких фундаментальных ценностях, как любовь, уважение,

взаимопонимание и поддержка, которые, по их мнению, являются залогом успешного семейного союза. Эти участники отмечают, что именно эмоциональная связь и общие жизненные цели важнее культурных различий.

Однако другая часть респондентов придерживается более консервативных взглядов, выражая опасения, что межэтнические браки могут привести к утрате культурной идентичности и традиций. Они считают, что сохранение национальных обычаев и ценностей критически важно для поддержания социальной стабильности и целостности общества. Эти респонденты подчёркивают, что смешение культур может негативно сказаться на преемственности поколений и, как следствие, на будущем нации.

Старшее поколение (50+ лет) проявляет большую консервативность, делая акцент на традиционных ценностях, религиозных аспектах и сохранении культурной идентичности, в то время как молодые люди демонстрируют большую открытость и толерантность. Возрастной фактор играет ключевую роль в формировании отношения к межэтническим бракам. Молодёжь в возрасте 20-30 лет ориентируется, прежде всего, на личные чувства и взаимопонимание. Это различие в восприятии обусловлено различиями в жизненном опыте, культурном контексте и ценностных установках.

Территориальные особенности также оказывают существенное влияние на восприятие межэтнических браков. Городские жители, особенно в крупных городах, проявляют большую открытость к межэтническим бракам, в то время как в сельских районах сохраняются более консервативные взгляды.

Примечательно выявленное в социологических исследованиях различие в отношении к межэтническим бракам по гендерному признаку. Общество демонстрирует более лояльное отношение к бракам казашек с представителями других национальностей, при этом существует строгий контроль за выбором партнёров казахами-мужчинами, что связано с традиционными представлениями о продолжении рода.

Среди основных факторов, влияющих на успешность межэтнических браков, выделяются: взаимопонимание между супругами, готовность к компромиссам, уважение традиций обеих сторон, практический подход к построению семейных отношений.

При этом выделяются определённые проблемные зоны: религиозные вопросы и их влияние на семейные традиции, языковой барьер как потенциальный источник конфликтов, давление общественного мнения и семьи.

Таким образом, в обществе наблюдается значительный разброс мнений о межэтнических браках, который обусловлен сложным взаимодействием культурных, исторических и социальных факторов. Для глубокого понимания этого феномена необходимо учитывать как положительные, так и негативные аспекты межэтнических браков, а также их влияние на семейные отношения, культурную идентичность. Только комплексный подход позволит выработать взвешенную и эффективную политику в отношении межэтнических браков, способствующую гармоничному развитию общества.

Заключение

Казахстан всё больше втягивается в сферу глобализационных процессов. Развитие и рост международных связей, культурных обменов способствуют более широкому восприятию культурных различий и пониманию ценности межнационального взаимодействия. В массовом сознании происходит сдвиг в общественных установках и ценностях, межнациональные браки всё больше воспринимаются как нормальное и приемлемое явление. Внутренняя и внешняя миграция, в которой участвуют молодые люди в поисках работы, учёбы или лучшей жизни приводит к увеличению контактов между представителями разных национальностей, что также влияет на изменение восприятия межнациональных браков.

В целом, современное казахстанское общество демонстрирует тенденцию к либерализации взглядов на межэтнические браки, хотя этот процесс зависит от множества факторов, включая возраст, место проживания, социальный статус и уровень образования респондентов. Как показало исследование, конфликтные ситуации в межэтнических браках чаще всего возникают из-за различий в культурных традициях, из-за противоречий в распределении семейных ролей, в воспитании детей, из-за финансовых разногласий, из-за различий в бытовых привычках. При этом сохраняется противоречие между традиционными ценностями и современными тенденциями, которое особенно остро проявляется в вопросах религии и сохранения культурной идентичности.

В целом динамика браков и разводов в Казахстане с 2020 по 2024 годы показывает увеличение числа межэтнических браков на фоне общего снижения разводов. Это может свидетельствовать о росте культурной открытости населения и об изменении отношения к межэтническим взаимодействиям. Однако относительная стабильность числа разводов в межэтнических браках подчёркивает существующие трудности в этих отношениях, что требует дальнейшего анализа причин, способствующих как успешным, так и неудачным отношениям в контексте межэтнических браков и разводов.

Необходимые меры по укреплению межэтнических семей включают: развитие программ межкультурной адаптации, психологическую поддержку смешанных семей, просвещение в области межэтнического взаимодействия.

Список использованных источников:

1. «Казашки только для казахов»: новые грани уят-революции // Sayasat. URL: <https://www.sayasat.kg/society-mobile/60462-were-only-for-kazakhs-new-verge-ujat-revolution.html>

2. Демографический ежегодник Казахстана. Астана: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2025.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ: ОБЗОР ПОДХОДОВ И МЕТОДОВ¹

*Курганская Валентина Дмитриевна,
Дунаев Владимир Юрьевич,
Ванхемтинг Элина*

Введение

Этнические стереотипы представляют собой упрощённые и генерализированные когнитивные конструкции, которые формируются в общественном сознании и отражают представления о представителях других этнических групп. Эти ментальные модели, подобно искажающим реальность зеркалам, оказывают значительное влияние на межгрупповые взаимодействия, детерминируя поведенческие паттерны, перцептивные процессы и коммуникативные стратегии индивидов. Стереотипы создают устойчивые когнитивные схемы, которые могут стать катализаторами ксенофобии, предвзятости и конфликтных ситуаций. Понимание механизмов их генезиса и функционирования требует мультидисциплинарного подхода, учитывающего исторические, культурные и социоструктурные факторы.

---

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

В условиях глобализации, когда интенсивность межэтнических взаимодействий возрастает, изучение подходов и методов исследования этнических стереотипов приобретает особую актуальность, поскольку эти социальные конструкции могут существенно влиять на межэтнические отношения, социальную интеграцию и формирование общественного мнения.

Исследование методологических и теоретических аспектов изучения этнических стереотипов позволяет не только глубже понять процессы их формирования и распространения, но и разработать эффективные стратегии по нейтрализации их негативных последствий. Это, в свою очередь, способствует созданию более инклюзивного и толерантного социума, основанного на принципах взаимного уважения и понимания между представителями различных этнических групп.

Подходы к исследованию этнических стереотипов

Современные зарубежные исследователи этнических стереотипов рассматривают их как комплексное социальное явление и когнитивный процесс стереотипизации. Этот феномен представляет собой рациональную форму познания, которая является частным случаем более широкого процесса категоризации. В рамках данного подхода этнические стереотипы рассматриваются как интересубъективные конструкты, формирующиеся в процессе социального взаимодействия и отражающие культурно-исторический контекст. Таким образом, они представляют собой не только когнитивные схемы, но и

социально обусловленные репрезентации, оказывающие влияние на межэтнические отношения и их восприятие.

Этнические стереотипы являются предметом всестороннего изучения в различных дисциплинах социальных наук. Социологи, политологи, социальные психологи, этнологи, культурологи и антропологи вносят свой вклад в понимание механизмов формирования и функционирования этнических стереотипов. Их исследования позволяют глубже анализировать социальные структуры и культурные процессы, а также выявлять взаимосвязи между этнической идентичностью, межгрупповыми отношениями и общественным дискурсом.

В зарубежной науке сложились несколько ключевых подходов и методов изучения этностереотипов, каждый из которых вносит свой вклад в понимание механизмов стереотипизации и её последствий.

1. *Социально-психологический подход* к исследованию этнических стереотипов акцентирует внимание на анализе индивидуальных и групповых процессов, лежащих в основе их формирования и функционирования. В рамках данного подхода учёные изучают механизмы, посредством которых стереотипы возникают и закрепляются в сознании индивидов, а также их влияние на поведенческие и когнитивные аспекты этносоциальной идентификации.

Гордон Оллпорт, один из ведущих исследователей в области социальной психологии, выделил несколько ключевых механизмов формирования стереотипов. Укажем их. *Каузальная атрибуция* представляет собой процесс объяснения причинно-следственных связей, ко-

торые индивиды устанавливают между событиями и поведением других людей. *Эффект ореола* характеризуется когнитивным искажением, при котором общее впечатление о человеке или явлении формируется на основе одной ярко выраженной черты, игнорируя при этом другие характеристики. *Селективное восприятие* заключается в сохранении привычных моделей мышления, даже если они неадекватны реальности, что приводит к искажению социальной перцепции и усилению стереотипов.

Г. Оллпорт также предложил гипотезу контакта как одного из возможных путей преодоления стереотипов [1]. Согласно данной гипотезе, межгрупповой контакт может способствовать ослаблению предрассудков, однако это зависит от ряда факторов, таких как глубина, частота, продолжительность и количество участников контакта. Простой физический контакт, например, когда представители различных рас просто ходят по одним и тем же улицам, не приводит к снижению стереотипов. Для достижения положительного эффекта контакт должен быть достаточно интенсивным и включать элементы взаимодействия и обмена информацией.

Кроме того, Г. Оллпорт подчёркивал значимость информированности как ключевого фактора в борьбе со стереотипами. Он утверждал, что осведомлённость о других культурах, традициях и образе жизни способствует разрушению предвзятых представлений и формированию более объективного восприятия межгрупповых отношений.

2. *Когнитивный подход* фокусируется на изучении когнитивных процессов, лежащих в основе формирования

этнических стереотипов. Этот подход рассматривает этнические стереотипы как когнитивные структуры, формирующиеся на основе схем и прототипов. Исследователи анализируют механизмы обработки информации о представителях других этнических групп, её хранения в памяти и влияния на принятие решений и поведенческие стратегии. В рамках когнитивного подхода изучаются механизмы, с помощью которых люди формируют и используют стереотипы. Например, рассматривается, как работает кажущееся сходство объектов (прототипы) и как информация о представителях других культур встраивается в уже существующие когнитивные схемы.

Исследователи, работающие в рамках этого подхода, могут использовать экспериментальные методы для изучения того, как люди обрабатывают информацию о представителях разных этнических групп. Они могут исследовать, насколько быстро и точно люди могут идентифицировать и классифицировать лиц из разных этнических групп, и как это влияет на формирование стереотипов. Д. Л. Гамильтон и Т. К. Тролер, проведя детальный анализ, подчеркнули значимость когнитивных схем и прототипов для понимания механизмов формирования стереотипов [2]. Это исследование демонстрирует, как упрощённые представления о социальных группах формируются и функционируют на уровне индивидуального восприятия и когнитивной обработки информации.

3. *Социологический подход*, фокусируясь на анализе социальных структур и институтов, позволяет глубже понять механизмы формирования и функционирования

этнических стереотипов в обществе. В рамках данного подхода исследователи изучают роль социальных норм, культурных традиций, а также институциональных и структурных факторов, способствующих воспроизводству стереотипов и их легитимизации. Классическим примером является исследование Р. Э. Парка, который анализировал влияние социальных изменений и миграционных процессов на формирование межгрупповых отношений и стереотипизацию [3].

В рамках социологического подхода исследователи могут анализировать: социальные группы и их влияние на формирование стереотипов (как возрастные, профессиональные, религиозные группы влияют на формирование и распространение этнических стереотипов); социальные институты и их роль в поддержании стереотипов (как образовательные учреждения, СМИ, политические институты и другие социальные структуры способствуют формированию и укреплению этнических стереотипов); механизмы социальной категоризации (как процессы категоризации и стереотипизации влияют на восприятие этнических групп и формирование стереотипов); социальные функции этнических стереотипов (какие социальные функции выполняют этнические стереотипы, например, поддержание социальной иерархии, оправдание неравенства или формирование групповой идентичности); изменение этнических стереотипов в результате социальных изменений (как социальные процессы, такие как миграция, глобализация или социальные движения, влияют на изменение этнических стереотипов и формирование новых). Для сбора данных о распространённости

и содержании этнических стереотипов социологи применяют как количественные, так и качественные методы исследования, включая опросы, интервью, фокус-группы и анализ текстовых материалов. Это позволяет получить комплексное представление о функционировании этнических стереотипов в социокультурном контексте.

4. *Культурный подход* к изучению этнических стереотипов рассматривает их как неотъемлемый компонент культурной традиции, формирующийся под воздействием символических систем, мифов, легенд и ритуалов. Г. Хофстеде проанализировал, как культурные различия влияют на формирование стереотипов в разных обществах [4]. Культурный подход в изучении этнических стереотипов предполагает анализ того, как культурные нормы, ценности и традиции влияют на формирование представлений о других этнических группах. Этот подход акцентирует внимание на том, как культурные нормы, ценности и традиции формируют представления о других этнических группах, рассматривая стереотипы как продукт специфического культурного контекста. В рамках данного подхода исследователи анализируют символические системы (язык, искусство, религию, мифологию), обычаи и традиции, модели поведения и взаимодействия между представителями различных этнических групп, а также исторические и социокультурные контексты, способствующие формированию и поддержанию стереотипов. Такой методологический подход позволяет глубже понять генезис и устойчивость этнических стереотипов, а также их влияние на межэтнические взаимодействия и социальные отношения.

Изучение этнических стереотипов в контексте культурного подхода включает в себя: сравнительный анализ культурных практик и ценностей различных этнических групп; исследование влияния массовой культуры и медиа на стереотипизацию; анализ роли образовательных и социальных институтов в передаче культурных стереотипов; а также изучение механизмов межпоколенческой трансмиссии стереотипов. Культурный подход подчёркивает значимость осознания и понимания культурных различий и их воздействия на восприятие других этнических групп, что является ключевым аспектом для преодоления предвзятости и улучшения межкультурных взаимодействий.

5. *Эволюционный подход*, базирующийся на принципах эволюционной психологии, предлагает комплексное объяснение генезиса этнических стереотипов, рассматривая их как эволюционно обусловленные адаптивные механизмы, направленные на оптимизацию выживания и воспроизводства человеческого вида. В рамках данной парадигмы исследователи анализируют роль стереотипов в контексте эволюционной динамики социальных групп, акцентируя внимание на их функциональном значении для обеспечения конкурентных преимуществ и защиты ресурсов.

С. Пинкер [5], один из ведущих представителей эволюционного подхода, исследовал механизмы формирования стереотипов, рассматривая их как продукт эволюционного отбора, способствующий эффективному взаимодействию индивидов с окружающей средой и другими социальными группами. В рамках данной ис-

следовательской традиции изучаются когнитивные механизмы, лежащие в основе стереотипизации, а также их влияние на формирование предвзятостей и дискриминационных установок.

Эволюционный подход позволяет выявить универсальные аспекты этнических стереотипов, обусловленные биологическими и когнитивными факторами. Исследователи анализируют, как эволюционно сформированные паттерны восприятия и оценки других групп способствуют выживанию и адаптации в условиях конкурентного взаимодействия за ресурсы. В частности, внимание уделяется эволюционным корням стереотипов и предрассудков, проявляющихся на различных уровнях социальной организации.

Таким образом, эволюционный подход представляет собой целостную теоретическую рамку, позволяющую глубже понять природу и функции этнических стереотипов. Рассматривая их как адаптивные стратегии, сформировавшиеся в процессе эволюции, исследователи выявляют фундаментальные механизмы, лежащие в основе формирования и функционирования стереотипизации в человеческом обществе.

Такой подход позволяет осмыслить механизмы устойчивости и распространения этнических стереотипов, а также их влияние на социальное поведение и межгрупповые взаимодействия.

Эволюционный анализ этнических стереотипов предполагает:

- экспликацию эволюционных предпосылок их формирования через призму поведенческих паттернов и со-

циальных взаимодействий в архаических человеческих сообществах;

- компаративный анализ стереотипов в различных культурных контекстах с акцентом на их адаптивную значимость;

- исследование влияния эволюционно детерминированных когнитивных искажений на формирование предвзятостей;

- изучение роли стереотипов в конструировании групповых идентичностей и детерминации межгрупповых отношений с позиций эволюционной теории.

Эволюционная перспектива подчёркивает значимость глубокого понимания биологических и психологических механизмов, детерминирующих формирование стереотипов, для разработки эффективных методологий преодоления предвзятости и оптимизации межкультурных взаимодействий.

Методы изучения этнических стереотипов

Методы исследования этнических стереотипов представляют собой комплексный инструментарий, предназначенный для выявления, анализа и интерпретации когнитивных структур, ассоциируемых с различными этническими группами в сознании индивидов. Эти методы позволяют не только фиксировать осознанные, но и исследовать латентные стереотипы, а также оценивать их воздействие на социальное поведение и межличностные взаимодействия.

1. Экспериментальные методы

В контексте исследования этнических стереотипов в западной научной традиции особое внимание уделяется работам американских ученых Д. Каца и К. Брейли. В 1930-х годах XX века они разработали и апробировали методологическую парадигму, известную как методика «Приписывания качеств» (Trait Listing Technique), которая была применена на репрезентативной выборке из 100 студентов Принстонского университета.

Суть данной методики заключалась в том, что участникам предлагалось из 84 предложенных черт выбрать те, которые наиболее характерны для различных этнических групп. После первоначального выбора испытуемых просили вернуться к составленным ими спискам и выделить по 5 качеств, которые они считают наиболее типичными для представителей каждой из этих групп. Впоследствии Д. Кац и К. Брейли провели детальный анализ финальных выборов, сгруппировав наиболее часто упоминаемые качества в обобщенные списки для каждой этнической группы, в результате чего были выявлены 12 наиболее характерных черт для каждого народа.

Результаты проведенного эксперимента продемонстрировали высокую степень консенсуса среди студентов в отношении приписываемых этническим группам черт. На основании полученных данных Д. Кац и К. Брейли предложили следующее определение этнического стереотипа: этнический стереотип является «устойчивым мнением, мало согласующимся с той реальностью, которую оно стремится представить, из-за присущего человеку свойства вначале обозначить явление, а затем уже его наблюдать» [6].

Психологические эксперименты, подобные выше-описанному, играют ключевую роль в изучении механизмов влияния стереотипов на когнитивные процессы, оценку и поведенческие реакции индивидов. Они позволяют глубже понять природу стереотипизации и её последствия для межэтнического взаимодействия и социальной перцепции.

2. Социологические методы: качественные и количественные

Анкетирование как ключевой метод социологического исследования предполагает разработку структурированных инструментов для выявления мнений, представлений и установок респондентов относительно этнических групп. Вопросы, включённые в анкеты, могут быть направлены на оценку характеристик, атрибутов и поведенческих паттернов представителей других этнических сообществ. Признанным авторитетом в этой сфере является Дэвид де Ваус [7], в работах которого предлагаются детальные рекомендации по конструированию вопросов, формированию репрезентативных выборок и анализу полученных данных.

Анализ фокус-групп. Данный метод предполагает организацию дискуссий в группах, состоящих из представителей различных этнических сообществ, что позволяет выявить как общие, так и специфические стереотипы, формирующие общественное мнение и социальные установки. Методологические основы проведения фокус-групп и последующего анализа данных были детально разработаны такими авторитетными исследователями,

как Ричард Крюгер [8], чьи труды внесли значительный вклад в развитие качественных методов социологического исследования. В частности, Р. Крюгер предложил комплексный подход к организации и проведению фокус-групп, включающий тщательную подготовку, структурирование дискуссий и методы анализа полученных данных.

Интервью. Данный метод позволяет получить глубокое и всестороннее понимание когнитивных и аффективных аспектов межэтнического восприятия, выявить скрытые установки и предубеждения, а также проанализировать их влияние на социальное взаимодействие. Проведение индивидуальных или групповых интервью с представителями различных этнических групп необходимо для более глубокого понимания их стереотипов и предрассудков. П. Лазарсфельд – основоположник методологии интервью, разработал методы анализа данных и стандартизации вопросов [9].

Этнографические методы – комплексный подход, включающий разнообразные методы для глубокого понимания культурных особенностей и стереотипных представлений. Они предполагают погружение в культуру и социальную жизнь определённой этнической группы для наблюдения и анализа стереотипов изнутри и позволяют получить целостное представление о культурных особенностях и стереотипах.

Яркий пример использования этнографических методов – творчество таких антропологов и этнографов, как Клиффорд Гирц [10] – автор концепции символическо-интерпретативной антропологии, посвящённой тради-

ционным религиям и культурам Юго-Восточной Азии и Северной Африки, элементам традиции в современном мире, а также Маргарет Мид [11], изучавшей проблему передачи от поколения к поколению культуры как единого системного целого, этнопедагогику и этнопсихологию, пути становления психических и половых поведенческих стереотипов, закономерности формирования национального характера.

В этнографические методы входят не только полевые исследования (этнография) – наблюдение за поведением и общением представителей этнических групп в их естественной среде, анализ фольклора и литературы – изучение мифов, легенд, сказок, песен и других произведений для выявления стереотипных образов, отражённых в художественной форме [12], изучение языка и дискурса [13], но и интервью и опросы [14], этнографический анализ медиаконтента – изучение телевизионных программ, фильмов и других медиа для выявления этнических стереотипов и их влияния на общественное мнение [15]. К этнографическим методам относят сравнительный анализ культурных практик – сопоставление культурных практик, обычаев и традиций этносов для выявления общих и различных стереотипов [16], анализ визуальных материалов – изучение фотографий, картин и других визуальных изображений [17], анализ исторических источников – изучение исторических документов для понимания эволюции этнических стереотипов и их влияния на межэтнические отношения [18].

Контент-анализ. Контент-анализ этнических стереотипов – метод исследования, который позволяет выявить

и оценить распространённые представления и убеждения о представителях различных этнических групп. Для проведения такого анализа можно использовать различные источники информации. Изучение текстов необходимо для выявления частотности упоминания определённых этнических групп и характеристик, которые им приписываются. Это могут быть тексты СМИ (газеты, журналы, новостные сайты); научные публикации (статьи, монографии, диссертации); художественные произведения (книги, фильмы, пьесы); блоги и социальные сети; рекламные материалы; публичные выступления (например, речи политиков или общественных деятелей); фольклорные произведения (сказки, легенды, пословицы и поговорки); образовательные материалы (учебники, учебные пособия) [15].

Основные этапы контент-анализа этнических стереотипов включают: определение цели и задач исследования, выбор источников информации, разработка кодировочной схемы (это могут быть положительные, нейтральные и отрицательные стереотипы, стереотипы о внешности, характере, поведении и так далее), кодирование текстов (чтение текстов и присвоение им кодов в соответствии с разработанной схемой), анализ и интерпретация результатов (определение наиболее распространённых стереотипов, их направленности – положительные, нейтральные, отрицательные), формулирование выводов (описание наиболее распространённых стереотипов, их направленности и влияния на формирование образа этнической группы).

Преимущества метода в том, что он обеспечивает систематизацию и количественную оценку данных о сте-

реотипах, что способствует объективному и надёжному анализу. Применение кодировочной схемы позволяет структурировать информацию и минимизировать субъективные искажения. Несмотря на свои преимущества, метод не лишён ограничений. Во-первых, результаты анализа могут быть субъективными, так как зависят от выбора источников и критериев кодирования. Это может привести к искажению данных и снижению валидности выводов. Во-вторых, разработка чёткой и объективной кодировочной схемы представляет собой сложную задачу, требующую глубоких знаний в области контент-анализа и этнопсихологии. В-третьих, метод требует тщательного отбора и анализа большого объёма текстов, что может быть ресурсоёмким и трудоёмким процессом.

Кросс-культурные сравнения. Кросс-культурные сравнения в исследовании этнических стереотипов включают анализ и сопоставление представлений о различных этнических группах в разных культурах. Дж. П. Мёрдок, один из основоположников этого метода, заложил фундаментальные принципы кросс-культурного подхода [19]. Он считал, что исследования социальных закономерностей должны основываться на репрезентативных выборках, охватывающих ключевые культурные регионы мира. Кроме того, важно создать и систематизировать перечень культурных черт, которые можно использовать для описания и сравнения разных культур. Эти характеристики должны быть чётко определены. Наконец, необходимо установить и визуализировать связи между этими переменными с помощью кросс-культурной табуляции. Это позволяет проводить количественное и каче-

ственное сравнение культурных явлений на глобальном уровне.

При проведении кросс-культурных исследований необходимо учитывать целый комплекс факторов, которые могут существенно влиять на восприятие и интерпретацию образов этнических групп в разных обществах. Во-первых, лингвистические и культурные различия требуют тщательной адаптации методологических инструментов и исследовательских подходов. Язык, как основной носитель культурных смыслов, играет ключевую роль в формировании стереотипов и предрассудков, поэтому его особенности необходимо учитывать при разработке и применении исследовательских методик. Во-вторых, социально-экономический контекст также оказывает значительное влияние на формирование этнических представлений. Уровень экономического развития, социальное неравенство и другие экономические факторы могут существенно влиять на уровень и характер стереотипизации.

Исторические и политические аспекты также играют важную роль в формировании межэтнических стереотипов. Политические отношения между странами, исторические конфликты и колониальные практики могут оставлять глубокий след в восприятии этнических групп, что требует особого внимания при проведении кросс-культурного анализа.

Кроме того, уровень образования и культурные традиции также оказывают существенное влияние на формирование представлений о других этнических группах. Образовательные системы, культурные нормы и ценно-

сти могут как способствовать снижению стереотипов, так и, наоборот, укреплять их, что необходимо учитывать при разработке стратегий межкультурного взаимодействия.

Кросс-культурные сравнения в исследовании этнических стереотипов могут помочь разработать стратегии для снижения предубеждений и улучшения межкультурных отношений.

Изучение когнитивных искажений. Анализ эволюционно детерминированных когнитивных механизмов, влияющих на формирование стереотипов и предвзятости, позволяет глубже понять когнитивные предпосылки стереотипизации. В трудах Даниэля Канемана [20], одного из пионеров поведенческой экономики, были исследованы такие когнитивные искажения, как эффект остаточной зависимости, предвзятость подтверждения и иллюзия контроля. Эти искажения существенно влияют на процессы принятия решений и формирования суждений, искажая восприятие реальности и приводя к систематическим ошибкам.

Продолжающиеся исследования когнитивных искажений в контексте этнических стереотипов демонстрируют междисциплинарный подход к изучению данного феномена. Социальные психологи, кросс-культурные аналитики и специалисты по психологии предвзятости активно исследуют механизмы формирования стереотипов и их социальные последствия. Значительный вклад в развитие этой области внесли такие выдающиеся учёные, как Гордон Оллпорт, Роберт Макайвер и Пьер Ван де Гейнде. Г. Оллпорт [21], один из основоположников изучения предвзятости, заложил фундаментальные ос-

новы понимания механизмов стереотипизации и их влияния на социальное поведение.

Дэвид Бар-Тал [22] представил многофакторную интегративную модель формирования и изменения этнических стереотипов, которая рассматривает стереотипное содержание как комплексное знание, формируемое под воздействием трёх ключевых факторов: фоновых переменных, транслирующих механизмов и опосредующих переменных. Эти факторы определяют как содержание стереотипов, так и их интенсивность (степень уверенности индивида в достоверности стереотипного содержания) и экстенсивность (степень консенсуса среди членов группы относительно содержания стереотипов).

Ирвинг Джанис [23], исследуя групповые решения и влияние стереотипов, разработал концепцию «группового мышления», которая описывает процесс достижения консенсуса в группе через конформизм и подавление критического анализа идей. Групповое мышление характеризуется тенденцией к игнорированию альтернативных точек зрения и подавлению сомнений, что может приводить к принятию неоптимальных решений и усилению стереотипизации.

Мета-анализ. Мета-анализ представляет собой мощный инструмент для выявления общих тенденций и закономерностей в сложных социальных явлениях, таких как формирование этнических стереотипов. Этот метод исследования основывается на систематическом сборе, анализе и интеграции данных из множества ранее проведённых эмпирических исследований, направленных на изучение определённой проблематики. В контексте изу-

чения этнических стереотипов мета-анализ позволяет не только обобщить разрозненные данные, но и выявить ключевые закономерности, влияющие на формирование и функционирование этих социальных феноменов. В данной области он выступает как методологический инструмент, позволяющий интегрировать результаты множества исследований и сформулировать обоснованные выводы о природе и динамике этнических стереотипов, что, в свою очередь, может способствовать разработке эффективных стратегий для их преодоления и минимизации негативных последствий.

Для проведения мета-анализа этнических стереотипов необходимо выполнить ряд последовательных этапов, каждый из которых требует тщательной проработки и методологической обоснованности.

1. *Определение критериев включения исследований в мета-анализ.* На данном этапе осуществляется разработка и валидация критериев отбора релевантных исследований. Это включает в себя, например, идентификацию ключевых слов и фраз для поиска публикаций в научных базах данных, а также установление строгих критериев включения, таких как публикации в рецензируемых журналах и наличие достаточного объёма эмпирических данных для статистического анализа.

2. *Поиск и отбор исследований.* Данный этап включает в себя проведение систематических поисков в специализированных научных базах данных с использованием разработанных критериев отбора. После выявления потенциальных исследований проводится их тщательная оценка на предмет соответствия установленным крите-

риям, что позволяет сформировать репрезентативную выборку для последующего анализа.

3. *Анализ данных.* На этом этапе осуществляется извлечение и систематизация данных из отобранных исследований по заданным категориям и темам. Последующая статистическая обработка данных, включая корреляционный и регрессионный анализ, позволяет выявить общие тенденции и закономерности в формировании и функционировании этнических стереотипов.

4. *Качественный анализ.* Данный этап направлен на детальное изучение содержания этнических стереотипов в различных культурных контекстах. Особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на формирование и поддержание стереотипов, таких как социальные нормы, культурные ценности и исторические события. Также исследуются механизмы, через которые этнические стереотипы укореняются в общественном сознании и влияют на межгрупповые взаимодействия.

5. *Интерпретация результатов.* На заключительном этапе проводится комплексный анализ выявленных тенденций и закономерностей в формировании этнических стереотипов. Обсуждаются результаты с точки зрения их влияния на межгрупповые отношения и социальные процессы. На основе полученных данных разрабатываются рекомендации для дальнейших научных исследований, направленных на более глубокое понимание механизмов функционирования этнических стереотипов и разработку стратегий по их преодолению.

Мета-анализ предоставляет возможность более всестороннего и объективного осмысления процессов фор-

мирования этнических стереотипов по сравнению с единичными исследованиями, благодаря интеграции и синтезу данных из множества независимых источников. Джон Эдвард Хантер и Фрэнк Л. Шмидт [24], выдающиеся исследователи в области методологии мета-анализа, внесли неопределимый вклад в развитие данной методологии, особенно в контексте психологии и смежных дисциплин. Их фундаментальные работы заложили концептуальные и методологические основы для современных подходов к систематизации эмпирических данных, устранению методологических артефактов и оценке обобщающей способности научных исследований.

Качественный анализ нарратива представляет собой методологическую стратегию, направленную на исследование нарративных структур и содержания с целью выявления и интерпретации этнических стереотипов, формирующих индивидуальное и коллективное восприятие. В рамках социологических и антропологических дисциплин разработаны комплексные методы качественного анализа, которые позволяют глубоко проникнуть в сущность нарративов и выявить их роль в воспроизводстве и трансформации стереотипов. Применение этих методов к анализу этнических стереотипов в нарративах позволяет раскрыть механизмы их формирования, функционирования и воздействия на социальные и культурные процессы.

Методы нарративного анализа могут быть полезны в изучении этнических стереотипов следующим образом:

– *Структурный анализ* нарративов позволяет выявить, как этнические стереотипы интегрированы в компози-

ционную структуру текста, включая завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. Этот подход способствует пониманию того, какие нарративные элементы способствуют формированию и поддержанию стереотипов, а также их трансформации в процессе развития сюжета.

– *Семантический анализ* фокусируется на исследовании значений и смыслов, связанных с этническими группами в дискурсе нарратива. Символика, метафоры и аллегории, используемые для репрезентации этнических стереотипов, позволяют глубже проникнуть в их содержание и механизмы воздействия на аудиторию.

– *Контекстуальный анализ* рассматривает нарративы в контексте исторических, культурных и социальных факторов, влияющих на формирование и функционирование этнических стереотипов. Этот подход позволяет выявить, как нарративы отражают или формируют представления об этнических группах в конкретном социокультурном контексте.

– *Дискурсивный анализ* изучает использование этнических стереотипов в языке и риторике нарратива. Исследование языковых конструкций, метафор и образов позволяет определить, каким образом они способствуют укреплению стереотипов или, напротив, их критическому осмыслению и деконструкции.

– *Нарратологический анализ* применяет теоретические концепции нарратологии для изучения способов репрезентации этнических групп в нарративе. Анализ точки зрения рассказчика, нарративных стратегий и структур позволяет понять, как эти элементы влияют на воспри-

ятие и интерпретацию этнических стереотипов аудитории.

– *Тематический анализ* направлен на выявление основных тем и мотивов, связанных с этническими стереотипами в нарративе. Этот подход позволяет определить, какие идеи и концепции наиболее часто используются для конструирования образов этнических групп и как они влияют на формирование стереотипов.

– *Анализ персонажей* исследует характеристики, действия и взаимодействия персонажей, представляющих этнические группы. Этот анализ позволяет понять, как эти персонажи способствуют конструированию и закреплению стереотипов, а также какие функции они выполняют в нарративной структуре.

– *Анализ нарративной перспективы* исследует влияние точки зрения на репрезентацию этнических стереотипов. Нарративы от первого лица могут создавать более интимное и эмоциональное восприятие стереотипов, в то время как нарративы от третьего лица могут быть более объективными или критическими.

– *Сравнительный анализ* сопоставляет несколько нарративов для выявления общих и различных черт в репрезентации этнических стереотипов. Этот подход позволяет понять разнообразие подходов к изображению этнических групп в различных культурных и исторических контекстах, а также их влияние на аудиторию.

– *Культурный анализ* рассматривает нарративы в контексте культурных традиций, ценностей и норм. Этот подход позволяет понять, как нарративы отражают, критикуют или трансформируют культурные представления

об этнических группах, а также их роль в формировании этнической идентичности и межэтнических отношений.

Нарративный анализ представляет собой комплексный и многоаспектный методологический подход к исследованию этнических стереотипов, позволяющий выявить их структурные, семантические, дискурсивные и культурные характеристики. Этот инструментарий является критически важным для глубокого понимания механизмов формирования, функционирования и трансформации этнических стереотипов в различных нарративных контекстах. Применение нарративного анализа способствует более глубокому проникновению в когнитивные и культурные процессы, лежащие в основе стереотипизации, а также в динамику их воспроизводства и изменения в социальной среде.

В сфере нарративного анализа этнических стереотипов активно работают исследователи из различных гуманитарных дисциплин. Среди них выделяется Барбара Миллер, которая проводит глубокий анализ того, как нарративные структуры способствуют формированию и поддержанию этнических стереотипов. Её работы [25] вносят значимый вклад в понимание механизмов нарративного конструирования этнических идентичностей. Стэнли Фиш, исследуя используемые в текстах нарративные стратегии, которые оказывают влияние на восприятие этнических групп, в своих трудах [26] демонстрирует, как литературные нарративы могут формировать социальные и культурные представления о различных этнических сообществах. Лизабет Коэн, специалист по вопросам культуры и идентичности, также занимается

анализом нарративов. В своих исследованиях [27] она показывает, как нарративные формы способствуют конструированию и поддержанию этнических идентичностей. Мэри Луиз Пратт, признанный эксперт в области колониальной и постколониальной литературы, также уделяет значительное внимание нарративным стратегиям и их роли в формировании этнических стереотипов. Её работы [28] предоставляют глубокий анализ того, как колониальные и постколониальные нарративы способствуют воспроизводству и трансформации этнических стереотипов в различных культурных контекстах.

Заклучение

Исследование подходов и методов изучения этнических стереотипов позволяет сделать вывод о том, что этот феномен представляет собой серьёзную проблему, требующую глубокого и всестороннего изучения. Этнические стереотипы формируются под воздействием множества факторов, включая социальные, культурные, исторические и психологические. Это подчёркивает необходимость комплексного подхода к их изучению, включающего междисциплинарные исследования.

Для эффективного изучения этнических стереотипов применяются различные подходы и методы. Каждый из них вносит свой вклад в понимание механизмов формирования стереотипов и разработку стратегий по их преодолению.

Результаты исследований в этой области имеют важное практическое значение. Они могут быть использова-

ны в образовательных программах для формирования толерантности и межкультурного понимания, в социальной работе для поддержки межэтнического взаимодействия, в политике для разработки эффективных стратегий управления межэтническими отношениями и в международных отношениях для снижения уровня конфликтов.

Несмотря на достигнутые успехи, остаётся ещё много нерешённых вопросов. Необходимо более глубокое понимание механизмов передачи стереотипов от поколения к поколению, разработка эффективных методов коррекции негативных стереотипов и создание условий для формирования позитивного межэтнического взаимодействия.

Таким образом, изучение подходов и методов исследования этнических стереотипов является не только научной, но и социально значимой задачей. Оно способствует совершенствованию интеркультурного общества, основанного на взаимопонимании и уважении между различными этническими группами. Это, в свою очередь, способствует укреплению мира и стабильности как на национальном, так и на международном уровне.

Список использованных источников:

1. Allport G.W. The nature of prejudice. N.Y.: Garden city, 1958.
2. Hamilton D. L., Trolie T. K. Stereotypes and stereotyping: An overview of the cognitive approach // Stereotypes and prejudice: Changing conceptions. Springer, 1986. P. 127–163.
3. Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33, No. 6. P. 881–893.

4. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill, 1991.

5. Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. Penguin Books, 2002.

6. D. Katz, K.W. Braly. Racial Stereotypes of One Hundred College Students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol.30. P. 663-679.

7. David de Vaus. Surveys In Social Research. London: Link, 2013.

8. Крюгер, Ричард, Кейси, Мэри Энн. Фокус-группы. Практическое руководство: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2003.

9. Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. 2nd ed. New York: Columbia University Press, 1948.

10. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. О.В. Барсукова, А.А. Борзунов, Г.М. Дашевский, Е.М. Лазарева, В.Г. Николаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

11. Margaret Mead. Coming of Age in Samoa: A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilisation. New York: William Morrow Paperbacks, 2001.

12. Тейлор, Э. Этнография и фольклор. М.: Наука, 2015.

13. Фергюсон, Ч. Язык и общество. М.: Академический проект, 2020.

14. Коэн А. Методы социальных исследований. СПб.: Питер, 2008.

15. МакКуэйл, Д. Медиа и общество. М.: Аспект Пресс, 2018.

16. Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2014.

17. Киттлер Ф. История изображений. М.: Прогресс-Традиция, 2019.

18. Гуревич А. История и память. М.: РГГУ. 2015.

19. Murdock, G. P. Social Structure. New York: The MacMillan Company, 1949.

20. Даниэль Канеман, Пол Словик. Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. Пер. с англ. Харьков.: Изд-во «Гуманитарный Центр», при участии Гритчиной О.В., 2018.

21. Гордон В., Оллпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+; Спб.: Ювента, 1998.

22. Bar-Tal D. Formation and change of ethnic and national stereotypes: an integrative model // International Journal of Intercultural Relations, 1997, № 21 (4). P. 491– 523.

23. Janis I.L. Decision making: a psychological analysis of conflict, choice, and commitment / I.L. Janis, L. Mann. New York: The Free Press, 1977.

24. Hunter, J.E., Schmidt, F.L. Methods for meta-analysis: Correcting error and bias in research findings. Newbury Park, C.A.: Sage, 2004.

25. Barbara Miller. Cultural Anthropology. Prentice Hall, 2009.

26. Fish, Stanley. Is There A Text In This Class? The Authority of Interpretive Communities (1980). Faculty Books. 30 // https://ecollections.law.fiu.edu/faculty_books/30

27. Elizabeth F. Cohen. The Myth of Full Citizenship: A Comparative Study of Semi-Citizenship in Democratic Polities. Dissertation, Yale University. 2003.

28. Mary Louise Pratt. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London: Routledge. 1992.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАНДАСОВ В ЖАМБЫЛСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ¹

Мамедова Парида Иманжановна

Наши соотечественники кандасы – это неотъемлемая часть народа Казахстана, а их возвращение является актом восстановления исторической справедливости. Но для того, чтобы они действительно стали полноправными членами общества, необходимо не только формальное признание, но и реальная помощь, поддержка и, самое главное, человеческое отношение со стороны государства и общества. Как отмечали авторы статьи «Позитивная коммуникация как технология адаптации мигрантов и кандасов в Казахстане: аспекты межкультурной интеграции»: «Концептуальной задачей отечественных журналистов в этой связи становится не просто выработка механизмов снижения негативного контента стереотипов, но и пересмотр всего комплекса отношений общества и власти к процессу миграции и мигрантам» [1].

Жамбылская область имеет потенциал стать примером успешной интеграции кандасов при должном внимании властей к проблемам этих людей. Жамбылская область, как один из южных регионов Казахстана, на

---

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

протяжении многих лет принимает кандасов – казахских этнических репатриантов, возвращающихся на историческую родину из Китая, Узбекистана, Монголии, Ирана, Афганистана и других стран.

Диаграмма 1. Количество населения в Жамбылской области (согласно данным Бюро нац.статистики на декабрь 2024 г)

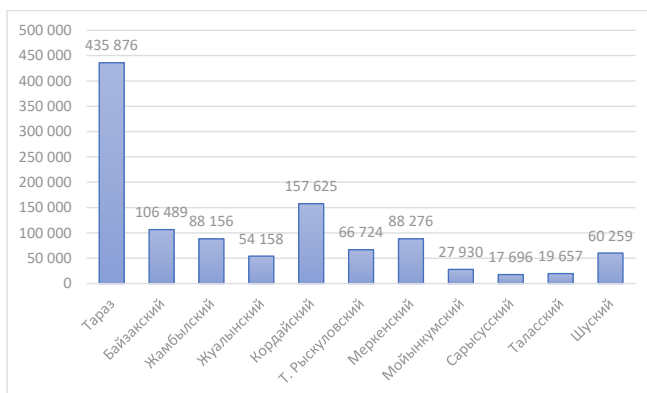
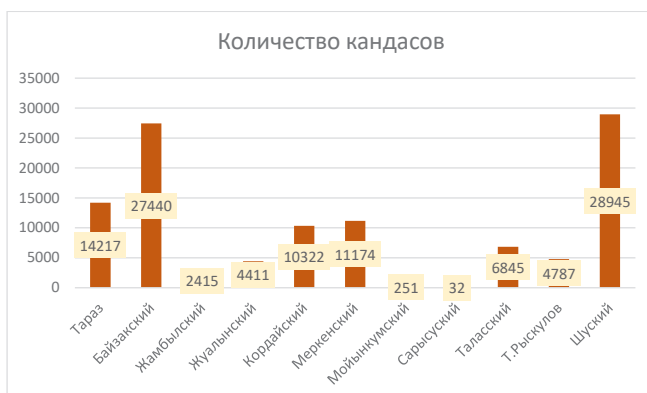

Диаграмма 2. Количество кандасов в Жамбылской области (согласно данным Бюро нац.статистики на декабрь 2024 г)

Несмотря на наличие государственной программы поддержки, интеграция кандасов в общество Жамбылской области сопровождается рядом трудностей как социально-экономического, так и культурного характера, среди которых:

- **Языковой барьер:** Особенно остро это проявляется среди репатриантов из Афганистана и Ирана. Хотя они владеют казахским языком, он часто отличается по диалекту и уровень грамотности может быть у людей, а не у языка. Официальный казахский язык с кириллицей и современным лексиконом требует дополнительного обучения кандасов.

- **Образование и квалификация:** Дипломы, полученные за рубежом, не всегда признаются, что затрудняет трудоустройство кандасов. Некоторым из них приходится переучиваться или осваивать новые профессии с нуля.

- **Жилищный вопрос:** В Жамбылской области существуют очереди на получение жилья. Хотя кандасы имеют право на льготное жильё, процесс может затянуться на годы из-за бюрократических проволочек.

- **Низкая правовая и предпринимательская грамотность:** На конкурсах по получению безвозмездных грантов бизнес-проекты в основном ориентированы на ведение животноводства или швейного дела. При этом среди кандасов очень много мастеров-ремесленников, мастериц-рукодельниц и поваров.

- **Плохая информированность о медицинских услугах и вакцинации:** Многие репатрианты не знают, что прививки бесплатные. После натурализации большое количество не застрахованных в системе ОСМС вы-

ражают свое недовольство и плохо информированы о возможностях оплаты.

Причинами неэффективной реализации программ для кандасов являются недостаточная информированность, так как многие кандасы не знают, как получить те или иные выплаты или документы. Неравномерное распределение помощи сопровождается бюрократизмом, выражающемся в сборе большого количества справок, ожиданиями в очередях, формальными отказами. К тому же в некоторых районах Жамбылской области поддержка со стороны местных властей лучше организована, чем в других. При изучении проблемы выясняется, что ответ лежит на поверхности: недостаточное межведомственное взаимодействие, а также разный уровень подготовки кадров по данной специфике в государственных учреждениях.

В межличностных и межгрупповых коммуникациях в полиэтничной среде кандасы чаще проявляют особенности гражданской идентичности страны прежнего проживания. Так они сами (кандасы из Узбекистана, исключая нукусских) признаются, что, получив образование в узбекских школах и университетах Ташкента, Самарканда и других городов Узбекистана, остаются пропитаны культурой узбекского этноса. Этим объясняется их своеобразный акцент в разговорном языке и привычка проводить досуг с узбекскими танцами и песнями. Узбекистанские кандасы каракалпакской стороны, напротив, в общении с местными казахами подчеркивают значимость сохранения казахской (именно этнической) идентичности и соответственно укрепления заветов предков по сохранению фольклора и культуры своего народа.

Рано из Каракалпакстана: *«Мы переехали сюда, оставив большие красивые дома в Узбекистане, с целью приобщиться к собственной культуре, общаться со «своими», обучать детей в казахской школе, получить поддержку всего казахстанского народа за то, что мы не забыли свои традиции, язык, культуру и быт, а придя сюда видим не очень гостеприимных людей, и что особенно обидно, среди своих же казахов...»*
ФГД от 17.03.2025.

Следует подчеркнуть высокую политическую активность кандасов и выражения ими гражданской позиции в период выборов как в качестве избирателей, так и кандидатов на выборные должности. В составе республиканской общественной комиссии наблюдения «Дауыс», а также в составе МОО «Жастар-зерттеу» более 30 наблюдателей были из числа кандасов. Имея определенный опыт в качестве наблюдателей, с каждым годом наблюдается положительная динамика восприятия кандасами государственных идеологем и общей электоральной культуры. Нами было зафиксировано, что представители кандасов Байзакского района наиболее активны в выражении своих политических взглядов и организационной работе по консолидации избирателей в период выборов акимов сельских округов. Сравнительно низкое доверие к властям можно наблюдать в Жуалынском районе по итогам выборов депутатов Мажилиса и Маслихатов. Нами отмечалось, что узбекистанские кандасы, в сравнении с другими кандасами, выражают свою позицию в более агрессивной риторике, особенно, если избирается и лидирует по итогам предварительных данных представитель другого этноса (эти факты стали известны в 2020-

2022 гг.). В последнее время наблюдается смягчение их отношения к другим этносам.

На данный период более тревожным сигналом является недовольство реализацией социальных программ для многодетных матерей и предоставление инвалидности, а также вопросы медицинского страхования. У большинства кандасов, обращающихся к платформе «Е-отініш», нет четкого представления о функциональных особенностях местных исполнительных органов. Если быть конкретнее, в представлении многих «все решает аким и акимат», и это несмотря на то, что в городе нет отдела здравоохранения, отдел образования лишь опосредованно в соподчинении. Соответственно, получить быстрый и корректный ответ для удовлетворения потребностей населения сразу не удастся. И, как следствие, многие недовольны существующим положением дел. Жалобы на несправедливое принятие решений по предоставлению инвалидности, одна из наиболее часто встречающихся трудноразрешимых проблем. Ее разрешение находится в полномочиях медико-социальной экспертной комиссии, в работу которой МИО не вправе вмешиваться. Кандасы, которые уже получили гражданство, в соответствии с законами Республики Казахстан в дальнейшем пользуются одинаковыми правами с гражданами, и данный предваряющий период особенно трудно воспринимаем ими, так как перестают работать льготы, нет превентивных мер в решении вопросов образования и социальных выплат.

В беседах с женщинами репатриантками выясняется, что в своих семейных проблемах (домашнее насилие,

бытовые вопросы) они остаются наедине с собой, так как связи с родными чаще отсутствуют, они зависимы материально от супруга, плохо владеют русским языком, а выходцы из Ирана и Афганистана плохо владеют казахским языком. Также сказывается их юридическая неграмотность и социальная изолированность. А поскольку социализация детей, их коммуникации в казахстанском социуме традиционно, в первую очередь, зависят от воспитательной роли матери, существует реальная опасность проецирования психологических проблем матерей на дочерей. Не исключаются и процессы отрицательной сублимации, ведущие к невозможности адаптации детей в общий культурный ареал подросткового сообщества.

На данный период необходимо отметить положительную роль психологических служб при центрах «Анаға тағзым» и центра поддержки семьи акимата г. Тараз, где штатные психологи оказывают практическую помощь женщинам, подвергшимся бытовому насилию. Но этого явно недостаточно, так как с данными категориями лиц требуется работа клинических психологов, которых в Жамбылской области очень мало. Также негативные стереотипы по отношению к кандасам не должны уходить из поля зрения, особенно в молодежной среде. Учитывая высокую импульсивность, выраженную агрессивность, свойственную молодежи, опасность драк и потасовок, в том числе с другими этносами не следует игнорировать. Пример: *Конфликт между кандасом и местным торговцем дунганином в Кордае, когда торговец поднял цену покупателю-кандасу. Возникла перепалка. Кандас посчитал это несправедливым и начал ругаться, требуя понизить цену на*

ту, что перед ним была для покупателя-дунганина.

Процессы адаптации затрудняются отсутствием государственных программ по межкультурной коммуникации, а также слабой работой медиа по созданию позитивного образа кандасов. Важную роль в интеграции играют местные инициативы НПО, этнокультурных сообществ и образовательные проекты. В Жамбылской области на сегодняшний день кандасы включены в составы Общественных советов, особенно в сельской местности. Многие из них состоят в советах ветеранов районов и городов. Немаловажную роль в данном процессе сыграло Общественное объединение Жамбылского областного фонда «Отандастар» и регионального филиала «Всемирная ассоциация казахов», возглавляемый Архабеком Толебаевым. С начала года в Жамбылской области 1 198 этнических казахов (703 семей) получили статус кандаса. Также 116 этническим казахам (95 семей) официально продлили статус кандаса. Всего с 1991 года в регион вернулись 198110 этнических казахов (65 705 семей). В центр карьерного роста «Мансап» в качестве соискателей обратилось 100 приезжих соотечественников, из них трудоустроены 82 человека.

За последние 5-6 лет мы видим заметные изменения в представленности кандасов на политических выборных должностях, а также в бизнесе и культуре. Заметны также положительные перемены в коммуникациях с местным населением, особенно с казахскими старожилками. В своих работах ранее, мы нередко отмечали о том, что напряженность во взаимоотношениях проявлялась в основном во внутниэтнических коммуникациях. На примере Жам-

былской области в местах компактного проживания кандасов (Жуалынский, Байзакский и Жамбылский районы) отмечается смягчение во взаимоотношениях со старожилками, что отражается в увеличении количества кандидатов-кандасов на выборных должностях, а также ростом числа браков между местными и приезжими казахами. Отрадно отметить, что снизилась общая тенденция характерная для середины 90-х и начала 2000-х – «непринятие» в студенческой среде. Следует отметить, что данному феномену способствует высокая вовлеченность казахской молодежи из среды кандасов в культурно-массовые мероприятия, связанные с демонстрацией талантов в сфере литературного, поэтического и музыкального творчества.

Магистрант 2-го курса Таразского университета им. М.Х. Дулати: *«Когда я обучалась на бакалавра по специальности культурно-досуговой работы, там было очень много студентов кандасов, и что примечательно, практически все призеры различных конкурсов и фестивалей один другого талантливее. У них диалект немного отличается от нашего, но как они поют, играют на национальных инструментах, словно родились с ними в руках. А один и вовсе стал очень известным шоуменом, так как в актерском мастерстве у него проявились таланты оратора и певца... Поначалу было немного непривычно их видеть у нас и возмущения были по поводу больших льгот при поступлении им, а не нам, но позже все поняли, что правильным было принимать именно на такие специальности наших кандасов».*

Если принимать во внимание особенности предыдущего места проживания кандасов, то можно отметить важный аргумент в пользу знания особенностей их ми-

ровозренческих ориентиров и менталитета. Так, для мигрантов из Узбекистана характерно наличие предпринимательских навыков и в некоторых позициях отсутствие навыков земледелия в климатической зоне Жамбылской области. В данном случае речь идет о мигрантах с территории Каракалпакстана. Для кандасов из Китая характерна ориентированность на сферу культуры, науки и образования. Для прибывших из Афганистана – повышенный религиозный фон, плохое владение родным языком, хорошие ремесленные навыки – ковка по металлу, ковроткачество, строительство. Кандасы из Монголии в большей степени склонны к занятию животноводством, производству мясомолочной продукции.

Консолидация и единство в мнениях кандасов особенно заметны в период выборов и на встречах, сходах старейшин с представителями местных исполнительных органов. Категоричность и крайности этих мнений со временем меняются, особенно при условии выстраивания благоприятных условий для совместной деятельности со стороны местных властей и доброжелательном отношении местных жителей.

Известно, что лучшие результаты социокультурной адаптации репатриантов достигаются при сочетании сохранения этнокультурной идентичности и включения в национальное сообщество, а также формировании позитивного имиджа репатриантов в обществе, снижении уровня стереотипизации. В работах зарубежных исследователей, в том числе такого известного специалиста по вопросам миграции как Дж. Берри, рассматривается проблематика стресса, возникающего при аккульту-

рации мигрантов [2]. Согласно его концепции, процесс ассимиляции занимает 5 этапов: на первом этапе для мигрантов характерна некоторая эйфория и наличие больших надежд, которые на втором этапе сменяются разочарованием. На третьем этапе мигранты в опустошенном состоянии ищут либо создают землячества и стараются решить проблемы с их помощью. При неудачных попытках на данном этапе они могут покинуть страну пребывания и вернуться к прежней работе и прежней стране. На четвертом этапе, при условии пересиливания негатива и постепенного решения своих проблем, начинается смена настроений, возникает положительный настрой к работе и коммуникациям, языковая адаптация. На последнем пятом этапе мигранты адаптируются и начинают чувствовать себя вполне комфортно. Эти этапы проецируются в U-образную шкалу аккультурации.

Кандасы в Казахстане в большинстве случаев, именно так и адаптируются. К примеру, в Жамбылской области, по нашему мнению, на данном этапе адаптации для большинства кандасов характерен 4-й и 5-й этапы, а острый кризис второго и третьего этапов переживают прибывшие сравнительно позже и касается преимущественно кандасов без определенной профессиональной подготовки.

Казахстанское государство активно работает в этом направлении. Принята Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы, направленная на сохранение национальных традиций и укрепление экономических связей с исторической родиной. Она содержит ряд рекомендаций по успешной интегра-

ции кандасов в социум Казахстана. Разработана и реализована региональная Дорожная карта по стимулированию переселения, направленная на создание полюсов экономического роста за пределами основных агломераций (Астана, Алматы, Шымкент), посредством развития приоритетных секторов экономики и видов производств, требующих привлечения дополнительной рабочей силы; формируются кейсы из лучших бизнес-проектов для северных и центральных регионов через соответствующий конкурс бизнес-идей, имеющих максимальный потенциал по созданию рабочих мест [3].

Указанный план имеет первостепенное значение для равномерного демографического распределения населения, в том числе кандасов, так как приоритетные направления деятельности (сельское хозяйство) перенасыщены и программы субсидирования животноводства и растениеводства в регионе Жамбылской области частично приостановлены.

Молодежи также предлагаются системы мобильности и обучение в северных регионах (преимущественно по программе «Серпін»). Тем самым, с привлечением кандасов государство стимулирует одну из важнейших составляющих социально-экономического развития – равномерное развитие регионов Казахстана. В данном направлении важно межведомственное взаимодействие по реализации всех проектов, содействующих их интеграции в общеказахстанское пространство. Стержневым регулятором формирования гражданской идентичности и, в том числе, преодоления этнических и межэтнических стереотипов, была и остается Ассамблея народа

Казахстана, которая в своих ежегодных проектах и повседневной работе должна усиливать направление взаимодействия и сотрудничества с кандасами, усиливать реализацию государственной этнополитики, что в свою очередь создает долговременный эффект планомерной интеграции кандасов в казахстанский социум. Эффективность адаптации во многом зависит от баланса между сохранением собственной культурной идентичности и открытостью к ценностям принимающего общества. При активной работе государства, гражданских институтов, общества и самих репатриантов возможно создание среды, где кандасы будут восприниматься не как «чужие», а как равноправные граждане Казахстана, обогащающие его культурное и социальное многообразие.

В связи с участившимися случаями буллинга в школах, правонарушений среди несовершеннолетних в Жамбылской области есть необходимость проведения комплексных социологических исследований для выявления степени присутствия в конфликтах молодежи кандасов в целях дальнейшего оказания психологической помощи адресным группам. По-прежнему, есть необходимость усиления работы по вопросам семейно-бытового насилия и гендерного равенства, а также разъяснения конфессиональной политики государства среди прибывающих из Узбекистана и Афганистана. Афганские кандасы сохранили традиционные исламские обычаи, зачастую намного более строгие, чем у местных казахов, что приводит к культурным недопониманиям: например, в вопросах гендерных ролей, одежды или участия женщин в общественной жизни. Жамбылская область с центром в Таразе,

издревле расположенная на Шелковом пути, имеет глубокие традиции торговли и транспортных коммуникаций. Здесь важно на постоянной основе изучать компонент взаимодействия кандасов с местным населением и приезжими из Кыргызстана предпринимателями, так как есть риски конфликтов на ключевых участках торговли (рынки «Ауыл береке», «Бек», «Орталық базар» и др). При коллективных коммуникациях в силу недостаточного образования у торговцев, в момент скандалов могут затрагиваться болезненные вопросы, касающиеся причин приезда, возникать агрессия и брань с применением слов недопустимого характера, задевающая этническое и религиозное самосознание приезжих, что может приводить к отрицательным последствиям и конфликтам. В целях недопущения возможных конфликтов необходимо усиливать профилактическую работу, в том числе с разъяснением Законов Республики Казахстан со стороны правоохранительных органов, прокуратуры и управления внутренней политики акимата Жамбылской области с применением ресурсов неправительственных организаций.

Нами в ходе исследования были разработаны научно-практические рекомендации по совершенствованию интеграции и взаимодействию кандасов с местным населением:

- Увеличение количества образовательных программ, способствующих социализации молодежи и развитию лидерских качеств в казахстанском обществе;

- Создание мультязычных интеграционных курсов для обеих сторон: кандасам для адаптации к культурной и социальной жизни Казахстана, всем местным старожилам для информирования о культуре и быте кандасов;

- Информационные кампании в СМИ и социальных сетях, направленные на разрушение стереотипов;
- Поддержка народных ремесел и традиций, которыми владеют кандасы, как способ культурного обмена;
- Поддержка малого бизнеса, открываемого кандасами, через гранты, обучение и консультирование;
- Программы наставничества, где местные предприниматели помогают кандасам освоиться в реалиях экономической системы страны;
- Усиление работы социальных работников, психологов и медиаторов для разрешения возможных конфликтов или недопонимания, а также борьбы с семейно-бытовым насилием;
- Интеграционные студенческие организации и клубы по интересам;
- Увеличение тем проектов государственного социального заказа по укреплению патриотизма и гражданской идентичности у кандасов;
- Поддержка активного участия в выборах, общественных советах, «Жастар ұйымы» и других платформах.

Кандасы – это не просто репатрианты. Это люди, которые, несмотря на расстояния и границы, сохранили любовь к своей исторической Родине и вернулись в Казахстан, чтобы внести свой вклад в его развитие. Они принесли с собой бесценное богатство: чистоту казахского языка, древние традиции, семейные ценности, трудолюбие и силу духа. Молодое поколение кандасов становится частью будущего страны: учатся в школах и университетах, строят бизнес, создают и работают над новыми проектами. Сегодня кандасы – это пример того,

как можно преодолевать трудности и адаптироваться. Их успешная интеграция совместными усилиями должна стать примером укрепления национального единства и культурного многообразия Казахстана.

Список использованных источников:

1. Дудинова Е.И., Негизбаева М.О., Турлаш Г.Т. Позитивная коммуникация как технология адаптации мигрантов и кандас в Казахстане: аспекты межкультурной интеграции // *Вестник КазНУ им. Аль-Фараби*, Журналистская серия. – №3 (065), 2022.

2. Berry, J.W. (1997). Immigration, Acculturation, and Adaptation. In J. W. Berry, M. H. Segall, & C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-Cultural Psychology: Social Behavior and Applications* (Vol. 3, pp. 291-326). Allyn & Bacon.

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023-2027 гг.».

АКТ О НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ ОТ 26 МАЯ 1918 ГОДА И НОВАЯ ГРУЗИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Малхаз Мацаберидзе

Этапы формирования новой грузинской идентичности

Новая грузинская национальная идентичность, выраженная в Акте о независимости от 26 мая 1918 года, стала результатом длительного процесса, который начался в середине XIX века и воплотился в национально-освободительном движении, направленном против правления Российской империи.

В этом процессе можно выделить несколько основных этапов: 1. Фаза культурного национализма (середина XIX в. – начало XX в.), 2. Фаза политического и социального национализма (начало XX в.), 3. Начало интеграции гражданской и демократической идентичности (1917–1918 годы).

После того как Российская империя упразднила грузинские царства-княжества (1801–1857 гг.), подавила восстания (1802, 1804, 1812, 1819-1820) и провалился заговор 1832 года, грузинская элита сместила акценты с требования политической независимости на сохранение и развитие культурной и этнической самобытности.

С 60-х годов XIX века новая интеллигенция («тергдалеулни») под руководством Ильи Чавчавадзе начала

движение национального возрождения, главной целью которого стало формирование *новой грузинской национальной идентичности*. Основными характеристиками новой идентичности стали: а) грузинский язык (стандартизация письменного языка); б) культура и история (восстановление знаний о прошлом); в) православие (хотя автокефалия Грузинской церкви была упразднена).

Для защиты и распространения этих идей были созданы ключевые национальные институты: 1) Общество по распространению грамотности среди грузин; 2) Грузинский театр; 3) Грузинский дворянский банк.

Эта фаза развития идентичности сформировала в национальном самосознании идею, что грузинская нация является непрерывной исторической и культурной единицей, имеющей право на восстановление государственности.

В начале XX века в национальном движении происходит переход от культурных целей к политическим, чему способствовали революции в Российской империи (1905, 1917). Сформировались политические партии, среди которых ведущей силой стала социал-демократическая партия (меньшевики). Изначально они требовали автономии в рамках России, но после 1917 года изменили позицию и стали продвигать идею независимости.

После Февральской революции 1917 года в России в марте 1917 года была восстановлена автокефалия Грузинской православной церкви. Это был важный символический шаг на пути к восстановлению национального суверенитета.

Основание Грузинского университета 26 января (8 февраля) 1918 года стало символом защиты националь-

ной самобытности, образования и науки, что также закрепило реализацию идей национальной интеллигенции.

После российской революции 1917 г. грузинская политическая элита, в которой ведущая роль принадлежала грузинским социал-демократам, попыталась, наряду с этнической идентичностью, сформировать новую, гражданскую и демократическую идентичность, которая выразилась в Акте о независимости от 26 мая 1918 года и стала визитной карточкой Первой Грузинской Республики.

Акт о независимости как выражение новой грузинской национальной идентичности

Акт о независимости от 26 мая 1918 года следует рассматривать как важное и переломное выражение новой грузинской национальной идентичности. Он укрепил грузинскую идентичность, четко определив ее политический, юридический и символический статус. Этот документ и созданное им государственное устройство формировали новые идеи в национальном самосознании Грузии.

Акт о независимости превратил грузинскую нацию из бывшей части Российской империи в полноправное, суверенное государство. Первая же статья Акта гласит: «Отныне народ Грузии является носителем суверенных прав, и Грузия является полноправным независимым государством» [1]. Это было главным политическим укреплением грузинской идентичности. Грузины, провозгласив юридическую и государственную легитимацию

перестали быть подданными империи и стали хозяевами своей судьбы.

В то же время Акт о независимости подчеркивал историческую непрерывность. Акт начинался с указания, что «в течение многих веков Грузия существовала как независимое и свободное государство» [1]. Этим подчеркивалось восстановление исторической государственности, упраздненной Российской империей. Вводная часть Акта укрепляла мысль, что независимость была не новым, спонтанным событием, а восстановлением исторической справедливости после аннексии 1801 года.

Акт прочно связал грузинскую идентичность с европейскими ценностями, что отличало ее как от российского царизма, так и от большевистского тоталитаризма. Согласно статье 2 Акта о независимости 1918 года, политической формой государственного устройства Грузии определялась демократическая республика. Это означало, что грузинская национальная идентичность должна была основываться на европейских ценностях – принципах свободы, выборов и верховенства закона.

Особое значение имели пункты 5 и 6 Акта: Статья 5 Акта обеспечивала равноправие, гражданские и политические права всем гражданам независимо от национальности, вероисповедания, социального положения и пола. Согласно этому принципу, грузинская идентичность расширялась и включала всех граждан Грузии, что означало переход от этнического национализма к гражданскому национализму.

Он открывал свободную арену для развития всем нациям (национальным меньшинствам), проживающим на ее

территории. Эти принципы были направлены на формирование национальной идентичности, основанной не только на этнических грузинских принципах, но и на мультиэтнических, гражданских принципах. Акт открыто заявлял, что новое государство будет многонациональным, обеспечив права всех этнических групп, и признавал, что грузинское государство является собственностью всех граждан.

Акт о независимости четко обозначил внешний вектор Грузии: выбор демократической республики и декларированные принципы были явным шагом в сторону европейского культурного и политического пространства, продолжавшим и развивавшим идеи национально-освободительного движения «тергдалеулни» XIX века.

Акт о независимости – начало нового грузинского государства

Акт от 26 мая 1918 года отразил непрерывное историческое наследие, этнокультурную самобытность и европейские демократические принципы, провозгласив грузинскую нацию не только этническим, но и гражданским и демократическим объединением. Акт стал главным символом национального единства и будущей цели.

Провозглашение независимости было результатом широкого консенсуса между различными политическими силами и социальными слоями. Акт о независимости сплотил грузинское общество вокруг единой общей идеи – независимого государства.

Важно отметить, что правящая партия социал-демократов (меньшевиков) вынесла на повестку дня идеи ре-

спубликанизма, демократии, всеобщего равенства, социальной справедливости и избирательных прав женщин. Это было следствием влияния идей европейской социал-демократии.

Акт 1918 года заложил основу новой, демократической и гражданской модели грузинской национальной идентичности, основанной как на исторических корнях, так и на современных для того времени европейских ценностях.

Акт также определил институциональные основы вновь созданного государства: управление страной осуществлялось Национальным советом и Временным правительством (статья 7). Таким образом, идентичность получила конкретные государственные институты, которых ранее не существовало в рамках Российской империи.

Таким образом, Акт от 26 мая 1918 года не только восстановил грузинскую идентичность, но и укрепил ее модернизированными, демократическими и гражданскими принципами, что стало основой строительства Первой Республики в течение последующих трех лет.

Акт о независимости Грузии был важнейшим руководящим документом для Конституционных комиссий, созданных Национальным Советом, а затем и Учредительным Собранием. Их задачей было не только создание демократической конституции, но и обоснование справедливости и необходимости утверждения независимости Грузии, ее государственного суверенитета. Это было необходимо для достижения признания независимости Грузии на международной арене, но обоснование значения грузинской независимости требовалось и внутри страны.

Ориентация на государственную независимость Грузии требовала от правящей социал-демократической партии пересмотра прежних взглядов по ряду вопросов и объяснения-обоснования новой позиции: насколько попытка утверждения независимости Грузии соответствует тенденциям мирового развития, как согласуются, с одной стороны, борьба за независимость Грузии, а с другой – партийное стремление к демократии и социализму? В целом, необходимо было разработать концепцию независимости Грузии.

Следовало преодолеть империалистическую идеологию, которую насаждали многие политические деятели, ученые и публицисты того времени, и которая прочно укоренилась как в буржуазных, так и в социалистических кругах, а также в широких слоях общества. Согласно этой теории, текущие интеграционные процессы в мире, достигнутый человечеством уровень экономического и социально-политического развития обуславливали отмирание национальных государств. Следовательно, практическая реализация права на самоопределение наций объявлялась невозможной. Именно эту точку зрения должны были отвергнуть грузинские политики, поскольку, если бы текущий этап мирового развития подрывал существование национального государства, то утверждение государственной независимости Грузии стало бы делом невозможным и обреченным на провал.

Не случайно председатель Конституционной комиссии Павле Сакварелидзе, характеризуя проект Конституции, специально затронул теорию отмирания национального государства и обосновал ее безосновательность,

опираясь на труды Карла Каутского, признанного идеолога европейской социал-демократии.

Павле Сакварелидзе отмечал, что на кризисном этапе развития человечества, во время Первой мировой войны и революций, стала очевидна не тенденция отмирания национальных государств, а совершенно противоположная – «распада и преобразования уже давно существующих многонациональных, сложных государств по принципу национальной государственности» [2]. В частности, распались многонациональные империи России и Австро-Венгрии, и вместо них сформировались национальные государства. Стало ясно, что национальное государство является самой прочной и устойчивой формой существования и развития государства.

П. Сахварелидзе подробно останавливается на значении национального государства. Само существование государства представляет собой национальную ценность и является носителем определенных нравственно-социальных целей. Национальное государство – наилучшее средство для возрождения материальных сил нации, для раскрытия ее духовной энергии. «Государственный панцирь» представляет собой «величайшее и мощнейшее оружие» в борьбе за существование нации, он играет важнейшую роль в деле защиты «коллективной личности нации». Исходя из этого, под диктовку инстинкта самозащиты «каждая здоровая безгосударственная нация стремится к созданию собственного государства. Это ее бессмертная жажда, а если нация уже имеет государство, она не жалеет ничего для его защиты и сохранения» [3].

По мнению авторов Конституции 1921 года, с утверждением государственной независимости была тесно связана и перспектива установления демократического строя. Национальное государство и демократия были для них неотделимы друг от друга. Развитие демократии означает «свободу наций и освобождение путем национальной государственности». Только в условиях национального государства демократические силы могут получить «полное развитие, беспрепятственное продвижение вперед по всем направлениям к идеалам справедливости. Демократия в национальном государстве находит себя и свою мощь» [2].

По мнению основоположников Конституции 1921 года, восстановление независимости Грузии имело «три вида обоснования»:

1. *Историко-правовое.* На протяжении веков Грузия была независимым государством. После завоевания Грузии Россией право Грузии на независимое существование «не умерло, не было упразднено», то есть провозглашение независимости Грузии было оправдано «с точки зрения международного права».

2. *Культурно-политическое.* Даже если бы Грузия не имела традиции государственного существования, она могла бы требовать независимости на основе достигнутого уровня национального, политического и культурного развития. «Нация, которая развита; экономически, культурно, политически созрела и требует независимости, должна быть признана правомочным искателем государственности», – отмечал П. Сахварелидзе.

3. *Демократически-революционное.* Независимость Грузии должна быть признана и в силу права на само-

определение. «Лозунг самоопределения наций диктует всем признать право Грузии, которое упрочилось, укрепилось, усилилось и реализовалось в Акте о независимости» [4, с. 53].

Вышеупомянутые аргументы для обоснования независимости Грузии по-разному оценивались различными политическими силами. Если социал-демократы в первую очередь ссылались на революционное право на самоопределение наций, то национал-демократы, с тактической точки зрения, считали это ошибочным, поскольку признание независимости должно было быть получено от стран, которые могли бы потерять многие свои владения в силу того же принципа. Поэтому, по их мнению, акцент должен был быть перенесен на историко-правовое право восстановления независимости.

Было также очевидно, что в деле защиты независимости Грузия в первую очередь должна была надеяться на себя, свои собственные усилия и национальную энергию. Именно на это указывал Павле Сакварелидзе в одном из своих писем: «Мы должны опираться на крепость и организацию наших внутренних государственных сил, сами познать и осознать себя и увековечить во всем нашем коллективном существе... независимость и свободу Грузии» [5].

Советская колонизация и грузинская идентичность

Советская колонизация (1921–1991) оказала двойное и противоречивое воздействие на формирование грузинской национальной идентичности: с одной стороны, со-

ветский режим пытался подавить и трансформировать идентичность; с другой стороны, его репрессивная политика привела к укреплению и радикализации национального самосознания.

Советский режим стремился к полному уничтожению демократической, независимой грузинской идентичности и замене ее советской идентичностью. Это происходило по нескольким направлениям.

Активно проводилась фальсификация истории 1918-1921 годов: после большевистской аннексии Акт о независимости 1918 года и Первая Республика были объявлены «меньшевистской диктатурой» и ошибкой «врагов народа». Праздник 26 мая был заменен 25 февраля (днем советизации Тбилиси) как днем «освобождения», что способствовало стиранию национальной памяти.

Проводились репрессии против национальных лидеров: физически уничтожались или высылались политические лидеры, священнослужители, офицеры и интеллигенция, боровшиеся за независимость. Активно пытались подавить религию: православная церковь (автокефалия которой была восстановлена в 1917 году) стала объектом гонений, что ослабляло религиозный фактор в идентичности.

В советский период происходило искажение гражданской идентичности: демократические идеи Акта 1918 года (плюрализм, права человека) были заменены идеологией классовой борьбы, диктатуры пролетариата и пролетарского интернационализма.

Несмотря на сопротивление режима, грузинская идентичность смогла выжить и в некоторых аспектах

даже укрепиться. Сохранилась этнокультурная идентичность: поскольку развитие гражданско-политического национализма было невозможным, грузинская идентичность в основном опиралась на этнокультурные факторы: а) Грузинский язык, который оставался определяющим фактором, и борьба за его статус (особенно в 1978 году), стала символом национального сопротивления; б) Культурное наследие и история: в советский период грузинская литература, кино, искусство и фольклор стали средством сохранения национального духа и идеи независимости. Это укрепило в грузинской идентичности значимость европейского выбора как единственного пути избавления от советского влияния.

В конечном итоге, в эпоху советской колонизации грузинская идентичность сохранила свое этнокультурное ядро и цель государственности, свободной от советского режима. При восстановлении независимости в 1991 году новое национальное движение провозгласило именно Акт от 26 мая 1918 года и демократические идеалы Первой Республики легитимным наследием, что означало окончательное освобождение от идентичности советской эпохи.

*Референдум 31 марта 1991 года и Акт
о восстановлении независимости 9 апреля 1991 года*

Референдум 31 марта 1991 года и Акт о восстановлении государственной независимости 9 апреля 1991 года стали решающими, событиями для укрепления грузинской идентичности. Для возрождения и переопределе-

ния новой грузинской национальной идентичности было крайне важно подчеркнуть, что Грузия не создавала новое государство, а восстанавливала суверенитет, аннексированный Советской Россией в 1921 году.

Связь с Актом 1918 года: Вопрос референдума и Акт от 9 апреля прямо основывались на Акте о независимости от 26 мая 1918 года. Этим грузинская идентичность официально разорвала связь с 70-летним советским периодом и подтвердила, что советское правление было незаконным. Это была главная победа национальной памяти.

Восстановление независимости на основе референдума (всеобщего волеизъявления), а не только политического акта, обеспечивало высокую легитимацию вновь восстановленной государственности на международной арене.

Референдум придал грузинской идентичности огромное чувство коллективного самоутверждения. Референдум зафиксировал единодушную волю: в референдуме приняло участие более 90% избирателей, из которых 98,9% поддержали восстановление независимости. Эти цифры создали основу возрождения национальной идентичности, основанной на всеобщем и совместном стремлении к свободе и независимости.

В референдуме приняло участие все население Грузии, включая этнические меньшинства (хотя в некоторых частях Абхазии и Самачабло участие было проблематичным или бойкотировалось). Это укрепило идею гражданской грузинской идентичности, где идея независимости объединяла всех граждан Грузии независимо от этнической принадлежности.

Принятие Акта о восстановлении независимости 9 апреля 1991 г. придало грузинской идентичности символическое измерение самоотверженности и победы. Происходило укрепление национальной памяти: Акт был принят ровно через два года после трагедии 9 апреля 1989 года. Это превратило жертв трагедии в героев борьбы за национальную независимость, а Акт о независимости стал исполнением воли погибших.

Дата 9 апреля в грузинской идентичности завершила борьбу с советским режимом. Это было публичное заявление о том, что репрессии 9 апреля 1989 года не смогли уничтожить грузинский национальный дух.

В результате этих двух событий грузинская идентичность, которая в течение 70 лет была ограничена культурными и этническими факторами, окончательно восстановилась как политическая и суверенная государственная идентичность, что заложило основу для строительства независимого, европейского государства.

Список использованных источников:

1. Акт о независимости Грузии от 26 мая 1918 года - https://www.rrc.ge/law/aqt_1918_05_26_r.htm?lawid=18&lng_3=ru
2. «Сакартвелос республика», 3.04.1920. (на груз. яз.).
3. «Сакартвелос республика», 26.03.1920. (на груз. яз.).
4. Мацаберидзе Малхаз. Конституция Грузии 1921 года: разработка, принятие, концепция государственного устройства. Тбилиси, 2018. (на груз. яз.).
5. «Сакартвелос республика», 24.01.1920. (на груз. яз.).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ И СУБЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВ ЮГА КАЗАХСТАНА¹

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич

Считается, что термин «социальный стереотип» впервые был введен в публицистический оборот и в науку как социологический термин американским писателем, общественным деятелем и политическим философом У. Липпманом. Он также широко известен как автор концепции «общественного мнения», широко применяющейся сегодня как в журналистике, так и в социологии, политологии и других смежных науках. В своей одноименной работе он дал определение стереотипов.

Стереотипы – это образы явлений, детерминированные и сформированные культурой «картинки мира» в человеческом сознании. Это своего рода протоубеждения, которыми мыслит человек и вооружившись которыми, приступает к анализу неизменных и изменяющихся идей о вещах и событиях. Эти предубеждения по Липпману маркируются человеком на объекты как необычные, так и знакомые, где знакомое представляется как нечто близкое, а незнакомое как чужое. Это экономит его усилия при восприятии сложных социальных объектов, позволяя ориентироваться в потоках информации, защищает

---

¹ Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант ИРН АР23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024-2026 гг.).

его ценности и представления, сохраняя его самооценку [1].

Этнические стереотипы являются наиболее распространенной формой социальных стереотипов, подразделяясь на автостереотипы (т.е. восприятие «своей» этнической группы) и гетеростереотипы (восприятие «чужой» этнической группы). Стереотипам в целом и этническим стереотипам, в частности, присущ целый ряд характерных или частично приписываемых им свойств. Как демонстрируют многолетние исследования общепринятым считается, что этнические стереотипы активно поддерживаются в массовом сознании и с большим трудом претерпевают изменения, не говоря уже об очень редких кардинальных трансформациях.

Наиболее ярким и существенным свойством этностереотипов является их эмоционально-оценочный характер как способность передавать аффективные реакции, настроения, предпочтения и оценки [2, с. 109]. Согласно Липпману и мнению большинства исследователей середины 20 века, акцент в изучении стереотипов как предмета делался именно на их эмоциональных аспектах, которые считались превалирующими. С 50-х гг. прошлого столетия акцент исследований и самих характерных оценок стереотипов был перенесен в когнитивную сферу, приведя очень многих ученых к отрицанию эмоционально-оценочной окраски стереотипов, а негативные стереотипы стали даже рассматривать как когнитивный компонент предубеждения (негативной социальной установки). Однако на сегодняшний день представляется неправомерным выделение стереотипа почти исклю-

чительно в когнитивную сферу, отрицание его эмоционально-оценочной окраски [3, с. 127].

Другое неотъемлемое свойство стереотипов – это их устойчивость, которая тем не менее, может носить относительный характер. Ученым, изучающим стереотипы хорошо известно одно из первых лонгитюдных социологических исследований этнических стереотипов у трех поколений студентов Принстонского университета США в 1933, 1950 и 1969 гг., начатых Katz & Braly (1933) [4]. Исследователи тех лет выявили, что устойчивость стереотипов является относительной величиной. В случаях заметной трансформации межгрупповых отношений под влиянием резких изменений параметров их взаимодействия или в экстремальных случаях, таких как, например, вторая мировая война, содержание и направленность стереотипов изменяются значительно быстрее и глубже. У студентов Принстона до начала второй мировой войны в 1933 году были стереотипы более нейтрального содержания в отношении японцев и немцев. Эти же стереотипы во время исследований 1950 года показали значительные изменения в негативную сторону в отношении этих же этносов, представлявших вражескую сторону во время недавней войны. Исследование Gilbert (1951), повторяющее методiku и методологию исследований Каца и Брэили показало, что студенты послевоенных поколений были уже менее склонны, чем предыдущие поколения, к формированию этнических стереотипов и основывали свои обобщения скорее на культурных и исторических реалиях, чем на вымышленных предубеждениях [5]. Выяснилось, что прогрессирующая глобализация, активность

телевизионных СМИ и свобода журналистики, увеличение прямых международных контактов и рост качества образования, все быстрее и заметнее влияют на механизмы формирования и изменения стереотипов.

Karlins et al. (1969), изучавшие этностереотипы, еще через 20 лет после результатов, полученных Gilbert [5], попытались воспроизвести вышеназванное лонгитюдное исследование принстонских социологов середины прошлого века и сравнить полученные результаты в динамике [6]. Карлинс и соавторы пришли к выводу, что стереотипы видоизменяются по своему содержанию и консенсусным характеристикам, отражавшим единообразие мнений относительно тех или иных параметров исследований различных этнических групп. Но в целом было подтверждено, что стереотипы как форма познания «своих» и «других» никуда не исчезают, приобретая различные групповые консенсусы и более дифференцированные и завуалированные формы.

Так, например, S. Madon et al. (2001) в трех исследованиях уже в 2000 году оценивали изменения в содержании, консенсусе и благоприятности 10 этнических и национальных стереотипов, воспроизводя и расширяя Принстонскую трилогию [7]. Результаты показали, что за последние 70 лет почти все изученные этнические и национальные стереотипы изменились по содержанию, и более половины изменились в консенсусе, т.е. в единстве мнений опрашиваемых относительно содержания тех или иных стереотипов. Большинство изменений в консенсусе отражали снижение единства в оценках групп и некоторый их рост, а не снижение, возможно за счет того,

что они стали более скрытыми и сложноразличимыми. Единообразие стереотипов продолжило положительно коррелировать с благоприятностью приписываемых им черт, что впервые отметили Karlins et al. (1969).

С. Мэйдон отмечает далее, что разрушительное воздействие современных консенсусных стереотипов смягчается тем, что большинство стереотипов стали более разнообразными и менее негативными. Таким образом, авторы, пытающиеся провести сравнительный анализ давних и нынешних результатов, полученных по знаменитой принстонской методике, приходят к выводам, что современные исследования стереотипов все более движутся в нескольких основных направлениях: 1) с точки зрения изменения социальных ролей; 2) частоты межгрупповых контактов и точности выявляемых и характеризующих стереотипов; 3) связи между современными и традиционными стереотипами; 4) связи стереотипизации с предрассудками и этноцентризмом [7].

Интересный ответ, коррелирующий с одним из выводов «принстонских» исследователей, касавшихся эволюции стереотипов и возможностей их изменения под воздействием социальных изменений и увеличения / уменьшения межгрупповых контактов получили и мы, в ходе фокус-группового опроса в г. Сары-Агаш Туркестанской области, в рамках нашего проекта по мониторинговому исследованию межэтнических отношений и этнических стереотипов:

Казашка, 35 лет, самозанятая, кандас из Кыргызстана, г. Сары-Агаш Туркестанской области:

Я с детства не любила немцев. Когда мы учились в кыргызской школе, нам говорили и внушали, что немцы во время Великой отечественной войны – это были фашисты и так далее. А когда мы переехали в Казахстан, у нас была соседка немка, сейчас ее уже нет в живых. Она нас так хорошо встретила. Когда нам было тяжело, она кормила нас, приносила нам еду, приглашала нас к себе домой. Как говорится: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!». Эта бабушка стала мне как родная. После этого я начала уважать немцев, поменяла свое отношение к ним.

На данном примере мы можем видеть, что стереотипное мнение простого человека без высшего образования о другой этнической группе, заложенное в школьные годы, изменилось в результате прямого контакта с представителем «воображаемой» группы. На самом деле, в данном случае можно говорить об изменении стереотипа на единичном примере, который мы не можем считать консенсусным и распространить на всю субэтническую группу кандасов или местных казахов южного региона страны. Но этот красноречивый пример может служить показателем возможностей трансформации механизмов формирования, функционирования и изменения стереотипов.

В случае с массовым, групповым сознанием, такого рода изменения носящие коллективный характер могут происходить под воздействием целого комплекса факторов (идеология, образование, социальное окружение и личные контакты и др.) и скорее всего в течение длительного времени, не считая вышеупомянутого примера

глобального характера, такого как мировая война. Можно предположить, что в процессе создания или изменения вымышленного или близкого к реальности образа «другого», с которым субъект не сталкивался в обычной жизни, многое на самом деле, зависит от паттернов, авто- и гетеростереотипных образов, создаваемых семьей, социальной средой и системой образования, вдохновляемых и подпитываемых местными политиками и этническими антрепренерами, социальными сетями и информационным сопровождением официальных СМИ. При определенном стечении политических и экономических обстоятельств и возникновении первоочередных идеологических задач, стоящих перед государством, вся мощь государственной информационно-идеологической машины может быть направлена на создание или изменение существующих паттернов и нарративов, которые смогут трансформировать за достаточно «небольшое время»¹ стереотипический образ «друга-врага», «своего-чужого» и т.д.

В случае исследования этнических стереотипов и аспектов методологии их изучения нам приходится обращать особое внимание на специфику, присущую предмету и исследовательским подходам данной предметной

---

¹ В данном случае «небольшим временем» может быть временной лаг в 5-10 лет, одно-два поколения и более, поскольку все зависит от масштабов, в которых осуществляется трансформация направленная на изменение стереотипа (ов) и широты охвата научно-исследовательского причинно-следственного анализа. Также, в данном случае не имеют в виду «самопроизвольные», стремительные изменения сложившихся стереотипов под воздействием военных конфликтов, катаклизмов природного характера и т.д. Значимым для исследований может стать вопрос, который ставится в контексте конструктивистского подхода, а именно, о целенаправленности, пределах и инструментах применения политических технологий, направленных на такого рода трансформацию.

области. В первую очередь – это устойчивость стереотипов, их влияние на мнение и поведение людей и их связь с историко-культурным контекстом – историческими нарративами и социально-культурными реалиями, в которых сформировался стереотип. Вообще же этнические стереотипы, как сумма автостереотипов и гетеростереотипов, исторического нарративного дискурса и дискурса формирования этнической и национальной идентичности тесно взаимопереплетены и не могут быть понятны изолированно друг от друга.

Попробуем начать анализ стереотипов в казахстанском дискурсе с наглядного примера, напрямую касающегося нашего собственного обобщенного образа (гетеростереотипа) во внешнем мире как наследников кочевой цивилизации. Следует понимать и признавать, что существует давно «сложившееся на Западе стереотипное представление о кочевниках как о варварах – людях низкой культуры, жестоких, вероломных и деспотичных. Думается, нет нужды в пересказах европоцентристских концепций, охвативших не только западноевропейскую науку, но и российско-советскую» [8, с. 61].

О сохранении во взглядах наших современников этого варварского стереотипа свидетельствует российский ученый-этнограф К. Куксин, занимающийся изучением кочевых обществ прошлого и настоящего: «Современные люди крайне мало знают о кочевниках и, к сожалению, если знают, то информацию негативную, то есть что кочевники – это дикари, и не просто дикари, а особо жестокие дикари, которые разрушали достижения оседлых цивилизаций, а собственную культуру не создали» [9].

Переопределение современной казахской идентичности, переосмысление нарративов казахской истории как первейшая идеологическая задача, стоящая перед нашим молодым государством, постоянно сталкивается с необходимостью опровержения этого чудовищно устаревшего, замшелого стереотипа. К сожалению, этот стереотип до сих пор напрямую поддерживается не только отдельными невежественными, но вполне себе влиятельными в массовой аудитории псевдоинтеллектуалами и косвенно – огромной армией недостаточно информированных и образованных людей в дальнем зарубежье. Этот стереотип имеет свою длительную историю на постсоветском пространстве, будучи активно продвигаем через систему советского образования и растиражированным во всех учебных пособиях, в виде общепринятого мифа об отсталости кочевых народов и кочевого типа хозяйствования в целом. А поскольку, самым крупным ареалом кочевничества в мире, сохранившимся до 30-х гг. XX века оставалась огромная территория Казахстана, стереотип, закрепленный ранее в учебниках, статьях монографиях, сборниках научных конференций и в информационных пространствах – о переходе казахского кочевого общества из феодализма в социализм, минуя капиталистическую стадию, оказался наиболее живучим и относился, в первую очередь к Казахстану [10].

И дело не только в европоцентристских и большевистских идеологизированных и псевдонаучных стереотипах, которые рассматривали кочевников, а значит и казахов в целом как отсталый и невежественный народ. Проблема в том, что автостереотипы самих казахов, пусть

и неосознанно, неартикулированно, за период нескольких советских поколений, впитали в себя комплексы «феодальной» неполноценности и «институциональной недоразвитости» собственного кочевого типа экономики, культуры и языка, заставляя верить в миф о безнадежном «отставании» кочевников и невозможности им самим генерировать и осуществлять независимый путь развития.

Очень многие «образованные» иностранцы и в наши дни абсолютно серьезно считают, что все казахи до сих пор кочуют, передвигаясь исключительно на лошадях и верблюдах, живут в юртах и представляют из себя нечто среднее между степняками Монголии и горцами Афганистана. «Я ожидал увидеть обветшалую Монголию, а попал в страну с бурно развивающейся экономикой – говорит в 2025 году бизнесмен из Сингапура, обосновавшийся в Алматы. С международной точки зрения никто не ожидает, что Казахстан – это современная страна. Когда говорят о туризме в Центральной Азии, все вспоминают о Чингисхане и Монголии. Люди думают, что после распада Советского Союза здесь пустошь. Многие мои друзья до сих пор думают, что я здесь скачу на лошади и стреляю из лука. Буквально два дня назад мне написали об этом снова. Большинство считает, что я сошел с ума» [11].

«Иногда неволей задумываешься о тех народах, проживающих в Средней Азии – вторит сингапурскому бизнесмену филолог из Колумбии Александра Сагбини, – и мне казалось, что там очень «странные» люди. Я всегда представляла пустыни, лошадей и верблюдов, никаких городов и тем более цивилизации». Удивляет и то, что в

совсем недавних опросах о Казахстане большинство респондентов, наших ближайших соседей и бывших соотечественников – россиян, признали, что главные ассоциации, возникающие при упоминании о нашей стране – это широкие степи, пустыни, стада лошадей и верблюдов [12].

И конечно же образ Бората, несмотря ни на какие заверения, что это шутливый, гиперболизированный образ, несколько не затрагивающий национальной гордости казахстанцев, а касающийся и высмеивающий невежество западных людей, во многом закрепил *стереотипный образ* Казахстана как не цивилизованной страны в глазах «образованных» людей, особенно в экономически развитых странах [13].

Считается, что логика мирового развития, образование и глобальная культура должны со временем постепенно изменять, нивелировать социально-культурные и этнические стереотипы. Но пример устойчивого сохранения древнейшего стереотипа о пустынной степной территории и соответственно, о Казахстане, как о стране, населенной «ордами малограмотных кочевников» – красноречивое тому свидетельство.

Таким образом, мы видим, что даже самые устаревшие этностереотипы (как и стереотипы вообще), посредством которых проявляется, в том числе и современная этничность, со временем никуда не исчезают и характеризуются достаточной устойчивостью, обретая только лишь более политкорректные и завуалированные формы появления.

Со стороны представителей этнической группы (культуры) может с различной силой и интенсивностью

проявляться известный феномен мобилизации этничности, возникающий в случае появления группового чувства угрозы этничности и этнической культуре [14]. По мнению американского политолога, специалиста в области этнополитики Дж. Ротшильда, в определенных условиях развития социальных процессов возникает феномен политизации этничности. Условиями, при которых этничность начинает политизироваться, являются процессы модернизации общества, которые способствуют возникновению межгруппового внутриэтнического и межэтнического неравенства.

Межгрупповое размежевание и политизация при этом происходят не по линиям модернизации, а как правило, на основе субэтнической и этнической культурной специфики. Соответственно, в мультиэтнических сообществах данный процесс изнутри перемещается вовне и этнические (межэтнические) стереотипы начинают играть одну из ведущих ролей в процессе выстраивания межкультурных и межэтнических границ, трансформируя сознание населения [15].

Изменения стереотипов также могут происходить под воздействием изменения различных параметров взаимодействия между социальными группами [16]. Такого рода изменения, в том числе и стереотипов постепенно происходят и в казахстанском обществе, которое за последние 30 лет претерпело существенные изменения в своем этническом составе под напором этнодемографических и политических факторов – развала СССР, эмиграции русскоязычного населения, иммиграции этнических репатриантов – кандасов, увеличении/снижении

рождаемости, казахизации языкового и социокультурного пространства и т.д. [17].

Наши многочисленные интервью и фокус-групповые исследования 2021-2025 гг. подтверждают факт, что в местных сообществах постепенно начинает меняться отношение к репатриантам – кандасам. Постепенно уходят в недавнее прошлое субэтнические стереотипы и внутриэтнические предубеждения, бывшие в 90-е и нулевые годы настоящим препятствием в интеграции кандасов, о чем красноречиво говорят многочисленные свидетельства как самих кандасов, так и местных жителей:

Казашка, 60 лет, безработная, кандас из Кыргызстана, г. Сары-Агаш Туркестанской области: *Со временем жить стало лучше. Когда нам говорили, что мы «оралманы», нам было обидно. Как-будто мы лишние у себя на Родине, мы чувствовали себя «изгоями общества». Нам сейчас нравится, что местные нас уже не называют «оралманами», теперь мы «кандасы».*

Казашка, 35 лет, самозанятая, кандас из Кыргызстана, г. Сары-Агаш Туркестанской области: *Вначале было очень трудно. Проблемы с языком, традициями, сложно было адаптироваться в обществе. У нас ведь был акцент такой. Нам было обидно, когда нас называли «кыргызы», «оралманы», и нас это очень сильно огорчало, как-будто мы иностранцы или «чужие»... А теперь все мы адаптировались, думаем одинаково, потому что живем в одном месте. Нужно только время. Время все лечит... Если бы Вы еще 10 лет назад спросили у меня национальность, я бы ответила, что я кыргызка. Потому что все говорили про нас, что мы кыргы-*

зы. Про меня даже соседские дети говорили «кыргыз апай». А сейчас никто так не говорит.

Казашка, 24 года, психолог, г. Талдыкорган Жетысуская область: Нам местным, кстати, в школах тоже внушают: «Не называйте их оралманами! Относитесь как к равным, общайтесь!». С нашей стороны тоже есть движение. Поэтому меняться надо не только им, но всему обществу.

Казах, 46 лет, сельхозработчий, пос. Мерке Жамбылской области: В Мерке много кандасов живет. Мы не называем их оралманами, мы называем их кандасами. Они общаются с местными казахами, работаем вместе. Все нормально. Со мной работает много кандасов, мы с ними хорошо общаемся и вне работы тоже.

Следует отметить, что значительную роль в преодолении стереотипов в отношении приезжающих на ПМЖ этнических казахов, сыграло обращение к казахстанцам Главы государства К.-Ж.К. Токаева. Президент призвал казахстанцев называть репатриантов кандасами (кровными родственниками), вместо уже ставшего привычным термина – оралманы (возвращенцы), который, возвращающиеся на историческую родину казахи считали и считают для себя неприемлемым [18].

Как известно: «До конца 1950-х гг. советское правительство считало всех людей, покинувших пределы советской России как временно вышедших из-под его контроля, предателями (первоначальный статус для мигрантов из Китая – перебежчики), независимо от обстоятельств, которые привели их за границу» [19, с. 12]. Этот совет-

ский, коммунистический стереотип был очень устойчивым в нашем обществе до последнего времени. Кандасов многие считали «предателями», либо потомками «предателей, бросивших родину в сложные времена»:

Казах, 35 лет, самозанятый, кандас из Кульджи (КНР), пос. Шонжы, Уйгурский район Алматинской области: *Нас здесь никто не встречал с распростертыми объятиями со словами «наши казахи приехали». Наоборот, местные встречали как «предателей», как «оралманов», «китайцев».*

Уйгур, 27 лет, сотрудник Казахтелекома, пос. Шелек, Енбекшиказахский район Алматинской области: *С оралманами у нас раньше были проблемы. Сначала мы не уважали их из-за их диалекта, мы говорили: «Это китайцы», и таким образом отделяли их... Среди наших казахских друзей было мнение, что они «дети предателей», которые во время голода бросили Родину и сбежали. Но потом мы поняли, что это не их вина, просто так случилось в истории.*

Тем не менее, чем более становятся известны трагические страницы отечественной истории, происходит изменение общественно-исторических нарративов, под влиянием которых прежние стереотипы постепенно уходят в прошлое и заметно меняется и отношение местных к кандасам.

Стереотипы также могут меняться под воздействием изменения гендерных ролей, стремительно меняющихся статусов и позиций, которые занимают женщины и мужчины в современном обществе [20]. Всего лишь трид-

цать лет назад в Казахстане очень сложно было представить массовое появление женщин – известных предпринимателей и политиков, еще намного более массовое появление женщин за рулем собственных автомобилей, на высоких должностях в армии и полиции, чемпионках континентальных и мировых первенств в спортивных единоборствах и т.д. И, наконец, под напором рушащихся стереотипов происходит постепенное изменение роли казахстанских женщин в семейной модели общественной жизни. Под давлением глобализации, повышения образовательного уровня общества и его гуманизации все более открытыми, обсуждаемыми и осуждаемыми обществом становятся темы семейного и сексуального насилия против казахстанских женщин [21].

Как уже упоминалось, появление и изменение стереотипов зависит напрямую и от уровня образования, т.е. от качества системы образования и содержания школьных программ. Очень многое в нейтрализации негативных стереотипов зависит и от личных качеств и профессионализма преподавательского состава. Разумеется, совершенно недопустимо, когда сами учителя поддерживают негативные стереотипы, кого бы и чего бы они не касались:

Казашка, 61 год, пенсионерка, мать-героиня, кандас из Таджикистана, Туркестанская область, Сайрамский район, село Карабулак: *Нет воспитания в школах. Недавно класная руководительница позвонила моей снохе и сказала, что мы плохо воспитываем своих детей, потому что мы оралманы. Так, якобы сказали родители. Я*

позвонила классному руководителю и сказала, что приду в школу и поговорю с директором школы. Оказывается дети подрались, испортили одежду моему внуку. Только после разговора с директором родители этих детей и учитель извинились перед нами.

Русская, 40 лет, журналист, г. Тараз: *По системе образования замечу, наши представители этнокультурных объединений Ассамблеи и лидеры общественного мнения не раз говорили, что сами учителя у нас не всегда себя корректно ведут при обсуждении политических новостей или языковой проблемы.*

Важнейшим свойством социальных и этнических стереотипов является их согласованность – высокая степень единства (консенсуса) представлений среди членов стереотипизирующей группы. «Во многих эмпирических исследованиях стереотипными признаются качества, с наличием которых у описываемой группы согласны не менее 75–80% испытуемых. Но согласованность стереотипов это вовсе не их тождественность. Стереотипы – это типичные представления членов группы о социальном объекте, что не означает их полного тождества у отдельных индивидов или осознания всеми представителями группы в одинаковой степени» [3, с. 128]. Приведем следующий пример недостаточной консенсусности по привлекаемому наше внимание этносоциальному стереотипу, который, на наш взгляд, может становиться одной из причин межэтнической напряженности. В наших фокус-групповых исследованиях 2024-2025 гг. в рамках мониторингового проекта по изучению этнических стерео-

типов нами задавался вопрос как полиэтнической, так и моноэтнической аудиториям: *От обычных людей нередко можно услышать стереотипное мнение, что казахи в своем государстве живут беднее, чем представители других национальностей. Слышали ли Вы о таком стереотипе? Если да, то откуда, на ваш взгляд, происходят его корни?* Разумеется, наш вопрос основывался не только на наших собственных наблюдениях и результатах более ранних исследований о том, что такой стереотип реально существует и воздействует на сознание людей [22, с. 254-255], но и на подтвержденных источниках из СМИ, исследующих этот стереотип [23].

Большинство респондентов признали, что такой стереотип в обществе существует, либо существовал в советский и досоветский периоды. Ответы разделились приблизительно на три равные части. Часть опрошенных в полиэтнической аудитории казахов и других этносов считают, что такого стереотипа, как и реального социального неравенства не существует и не существовало ранее, ссылаясь на абсолютный приоритет принципа «кто как работает, тот так и живет»:

Гречанка, 67 лет, владелец продуктового магазина, с. Луговое Жамбылской области: *Я, например, гречанка, а муж у меня русский. Мы живем хорошо, но мы много работаем. Мы не сидим не ждем, кто-то нам что-то принесет и подаст. Есть люди и русские, и казахи, допустим ждут что-то от кого-то, от государства чего-то. Национальность тут роли не играет. Тут роль играет сам человек. Как человек работает, так он и будет жить и питаться.*

Хорошо работает, значит жить будет хорошо. Плохо работает, значит все будет плохо.

Казах, 76 лет, пенсионер, кандас из Узбекистана, г. Сары-Агаш Туркестанской области: *Я вообще никогда не слышал такого. Все живут сейчас одинаково. Никто не говорит, что казахи так живут, а узбеки так живут. Кто-то плохо живет, кто-то хорошо живет.*

Другая часть той же полиэтнической аудитории считает, что такое неравенство существовало в советский и досоветский периоды истории, но в настоящий момент ситуация выровнялась и наше государство предоставляет всем равные возможности независимо от этнической, социальной и т.д. принадлежности. Соответственно, поэтому среди всех этносов есть и бедные и богатые люди, а уровень благосостояния зависит от того, как конкретные люди, а не отдельные этносы сумели воспользоваться возможностями, предоставляемыми государством и сегодняшним временем. Кто-то считает, что у различных этносов разная предрасположенность к различным видам деятельности, приносящим различный уровень дохода:

Казах, 38 лет, учитель, пос. Шелек Енбекшиказахского района Алматинской области: *Такие стереотипы, конечно, есть. Если говорить о других нациях как правило, они к разной работе приспособлены. Русские, например, хорошо идут на рабочие, технические специальности. Где бы ни были – занимаются сваркой, работают токарями, открывают точки по продаже автозапчастей, мастерские по*

ремонт машин... Торгуют, рискуют, не боятся. А казахи смотрят на них и начинают интересоваться: почему мы, казахи этим не занимаемся? У нас среди казахов воспитывают своих детей, что обязательно надо стать врачом, юристом или учителем, тогда с голоду не умрешь. Но ведь сейчас эти профессии уже не самые востребованные. У казахов бизнес, предпринимательство развиты слабо. А вот уйгуры хорошо занимаются торговлей. У всех у них дела идут.

Турок, 26 лет, самозанятый, пос. Шонжы (Чунджа), Уйгурский район Алматинской области: Я соглашусь со всеми... У нас все живут по-разному, кто как работает, так и живет. Нельзя сказать, что кто-то беднее только потому, что он казах. Сейчас время другое, у всех есть возможности, главное надо трудиться.

И наконец, третья часть, как правило, это респонденты из моноэтнической аудитории кандасов или местных казахов. Они считают, что такое социальное неравенство в уровне жизни реально существует до сих пор, но причины его происхождения разные. Кто-то ищет корни этого в истории – кочевом типе хозяйства, специфическом отношении к собственности, советском строе и колониальном мышлении. Но очень многие, считая, что казахи действительно в массе своей живут беднее других, склонны искать ответы не во внешних факторах – в других этнических группах и внешних обстоятельствах, а видят причины этого в патернализме, доставшемся от социализма и родового строя (надежды на помощь родственников, на связи – «Саке, Баке, Маке»), природной лени, неверии в свои силы, отсутствии предпринимательского духа и

соответствующих навыков в бизнесе, торговле и производстве:

Казашка, 35 лет, самозанятая, кандас из Кыргызстана, г. Сары-Агаш Туркестанской области: *Казахи в своей стране живут, как младшие дети в семье, разбалованные. А другие национальности, и даже мы, будто рождены от мачехи. У всех других этносов и кандасов есть свое небольшое дело, занимаемся предпринимательством. Тут уже замечаешь, что казахи разбалованы. Сказать, что ленивые, язык не поворачивается. В своей стране они разбалованы. Живут беднее, работают на кого-то, зависят от кого-то. А мы сами на себя работаем, зарабатываем сами.*

Казашка, 50 лет, самозанятая, кандас из Ирана, г. Сары-Агаш Туркестанской области: *Есть и такие семьи, которые хорошо живут, кто-то не очень. По-разному живут. Но казахи, в основном, беднее. Казахи не такие как другие этносы, они не стараются экономить, что-то делать, предпринимать какие-то попытки улучшить свою жизнь. Все это связано с ленью казахов. С утра до ночи они шатаются на улице без дела.*

Казашка, 73 года, пенсионерка, г. Талдыкорган, Жетысуская область: *Конечно казахи на своей земле беднее. Это пошло издавна, когда казахи кроме скотоводства ничего другого не знали... Так что это все издревле идет и дело не в том, что казахи «ленивые - не ленивые», а в их образе жизни издавна.*

Казашка, 24 года, психолог, г. Талдыкорган, Жетысуская область: *Казахи определенно беднее других. Со школы еще помню учитель всегда говорила: «У нас вся таблица*

Менделеева в земле, а у государства всегда мало денег, постоянно живем в долг, постоянно должны кому-то!» Этот стереотип еще со школы у меня. И я считаю, что наши казахи ленивые и сами во всем виноваты.

Таким образом, в стереотипе о «большей бедности» титульного этноса были выявлены особенно большие разногласия в мнениях и недостаточный консенсус, говорящие о том, что содержание этого стереотипа, по меньшей мере, претерпевает сильнейшую эрозию и ситуация уже совсем не такая однозначная как гласит его суть. Причем интересно, что очень многие казахи не боятся говорить откровенно о самих себе, подчеркивая, что «*надо говорить прямо и признавать, что казахи – ленивые*», «*казахи – ленивые и горделивые, даже, если ничего за душой нет*» и «*сами виноваты, что другие этносы лучше живут, поскольку те все время трудятся, не боятся рисковать, начиная собственное дело*».

Анализируя множество ответов из разных фокус-групп, мы заметили, что у казахов и кандасов автостереотипы намного критичнее к самим себе, чем у других этносов и они не боятся давать откровенную, неприятную оценку самим себе. На наш взгляд, в этом есть положительные моменты, поскольку признание собственных ошибок и системных недостатков – это уже первый шаг к совершенствованию через изменение стереотипов, в том числе. Очень многие местные признают, что у кандасов есть чему поучиться, отмечая положительное влияние такого общения. Многие уже перенимают у них полезные трудовые навыки и проявляют любознательность

и интерес к новым граням исконных казахских этнических обычаев, культуры и языка, которые были частично утеряны в советское время и сохранились благодаря кандасам:

Казах, 38 лет, учитель, с. Шелек Енбекшиказахского района Алматинской области: *Сейчас у меня хорошие отношения с нашими соотечественниками - кандасами. Раньше я с ними не хотел общаться... Теперь у меня хорошие отношения с ними, потому что они склонны к бизнесу. И еще они стараются налаживать хорошие связи с местными казахами.*

Казах, 47 лет, бывший сотрудник милиции, с. Шонжы Уйгурского района Алматинской области: *Я сам лично с ними очень хорошо общаюсь. Надо сказать, они очень шустрые, трудолюбивые. Дома строят, землей, скотом занимаются. Не сидят без дела. Я считаю, что всех кандасов нужно переселять в наш регион... потому что кандасы составляют конкуренцию в бизнесе и в отличие от местных, они не смешивают казахскую речь. Поэтому кандасов надо звать в такие многонациональные села. Тогда другие народы тоже станут спокойнее и начнут понемногу становиться ближе к казахской культуре и языку.*

Таким образом, по нашим наблюдениям можно с полной уверенностью констатировать, что отношение к кандасам постепенно меняется. Детей и молодежь кандасов уже очень сложно отличить от местных, поскольку они очень способные, быстро учатся языкам, получают профессии, заканчивают местные ВУЗы и часто успешно

интегрируются в новую для них систему социальных отношений:

Казашка, 52 года, домохозяйка, кандас из Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР, с. Шонжы, Уйгурский район Алматинской области: *Сразу после приезда мы отдали детей в казахскую школу. Им было очень тяжело в начале. Дочка не раз приходила из школы в слезах, говорила: «Меня дети дразнили!». Учитель по русскому поставил ей низкую оценку, потому что язык не знает. И это только малая часть трудностей, но сейчас уже лучше становится. У детей уже не слышно акцента, никто не думает, что они оралманы. А вот нас сразу узнают по речи, что мы приехавшие. Дочка уже начала хорошо говорить по-русски, часто помогает нам, переводит. Сейчас единственное, чего мы хотим, чтобы дети привыкли, обжились здесь, стали полноценными гражданами Казахстана.*

Дунганин, 38 лет, предприниматель, руководитель дунганского ЭКО АНК Жамбылской области: *Я бы хотел подчеркнуть, что молодежь кандасов, они уже давно начали меняться и успешно вливаться в общеказахстанскую среду.*

На вопросы фокус-группе местных казахов из г. Талдыкорган Жетысуской области: «Что необходимо делать для улучшения интеграции кандасов в казахстанское общество? Как преодолевать стереотипы и непонимание между местными и приезжими?», респонденты перечислили целый ряд факторов и предложений, совпадающих с выводами ученых, высказав и отдельные мнения, несколько отличающиеся от общепринятых:

Казашка, 52 года, юрист: Следующее поколение кандасов, они как правило, уже более ассимилированные, более спокойные, порядочные. Должны поколения смениться, уж очень сильно они от нас отличаются. Не думаю, что образование сильно повлияет. От времени больше зависит.

Казах, 51 год, детский тренер по футболу: Тяжело им (кандасам – прим. авт). Они там были чужие, сюда переехали и здесь чужие. Думаю нам всем надо быть толерантнее к ним. Надо стирать ментальные границы. С малых лет объяснять, почему так произошло. Нужно образование.

Казашка, 24 года, психолог: Нужны адаптационные курсы для кандасов, тренинги. Они думают, что мы их с сторонимся, а получается, наоборот.

Казашка, 73 года, пенсионер: И пусть они под нас подстраиваются, а не мы под них (звучат голоса участников фокус-группы: «Согласны! Пусть они обучаются, приспособливаются! Они пришлые, а мы у себя дома!»). И я думаю, что этими адаптациями их не проймешь. Может быть пять поколений минимум должно смениться. Они передают следующим поколениям свою историю, не нашу. Ой не знаю, когда они будут как мы!? Мне не верится!

В создании стереотипов большую роль играют этнические предубеждения, предрассудки, установки. Предубеждение – это предвзятое и негативное суждение о группах людей (или об идее, ситуации, поведении) в основе которого находятся эмоции, и которое в целом не совпадает с действительностью. В основе предубеждений нередко лежит большое разочарование или неуспех. Свой неуспех индивиды проецируют на других, как пра-

вило, приезжих, мигрантов, людей другой национальности и т.д., которые даже самим своим присутствием становятся главными разрушителями привычных стереотипов, касающихся обычной жизни и стереотипного поведения человека традиционного общества. При этом для многих в таких ситуациях агрессия, выплеск эмоций становится наиболее предпочтительной формой проявления собственного мнения:

Казашка, 50 лет, безработная, кандас из Каракалпакстана, г. Есик Алматинской области: *Мне не раз говорили, что я каракалпачка, но я казашка из Каракалпакстана. Есть люди, не стесняются, и так называют, акцентируют на то, что мы приехали и жизнь хуже стала, что мы другие. Я стараюсь не реагировать, силой и криками не решить и не доказать. У некоторых местных казахов низкая культура и видна злость, что плохо живут, и нас считают проблемой для них.*

В предыдущих статьях, написанных в рамках мониторинговых исследований, мы уже не раз отмечали, что участвовавшие небольшие конфликты и ссоры, заметно портящие атмосферу взаимного доверия жителей аулов и малых городов Юга страны, зачастую возникали на почве языкового и социокультурного непонимания между кандасами и местными казахами, кандасами и другими этносами [24, с. 253]. Например, со слов местных фиксировалось множество случаев, когда кандасы требовали исполнения тех или иных законов, подзаконных актов и распоряжений местных администраций. Старожилов в

таких случаях больше всего раздражало, что приезжие, зачастую не считаются с местной спецификой; переносят поведенческие модели государств своего исхода на местные механизмы социальных связей; требуют, чтобы все окружающие разговаривали на государственном языке; по-любому поводу пишут жалобы в прокуратуру, полицию, акиматы:

Казашка, 45 лет, юрист, сотрудник районного ЦОНа, г. Узын-Агаш, Жамбылский район Алматинской области: *Из-за них (кандасов – прим. авт.) тут все недопонимания и конфликты возникают! И с нами свысока еще разговаривают, учат жизни, обвиняют в незнании казахских обычаев, говорят, что они настоящие казахи, а мы – русские!*

У кандасов на вопросы «кто прав – кто виноват?» в участвовавших мелких стычках и конфликтах как с местными казахами, так и с другими этносами, конечно же есть свое мнение:

Казашка, 49 лет, кандас из Узбекистана, сотрудница кризисного центра, Жуалынский район, Жамбылской области: *Вот многие думают, если кандасы, значит излишне националистичны. Это неверная трактовка. Мы лишь хотим сохранить и развивать государственный язык. А к определенным этносам никакой неприязни нет! Скорее я бы сказала, у местных обострение проблемы этничности. Она у них выше и упреков больше в сторону других с риторикой: «Уходи отсюда, это не твоя земля!» Это не у нас! Мы*

знаем сложности ухода из мест длительного проживания. У местных казахов по отношению к нам больше трайбалистских высказываний.

Казах, 37 лет, учитель, кандас из Кульджи (КНР), с. Шонжы, Уйгурского района Алматинской области:
Недавно в одной газете читал, что местные казахи начали распространять новые слухи про кандасов. Мол, мы агрессивные, чрезмерно националистичные и патриотичные, не даем местным спокойно жить, заставляем говорить только по-казахски. Это все ложь! Просто мы не знаем русского, вот и просим хотя бы своих же местных казахов говорить с нами по-казахски. С другими народами понятно, у них свой язык. А вот есть некоторые казахи, которые на русском стоят и упорно на нем говорят. Вот им, наверное, наши кандасы говорят: «Уважай свой язык, говори с нами по-казахски!», а им не нравится. Общаемся по работе с местными. У нас среди местных есть друзья, коллеги, соседи.

Налицо взаимное недопонимание, которое может быть рассеяно только в процессе взаимного узнавания, для которого требуется время, и деликатное и неуклонное создание благоприятных условий для повсеместного овладения государственным языком, совместной деятельности, общения. Здесь видимо много зависит не только от местного руководства, которое должно создавать условия для общения, но и от местных старейшин-старожилов, имеющих огромный авторитет и влияние в среде местных жителей. Юг страны как более традиционный и этнокультурный регион, всегда отличался более выраженным влиянием традиционных и религиозных

ценностей в местных общинах, независимо от их этнической составляющей. На Юге всегда прислушивались к мнению аксакалов, старших родичей, никогда не действовали вразрез с их волей, и от позиции этих лидеров мнений во многом зависит готовность населения взаимодействовать, включаться в диалог с властями и с другими этническими общинами.

Как правило, в большинстве цивилизованных обществ и отдельных общин люди в своей массе к этническим стереотипам относятся отрицательно. Практически все опрашиваемые респонденты наших фокус-групповых исследований в южных областях страны заявляли о том, что не имеют стереотипов и предубеждений относительно других этносов, а различные качества, которые приписываются отдельным этносам всегда касаются только отдельных людей, но никак не целых этносов. Общее мнение большинства опрашиваемых респондентов выразила гражданская активистка из Жамбылской области:

Казашка, член Совета матерей Ассамблеи народа Казахстана Байзакского района, Жамбылская область. *Интересный вопрос конечно, при желании можно критиковать обсуждать любую нацию, у каждой нации есть какие-то плюсы, минусы, физиологические различия, но в целом, нация не критикуется никогда, если и подвергается критике нация, то только в лице определенного человека.*

Когда в официальном дискурсе говорится о процессе преодоления этнических стереотипов, сближении культур, нахождении общих ценностей, объединении этни-

ческих групп вокруг ценностей единства общественность и гражданские активисты недостаточно ясно представляют себе механизм этого процесса. Государство однозначно отвергает ассимиляцию, поскольку провозглашен основополагающим тезис «единство в многообразии» о сохранении уникальности этнических культур и языков казахстанских этнических групп и т.д. Провозглашая объединение вокруг казахской культуры и государственного языка, мы пока не имеем ясного представления как двигаться, какие инструменты аккультурации и каким образом осознанно использовать. Очень важно понимать структуру процесса аккультурации и идентификационные стратегии конкретных этносоциальных, религиозных, культурно-языковых и других групп казахстанских сообществ.

Делать вид, что межэтнических проблем и конфликтов не существует, о чем упорно повторяют представители исполнительной власти, которые не хотят показать явные провалы в своей работе, будет обходиться государству намного более дорогой ценой, нежели продуманное проведение социально-психологических исследований и экспериментов по изучению особенностей межгрупповых, межэтнических взаимодействий в обществе и грамотному прикладному использованию их результатов и рекомендаций. Исследования ученых подтверждают гипотезу о том, что изучение культурной психологии и осознанное применение, основанных на этих знаниях технологий может улучшить навыки и установки, являющиеся предшественниками межкультурной компетентности. Нельзя отрицать и того факта, что исследовать и

преподавать культурные различия – значит напрямую сталкиваться с некоторыми из самых сложных вопросов мультикультурализма [25].

В казахстанской научной и публицистической среде очень любят цитировать и повторять заявления 15-летней давности европейских лидеров о провале мультикультурализма, прямо или косвенно проецируя эти выводы на нашу страну либо наш регион. Признание провала мультикультурной политики на самом деле относится исключительно к Европе, и ни в коем случае, не означает ее неуспеха в Казахстане или в Центральной Азии. Необходимо понимать, что в нашем регионе свои уникальные культурно-исторические и другие условия и предпосылки, позволяющие со всей ответственностью говорить об уникальной страновой и региональной мультикультурной модели межэтнического и межкультурного диалога и взаимодействия. Эта мультикультурная модель не встречается нигде, и она на самом деле требует своего дальнейшего исследования с концептуальной, политической, методологической, исторической, социологической, антропологической и культурологической сторон, с целью ее дальнейшего совершенствования, признания и популяризации.

Дальнейшее изучение и применение результатов культурной и социальной психологии поможет улучшать людские установки, менять негативные предубеждения и стереотипы, создавать толерантную среду благоприятную для интеграции этнических и субэтнических групп и их культур в общегражданское пространство плодотворного межэтнического и межкультурного диалога.

Список использованных источников:

1. Walter Lippmann. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace & Co., 1922.
2. Мучкина Е.С. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов // *Филология и человек*. 2010. №4. 107-118.
3. Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология*. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
4. Katz, D., & Braly, K.W. (1933). Racial stereotypes of one-hundred college students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 28, 280-290.
5. Gilbert, G.M. (1951). Stereotype persistence and change among college students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 46, 245-254.
6. Karlins, M., Coffman, T.L., & Walters, G. (1969). On the fading of social stereotypes: Studies in three generations of college students. *Journal of Personality and Social Psychology*, 13(1), 1–16. – <https://doi.org/10.1037/h0027994>
7. Stephanie Madon et al. Ethnic and National Stereotypes: The Princeton Trilogy Revisited and Revised // *Personality and Social Psychology Bulletin* Vol. 27 No. 8, August 2001, 996-1010.
8. Шайкемелев М.С. *Казахская идентичность. Монография* – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 272 с.
9. Александр Марков. Как живут современные кочевники // *Радио Свобода*. 05 марта 2007. – <https://www.svoboda.org/a/381162.html>
10. Турсунбаев А.Б. Победа в СССР ленинского учения о переходе отсталых народов к социализму. «*Коммунист*», 1959, № 7, стр. 20; «Закономерности перехода народов ранее отсталых стран к социализму (на примере Казахстана)». Алма-Ата. 1961.
11. «Никто не ожидает, что Казахстан – это современная страна» // *The Village Казахстан*. 20 июня 2025. – <https://www.>

the-village-kz.com/ village/people/experience/40703-nikto-ne-ozhidaet-cto-kazakhstan-eto-sovremennaya-strana

12. Қазақстан главами иностранцев // *Караван*. Медиапортал. 21 апреля 2010 г. – <https://www.caravan.kz/news/kazakhstan-glazami-inostrancev-367442/>

13. Реакцию казахстанцев на фильм «Борат-2» обсуждают мировые СМИ // *Спутник Казахстан*. 26.10.2020 – <https://ru.sputnik.kz/20201026/reaktsiya-kazakhstantsyborat-2-15301030.html>

14. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 816 с.

15. Joseph Rothschild. *Ethnopolitics, A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press, 1981.

16. Sherif, M. *Group Conflict and Co-operation: Their Social Psychology*. London, Routledge & Kegan Paul Limited, 1966. 192 pp.

17. Шайкемелев М.С. «Қазақоязычная» и «русскоязычная» идентичности: проблематика взаимодействия и категориальной институционализации // *Między tradycją a modernizacją. Teoria i praktyka badań politologicznych państw eurazjatyckich. Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Tadeuszowi Bodio*. Warszawa: Wydział Nauk Politycznych i Studiów Międzynarodowych; Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. – 792 с. – С. 567 – 591.

18. Токаев: Надо отказаться от слова «оралман» // *Tengrinews*. 19 сентября 2019. – https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-nado-otkazatsia-ot-slova-oralman-379519/

19. Аманжол Калыш, Дидар Касымова. Пути интеграции оралманов в казахстанское общество: реалии и вызовы. – Алматы «Қазақ университеті» 2013.

20. Eagly, A.H., & Steffen, V.J. (1984). Gender stereotypes stem from the distribution of women and men into social roles. *Journal of Personality and Social Psychology*, 46(4), 735–754.

21. Митинг против насилия над женщинами прошел в Астане // *Қазақское телеграфное агентство КазТАГ*, 8 апреля

2023. - <https://kaztag.kz/ru/news/miting-protiv-nasiliya-nad-zhenshchinami-proshel-v-astane-1>; Анатолий Вайскопф. «Сама виновата»? В Казахстане спорят о «законе Салтанат» // *Deutsche Welle*, 24 апреля 2024. – <https://www.dw.com/ru/sama-vinovata-rosemu-v-kazahstane-sporat-o-zakone-saltanat/a-68910988>

22. Шайкемелев М.С.-А. Взаимосвязь воображаемых межкультурных границ с реальными межэтническими противоречиями: в мнениях населения Юга Казахстана // *Этнополитика и идентичность в Казахстане. Сборник трудов международной научно-практической конференции. Часть 1.* – С. 231-259.

23. Бауыржан Маханов. Почему казахи в массе своей живут беднее, чем представители других этносов РК? // *Spik.kz*. Аналитический портал. 8.04.2024. - <https://spik.kz/1826-pochemu-kazahi-v-masse-svoej-zhivut-bednee-chem-predstaviteli-drugih-jetnosov-rk.html>;

24. Шайкемелев М.С. Интроспективные аспекты субэтнического взаимодействия в селах Алматинской области и юга Казахстана // *Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сборник научных трудов.* – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2021. Часть 2. – С. 239-263.

25. Emma E. Buchtel. Cultural sensitivity or cultural stereotyping? Positive and negative effects of a cultural psychology class // *International Journal of Intercultural Relations*, Volume 39, March 2014, Pages 40-52.

ҚАНДАСТАРДЫҢ ҚОҒАМДЫҚ ИНТЕГРАЦИЯСЫ: ҚАЗАҚСТАН, КОРЕЯ ЖӘНЕ ГЕРМАНИЯДАҒЫ ЭТНИКАЛЫҚ РЕПАТРИАНТТАРДЫ ИНТЕГРАЦИЯЛАУ ТӘЖІРИБЕСІНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ¹

Шакеева Ботакөз Рахымбекқызы

Соңғы онжылдықтарда әлем бойынша көші-қон үдерістері қарқын алып, көптеген мемлекеттер этникалық репатрианттарды қабылдауға бағытталған саясат жүргізе бастады. Бұл үрдіс тарихи отанына оралған халықтардың әлеуметтік, экономикалық және мәдени өмірге бейімделуін қамтамасыз ету қажеттілігін алға тартады. Осы контексте этникалық репатрианттарды қоғамдық ортаға тиімді интеграциялау мәселесі ерекше назар аударуды талап етеді.

Осы зерттеуде Қазақстан, Оңтүстік Корея және Германия елдеріндегі репатрианттардың қоғамдық интеграциясына байланысты тәжірибелер салыстырмалы талдау негізінде қарастырылады. Аталған мемлекеттер репатриациялық саясат жүргізуде әртүрлі тарихи, әлеуметтік және саяси алғышарттарға ие болғандықтан, олардың интеграциялық модельдері де айтарлықтай ерекшеленеді.

---

¹ Бұл мақала ҚР ҒЖБМ ҒК қаржыландыратын АР23489872 «Қазақстанның оңтүстік өңірлеріндегі этносаралық қатынастардың мониторингі» атты гранттық ғылыми зерттеу жобасы шеңберінде дайындалды.

Зерттеудің мақсаты – осы елдердегі этникалық репатрианттарды қоғамға бейімдеу тетіктерін талдау арқылы Қазақстанда қандастарды табысты интеграциялаудың тиімді жолдарын анықтау. Бұл тақырып қазіргі заманғы жаһандық көші-қон аясында айрықша маңызға ие.

Зерттеу әдісі. Осы зерттеу шеңберінде қандастардың интеграциялануындағы жеке тәжірибесін тереңірек түсіну мақсатында Қазақстанның әртүрлі өңірлерінде тұратын репатрианттармен 30-дан астам нарративтік-биографиялық сұхбат жүргізілді. Атап айтқанда, сұхбаттар Алматы облысының Есік қаласында, Шығыс Қазақстан облысының Шығыс ауылында және Солтүстік Қазақстан облысының Сергеевка аудандық орталығында жүзеге асырылды. Бұл елді мекендер қандастар көп мекен ететін немесе мемлекет тарапынан мигранттарды ұтымды орналастыруға бағытталған «Нұрлы көш» бағдарламасы аясында репатрианттарды шоғырландырып қоныстандыру мақсатында таңдалған.

Респонденттерді таңдау кездейсоқ сипатта жүргізілгенімен, жас мөлшері, жынысы және көшіп келген уақыты сияқты маңызды критерийлер ескерілді. Мұндай әдістеме интеграция үдерісіндегі мәселелер мен ерекшеліктердің кең ауқымын айқындауға мүмкіндік берді.

1. Тұрғын үйге қол жеткізу

Интеграция үдерісіндегі маңызды салалардың бірі – тұрғын үйге қол жеткізу мәселесі. Қазақстан жағдайында репатрианттар елге мемлекеттік квота бойынша немесе өз еркімен қоныс аударды. Квота негізінде көшіп келген азаматтар мемлекет тарапынан белгілі бір деңгейде

қолдау алды: тұрғын үй сатып алуға қаржы бөлініп, бір реттік жәрдемақылар берілді. Алайда бұл квоталар елдегі экономикалық жағдайға байланысты жыл сайын өзгеріп отырды.

«Нұрлы көш» бағдарламасы аясында репатрианттарды орналастыру үшін арнайы тұрғын үй кешендері салынды [1]. Мысалы, Алматы қаласындағы «Байбесік», Шымкенттегі «Асар», Астанадағы «Нұрбесік» және басқа да шағын аудандар – осы бағдарлама нәтижесінде бой көтерген нысандар [2].

Дегенмен, бұл үйлердің құрылысының сапасы, әсіресе еліміздің солтүстік аймақтарында, сынға ұшырады [3]. Солтүстік өңірлердің қатаң климаттық жағдайына сәйкес келмейтін құрылыс шешімдері көптеген қиындықтарға алып келді. Сонымен қатар, бірқатар респонденттер бұл тұрғын үйлердің ипотекалық міндеттемемен берілгеніне наразылық білдірді. Олардың айтуынша, тұрғын үй мәселесін өз бетімен шешу үшін алдымен азаматтық алу мен жұмыспен қамтылу маңыздырақ.

Сұхбаттан мысал:

Қытайдан келген репатриант, ер адам, 70 жаста:
«Бәрібір олақшалар құжат рәсімдеуге кетіп қалады. Жақсысы – азаматтықты тезірек беріп, жұмыспен қамтамасыз етсе, біз үйді өзіміз де салып не сатып аламыз».

Германияда бұл мәселе түбегейлі басқаша шешіледі. Репатрианттар елге келгеннен кейін, алдымен уақытша орналастыру лагерлеріне жіберіледі. Бұл орталықтарда олар тұрғын үймен, азық-түлікпен, сондай-ақ тіл кур-

старымен толық қамтамасыз етіледі. Кейін оларды федералдық жерлерге бөліп орналастырып, отбасы мүшелерінің санына қарай жалға берілетін тұрғын үй ұсынылады. Зерттеуге қатысқан респонденттердің басым көпшілігі тұрғын үйге қатысты елеулі қиындық көрмегенін атап өтті.

Сұхбаттан мысал:

Қазақстаннан Германияға кеткен репатриант, ер адам, 68 жаста: *«Біз келген кезде бәрімен қамтамасыз етті. Біз қайда тұрамыз, не жейміз, не киеміз деп ойламадық. Қазір өз баспанамыз, жұмысымыз бар, бәрі бар».*

Оңтүстік Корея жағдайында тұрғын үй мәселесіне репатрианттар әлдеқайда дербес қарайды. Елде қандастарға арналған бейімделу және қолдау орталықтары болғанымен, тұрғын үй мәселесін шешу көбіне жеке бастың жауапкершілігіне жүктеледі. Көп жағдайда репатрианттар бұл мәселені өз күштерімен шешуге тырысады.

2. Жұмыспен қамту

Интеграция үдерісіндегі екінші аса маңызды аспект – жұмыспен қамту мәселесі. Халықаралық көші-қон ұйымының 2004 жылғы деректеріне сәйкес, Қазақстанда қандастардың 45,3%-ы жұмыс табуда қиындықтарға тап болған [4]. 2023 жылы жүргізілген далалық зерттеулер де бұл мәселенің өзектілігін растады: жұмыспен қамту қандастар үшін бүгінгі күні де басты проблемалардың бірі болып отыр.

Әсіресе, шетелде алған дипломдары Қазақстанда ресми түрде танылмаған азаматтарға жұмыс табу қиынға

соғады. Репатрианттар негізінен кәсіпкерлікпен, мал шаруашылығымен, құрылыс саласымен немесе ауыл шаруашылығымен айналысады.

Германияда бұл тұрғыда жағдай әлдеқайда қолайлы. Елге келген кезде репатрианттарға қайта мамандану және кәсіби даярлық курстарынан өту мүмкіндігі ұсынылады. Немістілін меңгергеннен кейін олар тұрақты жұмыс таба алады, ал жұмыссыз қалған жағдайда мемлекет тарапынан жұмыссыздық бойынша жәрдемақы қарастырылған.

Сұхбаттан мысал:

Қазақстаннан Германияға қоныс аударған репатриант, әйел адам, 60 жаста: *«Мен курстардан өтіп, дүкенде сатушы болып жұмыс істей бастадым. Егер жұмысың болмаса, мемлекет сені жалғыз қалдырмайды».*

Оңтүстік Кореяда жұмыспен қамтылу мәселесі адамның визалық мәртебесіне тікелей байланысты. F4, F5 және F6 санатындағы визалар кеңірек мүмкіндіктер береді, алайда мұндай визаларды барлық репатрианттар ала бермейді. Тілдік тосқауыл мен кәсіби дағдыларға қойылатын талаптар да жұмыс түрін таңдауға әсер етеді. Көптеген репатрианттар Кореядағы ТМД елдерінен келген мигранттар шоғырланған аудандардағы зауыттар мен фабрикаларда жұмыс істейді.

Мемлекеттік «Overseas Koreans Foundation» бағдарламасы аясында тіл курстары, тағылымдамалар және кәсіпкерлікпен айналысуға қолдау көрсетіледі [5].

3. Білім беру

Білім беру – болашақ ұрпақтың сәтті интеграциясының негізгі кепілі. Өткен жылдың мәліметтері бойынша еңбекке жарамды жастағы қандастардың ішінде 17%-ы жоғары білімді, 23,2%-ы арнаулы орта, 55,2%-ы жалпы орта білімі бар, ал 4,6%-ының білімі жоқ [6]. Жастар үшін дайындық курстары мен жетекші жоғары оқу орындарында оқуға жеңілдетілген бағдарламалар қарастырылған.

Сұхбаттан мысал:

Қытайдан келген репатриант, ер адам, 38 жаста:
«2003 жылы жас репатрианттардың үлкен толқыны келді. Көпшілігі дайындық курсынан кейін ҚазҰУ-ға түсті. Түсе алмағандары саудаға кетті немесе қайта көшіп кетті».

Алайда кейбір балалар мектептерде буллингке ұшыраған жағдайлар да тіркелді:

Қытайдан келген репатриант, ер адам, 65 жаста:
«Немерем оқу озаты болды, бірақ басқа балалардың ата-аналары «қытайлық» бала қалайша жақсы оқиды деп түсінбеді. Біз – қазақпыз ғой».

Германияда репатрианттардың балалары арнайы дайындық курстарынан кейін мектептер мен жоғары оқу орындарына еш қиындықсыз түседі. Елдегі білім беру жүйесі қолжетімді әрі тегін. Негізгі талап неміс тілін меңгеру болып табылады.

Оңтүстік Кореяда білім алуға құқық визалық мәртебеге байланысты. F4, F5, F6 визасы бар балалар аза-

маттармен тең дәрежеде білім ала алады, әрі қосымша кәріс тілі курстарына қатыса алады. Ересектер үшін кәріс тілін оқыту және кәсіби оқытуды қамтитын КИП (Korean Immigration and Integration Program) бағдарламасы шеңберінде тегін курстар ұсынылады [7].

4. Азаматтық және құқықтар

Қазақстанда азаматтық алу ұзаққа созылатын әрі күрделі рәсімдердің бірі. Бюрократиялық кедергілерге байланысты көптеген репатрианттар уақытылы зейнетақы рәсімдей алмай, ресми жұмысқа орналасуда қиындықтарға тап болады. Ақпараттың жеткіліксіздігі себепті көптеген азаматтар делдалдардың көмегіне жүгінуге мәжбүр болады, бұл өз кезегінде алаяқтық жағдайларының туындауына жол ашады.

Сұхбаттан мысал:

Қытайдан келген репатриант, ер адам, 70 жаста:

«Бір адам азаматтық алып берем деп ақша алған, бірақ бірнеше отбасын алдап кетті. Біз ұзақ күттік, ақыры ол жоғалып кетті».

Мемлекет бұл процесті оңтайландыруға күш салып жатқанымен, зерттеуге қатысқан респонденттердің көпшілігі бейімделу және интеграция орталықтарының бар екенінен хабарсыз. Бұл орталықтар ресми құрылымдар ретінде жұмыс істегенімен, олардың қызметі туралы ақпараттың жеткіліксіздігі себепті халық арасында кеңінен танымал емес.

Германияда құжаттарды рәсімдеу процесі репатриант елге келмей тұрып-ақ басталады. Олар келген бой-

да азаматтық алып, әлеуметтік қызметтерге бірден қол жеткізеді. Бұл интеграция процесінің жылдам және жүйелі жүруіне мүмкіндік береді.

Ал Оңтүстік Кореяда этникалық тегіне байланысты арнайы визалық режим ұсынылады, алайда бұл автоматты түрде азаматтық беруге құқық бермейді. Корея азаматтығын алу, негізінен, күрделі әрі ұзаққа созылатын процесс. Бұл жағдай этникалық репатрианттардың құқықтық мәртебесінің толыққанды болмауына, кей жағдайларда олардың жартылай маргинализациялануына алып келеді.

5. Символдық кедергілер: тіл, мәдениет, жергілікті орта

Этникалық тұрғыдан қазақ ұлтына жататын болса да, репатрианттар Қазақстандағы жергілікті халықпен мәдени әрі тілдік тұрғыдағы айырмашылықтарды сезінеді. Әлеуметтік бейімделу оңтүстік аймақтарда жеңілірек өтеді, себебі бұл өңірлерде дәстүрлі мәдениет сақталған. Ал орыстанған өңірлерде, әсіресе респонденттердің көпшілігі тұратын облыстарда бейімделу үдерісі анағұрлым күрделірек жүреді.

Кеңес Одағының құрамында болған мемлекеттерден келген қандастар үшін ортақ тарихи және мәдени тәжірибе тілдік және тұрмыстық ортаға үйренуге оң әсер етеді. Ал Қытай, Иран немесе Моңғолиядан келген репатрианттар анағұрлым терең мәдени айырмашылықтарға кезігеді. Бұл топтар көбінесе тіл үйренуде, ресми құжаттармен жұмыс барысында және күнделікті қарымқатынаста қиындықтар көреді. Сонымен қатар олардың жергілікті халықпен араласуында белгілі бір әлеуметтік қашықтық сақталады.

Кейбір жергілікті тұрғындар репатрианттарды бейтаныс немесе өзгеше ретінде қабылдайды. Олар қолданатын сөздер мен мәдени әдет-ғұрыптар архаикалық немесе ескірген деп сипатталады. Мемлекеттік бағдарламалар аясында қандастарға берілетін баспана мен түрлі көмектер кейде жергілікті халық тарапынан әділетсіздік ретінде қабылданып, олардың қоғамдағы теріс қабылдануын күшейтеді. Бұл жағдай әлеуметтік алшақтықтың одан әрі тереңдеуіне ықпал етеді.

Репатрианттардың шыққан еліне қарай бөлінуі ортақ этникалық бірегейлік пен ұжымдық интеграция процесін қиындатады. Бұл тек Қазақстанға ғана тән құбылыс емес. Германияда да репатрианттар азаматтық алғанымен, тіл мен мәдениет жағынан қиындық көреді. Олар ресми тұрғыда тең құқықты болғанымен, өзін толыққанды неміс қоғамының мүшесі ретінде сезінбеуі мүмкін. Бұрынғы Кеңес Одағы елдерінен барған репатрианттар этникалық байланыстарды сақтап қалуға бейім болады. Бұл бейімделу деңгейін төмендетеді. Алайда олардың балалары жаңа ортаға тезірек бейімделіп, қоғамға интеграцияланады.

Оңтүстік Кореяда кәріс текті репатрианттар да осындай жағдайға тап болады. Этникалық туыстығына қарамастан олар тіл мен мәдениет жағынан айырмашылықтарға ұшырап, оқшауланған қауымдастықтарда өмір сүреді. Мұндай жағдайда олардың жеке және этникалық бірегейлігі екіжақты сипатқа ие болады.

Жалпы алғанда тіл мәдениет және әлеуметтік орта сияқты символдық кедергілер репатрианттардың

Қазақстанда Германияда және Оңтүстік Кореяда толыққанды интеграциялануына елеулі тосқауыл болып отыр. Бұл үрдістек әкімшілік немесе экономикалық шараларды ғана емес сонымен қатар мәдениетаралық қатынастарды ескеретін кешенді саясатты талап етеді. Сонымен бірге әртүрлі этникалық бірегейліктерге құрметпен қарау мен оларды қолдау маңызды болып саналады.

Қазақстан, Оңтүстік Корея және Германиядағы репатриациялық саясаттың салыстырмалы талдауы

Критерий	Қазақстан	Оңтүстік Корея	Германия
Саясаттың басталу кезеңі	1991 жылдан бастап тәуелсіздікпен бірге қабылданды.	Репатриацияға қатысты институционалды саясат 1990-жылдары қалыптасты.	1950-жылдардан бастап этникалық немістерді қабылдау саясаты жүргізілді. Әсіресе 1990-жылдары келушілер саны көбейді.
Негізгі мақсаттары	Этникалық қазақтардың үлесін арттыру, ұлттық бірегейлікті нығайту, демографиялық саясат.	Ұлттық тұтастықты сақтау, еңбек нарығындағы тапшылықты толықтыру, демографиялық мәселелерді шешу.	Этникалық немістерді тарихи отанына қайтару, соғыстан кейінгі демографиялық және еңбек ресурстары мәселелерін шешу.
Азаматтық алу мүмкіндігі	Жеңілдетілген түрде, бірақ квота жүйесі арқылы әлеуметтік көмек шектеулі болуы мүмкін.	F-4 визасы арқылы ұзақ мерзімді тұру мен жұмыс істеу мүмкіндігі бар, бірақ толық азаматтық алу күрделі процесс.	Келген бойда азаматтық алуға мүмкіндік берілді.
Тілдік бейімделу	Қазақ тілін меңгергенімен, орыс тілінің басымдығы қиындық туғызады; құжаттар мен қызметтерде орыс тілінің үстемдігі байқалады.	Кәріс тілін білмейтін репатрианттар тілдік кедергіге тап болды; тіл оқыту курстары ұсынылғанымен, толық бейімделу қиын.	Неміс тілін білмейтін репатрианттарға арналған арнайы тіл курстары жүргізілді. 1990-жылдардан кейін қолдау деңгейі азайған.

Қазақстандағы этносаясат және бірегейлік

Мәдени бейімделу	Кеңес дәуірінде мәдени айырмашылықтар қалыптасқан; тіл, дәстүр және әлеуметтік мінез-құлықта ерекшеліктер байқалады.	Стереотиптер мен әлеуметтік алшақтық бар.	Социалистік елдерден келген немістердің мәдениеті мен тұрмыс салты Батыс Германиямен ерекшеленді; интеграцияда қиындықтар болды.
Әлеуметтік қолдау	Квотаға ілінгендерге тұрғын үй, оқыту, қайта даярлау, жәрдемақы ұсынылды. «Нұрлы көш» бағдарламасы аясында солтүстік өңірлерге қоныстандыру жүзеге асты.	Тіл курстары, кәсіптік оқыту, уақытша жұмыс орындары ұсынылды, бірақ әлеуметтік мәртебе мен қауіпсіздік шектеулі.	Бастапқыда жоғары деңгейде әлеуметтік қамтамасыз ету болды; 1990-жылдардан кейін бұл қолдау азайды.
Экономикалық ықпалы	Ауыл шаруашылығы мен кіші қалалардың дамуына әсер етті; еңбек күші ретінде маңызды рөл атқарды.	Еңбек миграциясы ретінде қабылданғандықтан, өндіріс пен қызмет көрсету секторына үлес қосты.	Еңбек нарығын толықтыруда маңызды рөл атқарды; бастапқы кезеңде ауыл және өндіріс саласында жұмыс істеді.

Қазақстандағы қандастарды интеграциялау жөніндегі ұсыныстар:

- Репатрианттарға ұсынылатын тұрғын үйдің сапасы мен өмір сүру жағдайларын жақсарту. Жергілікті әкімдіктермен бірлесіп қоныстандыру картасын әзірлеу;
- Бюрократиялық кедергілерді азайту және қолдау шаралары туралы ақпаратқа қолжетімділікті жеңілдету. Қолдау бағдарламалары туралы көптілді ақпараттық портал жасау;
- Аймақтық ерекшеліктерді ескере отырып, әлеуметтік және мәдени бейімделуге бағытталған кешенді бағдарламаларды дамыту. Жергілікті өзін-өзі басқару құрылымдарына репатрианттардың қатысуын қолдау;
- Мәдениетаралық диалогты күшейту және қоғамда репатрианттарға қатысты қабылдауды жақсарту. Репатрианттарға қатысты қабылдауды жақсарту. Репатрианттарға қатысты қабылдауды жақсарту.

трианттарды жергілікті тұрғындармен біріктіретін жобалар ұйымдастыру. Репатрианттардың жеке өмірлері негізінде деректі фильмдер, сұхбаттар дайындау;

- Білім беру мен тілдік бейімделуді қолдау, әсіресе ересектерге арналған бағдарламаларды кеңейту. Репатрианттар үшін кәсіптік бағдар беру және қайта даярлау курстарын ұйымдастыру;

- Германия мен Оңтүстік Кореяның тәжірибелерін зерделей отырып, интеграциялық шаралардың тиімділігін арттыру.

Қорытынды

Жүргізілген салыстырмалы талдау нәтижелері көрсеткендей, Қазақстанда, Германияда және Оңтүстік Кореяда қандастарды қабылдау мен интеграциялау үрдістері әртүрлі артықшылықтар мен шектеулерге ие. Бұл ерекшеліктер негізінен әр мемлекеттің көші-қон саясатына, материалдық және институционалдық ресурстарына, сондай-ақ тарихи тәжірибесіне тікелей байланысты.

Қазақстан этникалық репатрианттарды қолдауға бағытталған ауқымды бағдарламаларды жүзеге асыруға талпыныс жасап отыр. Алайда тұрғын үй сапасының төмендігі, бюрократиялық тосқауылдар мен ақпараттың жеткіліксіздігі интеграция үрдісін едәуір қиындатып отыр.

Германияда репатрианттар елге келген сәттен бастап тұрақты мемлекеттік қолдауға ие болады. Бұл қолдауға тұрғын үй, кәсіби білім беру және әлеуметтік қорғау жүйесі кіреді. Мұндай кешенді тәсіл репатрианттардың

табысты бейімделуіне және қоғамға сіңісуіне оң әсер етеді.

Оңтүстік Корея этникалық кәрістер үшін арнайы визалық режим мен қолдау бағдарламаларын енгізген. Дегенмен, азаматтық алу процесінің күрделілігі және құқықтық мәртебенің шектеулі болуы репатрианттардың толыққанды интеграциялануына тосқауыл келтіреді. Сонымен қатар, бұл елде репатрианттардың өмір сүруінде дербестік деңгейі жоғары.

Осы зерттеу нәтижелері этникалық мигранттарды интеграциялауға бағытталған мемлекеттік саясаттың тиімді шараларын әзірлеуде маңызды рөл атқарады. Сонымен қатар, мұндай талдаулар репатрианттардың өмір сүру сапасын жақсартуға және әлеуметтік әділеттілікті қамтамасыз етуге бағытталған кешенді шешімдер қабылдауға негіз бола алады.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі:

1. 100 домов построят для оралманов в СКО по программе «Нурлы кош» в текущем году. [Электронный ресурс] - <https://kaztag.kz/ru/news/100-domov-postroyat-dlya-oralmanov-v-sko-po-programme-nurly-kosh-v-tekushchem-godu> (Қаралған күні: 20.08.2025).

2. Елім менің еңселі. [Электронный ресурс] - <https://egemen.kz/article/16694-elim-menin-h-ehseli> (Қаралған күні: 20.08.2025).

3. В Усть-Каменогорске дома для оралманов рассыпаются от ветхости и морозов [Электронный ресурс] - <https://www.inbusiness.kz/ru/news/v-ust-kamenogorske-doma-dlya-oralmanov-rassypayutsya-ot-vethosti-i-morozov> (Қаралған күні: 20.08.2025).

4. Мекебайева, М.А., & Zhakupova, Z. (2018). Проблемы внутренней и внешней миграции Казахстана. *Journal of Philosophy*

Culture and Political Science, 46(1), 107–114. извлечено от <https://bulletin-philospolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/835>

5. Support services for Overseas Koreans [Электронный ресурс] -https://www.okocc.or.kr/portal_en/support/overview.do (Қаралған күні: 25.08.2025).

6. Сколько кандасов имеют высшее образование [Электронный ресурс] -<https://kazpravda.kz/n/skolko-kandasov-imeyut-vysshee-obrazovanie/> (Қаралған күні: 25.08.2025).

7. Immigrant Settlement Program [Электронный ресурс] -https://www.immigration.go.kr/immigration_eng/1869/subview.do (Қаралған күні: 25.08.2025).

АВТОРЫ СБОРНИКА

Абрахматова Гульнара Абрайкуловна – кандидат философских наук, ассоциированный профессор Университета Туран, г. Алматы

Айтымбетов Нуркен Ысқақұлы – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор PhD, ассоциированный профессор

Болганбаева Шолпан Дуйсенбековна – старший преподаватель Шымкентского университета, магистр социальных наук, г. Шымкент

Ванхемпинг Элина – директор Скандинавского института академической мобильности, доктор PhD, г. Хельсинки, Финляндия.

Вежбицки Анджей – заведующий кафедрой восточных исследований Варшавского Университета, доктор политических наук, профессор, г. Варшава, Польша

Додонов Вячеслав Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор экономических наук, г. Алматы

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, г. Алматы

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, г. Алматы

Мамедова Парида Иманжановна – заведующая кафедрой «Ассамблея народа Казахстана» Таразского регионального университета им. М.Х. Дулати, кандидат философских наук, доцент, г. Тараз

Мацаберидзе Малхаз – профессор Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, доктор политических наук, г. Тбилиси, Грузия

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, ассоциированный профессор, г. Алматы

Шакеева Ботагоз Рахимбековна – научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор PhD, ассоциированный профессор, г. Алматы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Айтымбетов Н.Ы.</i> Этносаралық қарым-қатынас аясындағы қандастарды қоғамға интеграциялау мәселелері (әлеуметтанулық зерттеулер нәтижелері негізінде)...	13
<i>Болганбаева Ш.Д.</i> Диагностика социальных и языковых проблем этнических групп и кандасов Туркестанской области.....	27
<i>Вежбицки А.</i> Миграции в Польшу – вызов сплоченности и идентичности общества.....	43
<i>Додонов В.Ю.</i> Доходы и уровень жизни населения южных регионов Казахстана в контексте проблематики межэтнических отношений.....	73
<i>Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Абрахматова Г.А.</i> Межнациональные браки в Казахстане (по результатам социологических исследований и анализа статистических данных).....	90
<i>Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Ванхемтинг Э.Г.</i> Исследование этнических стереотипов в зарубежной науке: обзор подходов и методов.....	109
<i>Мамедова П.И.</i> Социальная интеграция кандасов в Жамбылской области: взаимодействие с местным населением.....	138

<i>Мацаберидзе М.</i>	
Акт о независимости Грузии от 26 мая 1918 года и новая грузинская национальная идентичность.....	154
<i>Шайкемелев М.С.-А.</i>	
Методологические аспекты эволюции этнических и субэтнических стереотипов на примере сообществ Юга Казахстана.....	168
<i>Шакеева Б.Р.</i>	
Қандастардың қоғамдық интеграциясы: Қазақстан, Корея және Германиядағы этникалық репатрианттарды интеграциялау тәжірибесіне салыстырмалы талдау.....	202
Авторы сборника.....	216

Научное издание

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНОСАЯСАТ ЖӘНЕ БІРЕГЕЙЛІК

ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану
институтында өткен халықаралық ғылыми-практикалық
конференцияның еңбектер жинағы

2 бөлім

**ЭТНОПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ
В КАЗАХСТАНЕ**

Сборник трудов международной научно-практической
конференции Института философии, политологии
и религиоведения КН МНВО РК

Часть 2

Дизайн обложки: *Б. Леспек*

Верстка: *Ж. Рахметова*

Подписано в печать 05.11.2025.
Тираж 400 экз. Формат 170x240 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,75.

Отпечатано в типографии ИП «2VLab»
г. Алматы, улица Кожамкулова, дом 229, кв/офис 37.